К.И. БАЧЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОХОДЕ 18-ГО ПЕХОТНОГО ВОЛОГОДСКОГО ПОЛКА В ТУРЦИЮ В 1877-1878 ГОДАХ

М.Н. МАЗЮКЕВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ О 1876-1878 ГГ.

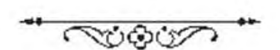
Государственная публичная
историческая библиотека России

Вглядываясь в прошлое

К. И. Бачевский

ВОСПОМИНАНИЯ

О ПОХОДЕ 18-ГО ПЕХОТНОГО ВОЛОГОДСКОГО ПОЛКА В ТУРЦИЮ, в 1877—1878 годах

М. Н. Мазюкевич

ВОСПОМИНАНИЯ

О 1876—1878 гг.

Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
Б 32

Печатается по изданиям:

[Бачевский К. И.] Воспоминания о походе 18-го пехотного Вологодского полка в Турцию в 1877—1878 годах. Посвящается памяти старых сослуживцев и боевых товарищей Вологодского полка.— СПб.: журн. «Чтение для солдат», 1886.— 124, [2] с.: ил.

Мазюкевич М. Н. Воспоминания о 1876—1878 гг./М. Мазюкевич.— СПб.: В. Березовский, 1900.—91, [2] с.

Бачевский К. И.

Б 32 Воспоминания о походе 18-го пехотного Вологодского полка в Турцию в 1877—1878 годах/ К. И. Бачевский. Воспоминания о 1876—1878 гг./ М. Н. Мазюкевич; предисл., коммент. Л. В. Беловинского; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2018.— 221 с.: ил.— (Вглядываясь в прошлое).

ISBN 978-5-85209-428-5

Издание объединило две книги, написанные участниками Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Автор «Воспоминаний о походе 18-го пехотного Вологодского полка» — офицер Константин Иванович Бачевский (р. 1851, впоследствии генерал-майор) — описывает дорогу до Дуная по территории Румынии, штурм Плевны, взятие Никополя, приводит данные о раненых и убитых. «Воспоминания...» Михаила Никитича Мазюкевича (р. 1829), офицера Инженерного управления Дунайской армии посвящены строительству мостов через реки в условиях войны, переправе войск через Прут и Дунай, саперным работам под Плевной.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-85209-428-5

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 ГОДОВ ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ

История войн, особенно по прошествии большого промежутка времени, обычно предстает как цепь героических свершений и самоотверженных подвигов, как это бывает с победоносными войнами, или трагических неудач и напрасной гибели героев, как это бывает с войнами проигранными. Всадники в ярких мундирах проносятся в сизых клубах пушечного дыма или мерным шагом идут в сомкнутых шеренгах грозные гренадеры, блеск сабель и штыков, рокот барабанов и гром русского «Ура!».

Между тем война — это большое и сложное хозяйство. Пока-то полки доберутся до театра военных действий и когда еще начнется решающая баталия. Призвать под знамена необученных рекрутов или отвыкших от военной службы запасных, подготовить их или обучить обращению с новым оружием в условиях новой тактики, добраться до места пешком, да хотя бы и доехать по однопутным железным дорогам под маломощными паровозами, подвезти продовольствие и боеприпасы, доставить тяжелое оружие и переправочные средства, подготовить дороги и мосты, устроить госпитали... Недаром А.В.Суворов в своей знаменитой «Науке побеждать» обращал внимание не только на «быстроту и натиск», но и на стертые от неправильно намотанных портянок солдатские ноги, но и на «захворавших брюхом» от плохой воды солдат.

Долго надо готовить баталии, чтобы они были победными.

Вот этой длительной и рутинной подготовке к решающим боям славной Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и посвящены воспоминания ее участников, представляемые читателю в этой книге Исторической библиотекой.

Первый из мемуаров принадлежит офицеру, батальонному адъютанту 18-го пехотного Вологодского полка, поручику, с июля 1877 г., капитану Константину Ивановичу Бачевскому. Полк в составе 9-го армейского корпуса (две пехотные и одна кавалерийская дивизии) в начале войны 1877—1878 гг. участвовал в штурме турецкой крепости Никополь и «Первой Плевне». Автор записок в этом втором боевом эпизоде был дважды тяжело ранен, осколком в бок и пулей в плечо. На этом и закончились его боевые действия, равно как и записки. В дальнейшем он вернулся на военную службу и даже дослужился до чина генерал-майора. Хотя должность адъютанта и не предусматривала непосредственного участия в боевых действиях (это штабная даже, в некотором роде канцелярская должность, фактически письмоводителя), ввиду больших потерь в офицерском составе мемуаристу пришлось заниматься и опасными рекогносцировками местности, занятой противником, и командовать ротой в бою. Так что ему было что описать. Но чуть ли не единственный солдатский подвиг, о котором он говорит чуть подробнее, — это то, как несколько солдат выносили его, раненого, из боя. Для тех, кто не бывал под пулями и даже не может представить себе, что это такое, это может показаться пустяком. Однако трое из солдат при этом были ранены в голову, а один — в плечо навылет. Так что недаром статут солдатского Знака отличия Военного ордена Св. Георгия предусматривал награждение за спасение собственного офицера.

Может быть, дело в самой адъютантской должности, может быть — в характере мемуариста, но описание двух боевых эпизодов — взятия Никополя и первого штурма Плевны — имеет сухой, документальный характер. Явно при этом использовались штабные бумаги, например, дневник боевых действий, который вела каждая воинская часть. Такая-то рота пошла туда, другая рота была направлена

сюда, такой-то батальон занял то-то, а этому батальону было приказано завернуть флаг… Представляется, что более интересны страницы, описывавшие поход к Дунаю. Недаром они занимают более половины 120-страничного текста. Здесь как раз даны красочные картины местности и условия похода то в безвылазной грязи, когда солдаты теряли в ней сапоги, то в непроницаемых тучах пыли, то под проливным дождем, то при полном отсутствии питьевой воды и без горячей пищи, на одних сухарях, с ночевками под открытым небом или в протекающих палатках. Не только в больших боевых потерях (7–8 июля под Плевной полк потерял убитыми 8 офицеров и 489 нижних чинов и ранеными 10 офицеров и 174 солдата; обратим внимание на несообразное соотношение между численностью убитых и раненых: обычно раненых в 2-3 раза больше, чем убитых), но и в условиях самого похода заключается тяжесть ратного труда.

Вторые записки принадлежат военному инженеру, полковнику М.Мазюкевичу. Его работы по организации постройки наплавного моста через Дунай отмечены многими участниками войны, хотя и без упоминания его имени. Ведь это была обычная, повседневная рутинная работа: отыскать материалы для постройки, найти удачную замену отсутствующим материалам, придумать, построить, испытать, доставить, установить… А лавры, слава достаются начальству, участие которого в таких делах заключается только в том, что оно отдает приказы да командирует исполнителей. Знакомясь, более или менее подробно, с историей Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., мы, как должное, узнаем о наведении переправ через Дунай у Зимницы и Систова. Одна-две строки, и не только в учебнике истории, но и в более подробной монографии. Между тем без этой сложной, а временами, кажется, и невыполнимой работы, не было бы самой переправы, как не было бы штурма того же Никополя, обороны Шипки или взятия Плевны.

В этих записках обнаруживается немало необычного для нас. То, что новорожденная Румыния приняла участие в войне с турками,— это мы знаем. А вот то, что сами румыны, не глава государства князь Карл, не глава правительства Братиану, сторонники войны, а обычные жите-

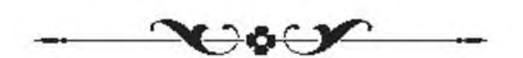
ли — и крестьяне, и горожане, и даже офицеры молодой румынской армии без особой охоты помогали русским хотя бы в поиске строительных материалов — это уже необычно. Правда, понять их можно: еще недавно Молдаво-Валахия была довольно эфемерным государством, вассалом Османской империи, а исход войны был совсем неясен, и могло так оказаться, что за помощь русским пришлось бы поплатиться.

Публикуемые ныне записки двух участников войны дают нам представление о ней как о сложном, требующем длительной подготовки и большого труда предприятии, которое лишь заканчивается атаками и победами.

Л. В. Беловинский,
доктор исторических наук

К. И. БАЧЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОХОДЕ 18-ГО ПЕХОТНОГО ВОЛОГОДСКОГО ПОЛКА В ТУРЦИЮ, в 1877–1878 годах

Посвящается памяти старых сослуживцев и боевых товарищей Вологодского полка

(с двенадцатью рисунками)

I

В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ

Краткий перечень событий, предшествовавших мобилизации войск.—Мобилизация полка.—Выступление полка в Каменец-Подольскую губернию.—В ожидании войны.—Война объявлена.—Отъезд полка со станции Гниванъ Киево-Брестской железной дороги

Война сербов с турками в 1876 г.[1] глубоко заинтересовала и взволновала все русское общество. Начались сборы пожертвований для Красного Креста и разных других комитетов, вербовка волонтеров, или, как их называли, «добровольцев»; имена Черняева[2], Киреева[3] и других героев сербской войны стали известны всем и каждому на великой матушке Руси.

Все напряженно следили за кровавыми событиями войны, с нетерпением ожидая конца этой роковой борьбы балканских славян с их исконным врагом — турками.

Но вот, в конце октября, последовал разгром сербской армии под Дюнишем[4]; турки готовились двинуться церемониальным маршем к Белграду и только решительное слово в Бозе почившего Государя Императора[5] лишило их этого удовольствия.

Наконец, всеобщие ожидания сбылись: 1 ноября высочайше повелено было произвести мобилизацию войск Киевского, Одесского и Харьковского военных округов, образовать шесть армейских корпусов, из которых корпуса № VIII, IX, XI и XII составили действующую армию; а наши 5-я, 31-я пехотная и 9-я кавалерийская дивизии составили IX армейский корпус.

С утра 2 ноября по улицам Чернигова, где квартировал полк, были расклеены полицией указы о призыве запасных солдат[6] и о выполнении воинской конской повинности[7]. Около них стояли кучки разного люда, читая и перечитывая их. В полковой канцелярии уже получено было предписание о том, чтобы к 22 ноября полк был готов к выступлению.

В полку закипела работа: начали прибывать партии запасных нижних чинов; нужно было их распределить поротно, обмундировать, раздать оружие, пригнать амуницию и т. п.; началась отточка штыков и другого холодного оружия[8]; вообще хлопот и работы было по горло.

Согласно полученному маршруту, полк должен был двинуться двумя эшелонами в г. Городню, а оттуда, по железной дороге, через Киев, по Киево-Брестской дороге до станции Гнивань Подольской губернии, и затем расположиться в районе Винницкого уезда.

20 ноября полк, со знаменами, построился на соборной площади. После литургии преосвященный Серапион, отслужив молебен перед строем полка, сказал напутственное слово, после которого благословил полк образом Казанской Божией Матери и вручил его командиру полка. Картина была поистине величественная. Был сырой, холодный ноябрьский день. Рыхлый снег покрывал землю, падая сверху, пополам с дождем. Масса публики наполняла площадь, окружая строй со всех сторон.

Батальоны, укомплектованные до военного состава, представляли грозный и внушительный вид.

В туманном воздухе веяли распущенные знамена и церковные хоругви. Духовенство, в блестящем облачении, ходя по рядам, кропило святой водой. Церковное пение сливалось со звуками музыки, игравшей «Коль славен»[9], и звоном колоколов. Слышались вздохи и слова молитвы и по лицу многих текли горячие слезы... Мысль о том, что, может быть, в последний раз приходится видеть родную семью, лица дорогих, близких сердцу людей, мысль эта тяготила сердце и глаза невольно заволакивались слезой!..*

По окончании молебствия Черниговское городское общество, среди которого полк наш простоял почти шесть лет, предложило угощение нижним чинам на Гимназической площади, а офицерам обед в зале Дворянского собрания.

23 ноября, около 8 часов утра, выступил из Чернигова 1-й эшелон, состоявший из 2-го и 3-го батальонов, под начальством майора Залетина, а на другой день должен был отправиться 2-й эшелон, состоящий из 1-го батальона, полкового обоза и штаба полка под начальством подполковника Тиханова.

Накануне выступления я почти целую ночь просидел в кругу родных; много было передумано, перечувствовано, пересказано!..

Рано утром, чуть только забелело на дворе, я простился с родными, сел на лошадь и, по обязанности батальонного адъютанта, поехал поднять знамя, чтобы отнести его на сборный пункт полка, возле нестроевого двора[10], в предместье Чернигова. Резко раздавались звуки музыки в пустынных и безлюдных улицах города, еще окутанного утренним туманом. К 8 часам 1-й эшелон был готов к выступлению. Полковым священником, Кудрявцевым, был отслужен напутственный молебен. Офицеры простились с родными и знакомыми, приехавшими сюда провести по-

* Действительно, предчувствие многих оправдалось: полк участвовал в шести больших сражениях и потерял убитыми и ранеными 64 офицера и 1942 нижних чинов.

следние минуты, проститься и пожелать счастливого пути; затем ударили «фельд-марш»[11]; все, сняв шапки, перекрестились и двинулись вперед. По обыкновению, раздались солдатские песни, гуденье бубна да звон тарелок, и — прощай Чернигов!.. Как-то грустно, странно было на душе; но, подчиняясь общему движению, и сам двигаешься вперед! День был солнечный, морозный; земля была только слегка покрыта снегом; все это благоприятствовало походу, и наш эшелон, пройдя 25 верст, в три часа дня пришел на ночлег в м. Седнев.

24 ноября эшелон перешел за 14 верст до села Дубровное. Здесь почти все офицеры нашего батальона ночевали в одной избе постоялого двора. Спали на полу, застланном соломой. Почти весь вечер провели в толках и рассказах о предстоящей нам боевой жизни. Из города к нам приехал адъютант Федоров и объявил, что городнянское общество, по почину предводителя дворянства, князя Кейкуатова, устроило нашему первому эшелону торжественную встречу, а затем угощение нижним чинам и обед офицерам, и что такой же прием и нас ожидает.

25 ноября мы выступили в 8 часов утра и сделали переход в 14 верст, до г. Городни.

В эти дни погода была хорошая, морозы стояли небольшие, и весь этот переход можно сравнить с мирной военной прогулкой.

Подойдя к городу, роты были приведены в строгий порядок; все, так сказать, подтянулись и под звуки полковой музыки и грохот барабанов запарадировали[12] на городскую площадь.

На площади встретило нас духовенство в облачении, с крестами и хоругвями; представители города и прочая городская публика. После молебна солдатиков на славу угостили водкой с булкой, а офицеров пригласили в помещение городского клуба, где им была предложена закуска. Загремела музыка, раздались тосты и разные пожелания; все было просто, но ве-

село; все остались довольны — и гости, и хозяева. Душою этого веселья, по обыкновению, был главный руководитель — князь Кейкуатов.

К вечеру мы пришли на Городнянский вокзал и, нагрузив обоз, двинулись уже по железной дороге к месту своего расположения, в Подольскую губернию.

Холод и теснота в вагоне, скука на вокзале и томительное ожидание отправления поезда — вот все, что можно сказать о нашем путешествии.

26 ноября эшелон высадился в Гнивани и разошелся по заранее распределенным стоянкам. Расположение частей полка было следующее: в селе Могилевке — полковой штаб и 2-я стрелковая рота; в селе Сутисках — 3-я, 4-я линейные и 1-я стрелковая роты; в селе Витове — 1-я и 2-я линейные роты; в м. Ворошиловке — 7-я и 8-я линейные роты; в селе Борске — 9-я и 10-я линейные роты; в селе Рыжиках — 11-я линейная рота; в селе Шершнях — 12-я линейная рота; в селе Маянове — 3-я стрелковая рота, и в селе Демдовке — 5-я и 6-я линейные роты*.

Остановка наша на неопределенное время не особенно радовала нас. Мы рвались вперед и вдруг — стоянка по глухим деревням, предстоящие впереди учения, смотры! Но нет худа без добра; эта продолжительная, четырехмесячная, остановка дала возможность сплотить полк, выучить и довести до блестящего состояния.

В числе прибывших из запаса многие давно все перезабыли, отстали от строя, отвыкли от дисциплины и не имели понятия об обращении со скорострельным оружием[13].

Как только устроились на новых местах, немедленно приступили к строевым занятиям, обратили особенное внимание на прикладку и другие приготовительные к стрельбе упражнения; проверяли ружей-

* В селе Демидовке находилось семейство помещиков Лупандиных, широким гостеприимством и любезностью которых в продолжение всей стоянки пользовались офицеры стоявших там рот.

ные приемы, маршировку; наконец, пройдя одиночное обучение, перешли к уставным, ротным и батальонным, учениям, а затем и тактическим на окрестных полях, покрытых глубоким снегом. Все строевые занятия, за неимением манежа, производились на открытом воздухе, несмотря ни на какую погоду. По утверждении людей в прикладке и прицелке, производили стрельбу в цель боевыми патронами и, по мере возможности, упражняли людей в сторожевой службе. В послеобеденное время занимались разборкою и сборкою, внутренней и гарнизонной службой и другими обязательными для нижних чинов познаниями. Впоследствии сформированы были в батальонах глазомерные команды[14], в состав которых в каждом батальоне из каждой роты взяты были четыре лучших стрелка.

В свободное от занятий время офицеры ездили в окрестные села к товарищам, охотились на волков, а у нас, в Сутисках, составился хор певцов-любителей, которые развлекали, как себя, так и других, в часы вечернего безделья и скуки. Под руководством прапорщика Гурского хор так усовершенствовался, что на рождественские праздники пел нотные обедни в сутисской церкви, чем приводил в неописанный восторг старика батюшку.

Наконец, это «подольское сидение» надоело всем до невозможности. Скука обуяла страшная: одно и то же изо дня в день, ни книг, ни газет, развлечений никаких!

В начале марта из штаба дивизии был получен приказ, что великий князь Николай Николаевич Старший[15], проездом в Кишинев, сделает смотр Вологодскому полку 14 марта, в 11 часов утра, возле станции Гнивань.

14 марта, в 8 часов утра, полк, в батальонных колоннах, был построен недалеко от вокзала, примыкая правым флангом к полотну железной дороги. Утро было сырое, туманное. Грязь была страшная; люди,

буквально, вязли по колена в распустившейся глинисто-черноземной почве. К 10 часам утра туман исчез, показалось солнышко и через $^3/_4$ часа прибыл поезд. Великий князь подъехал к фронту в коляске, в сопровождении начальника штаба, генерал-адъютанта Непокойчицкого[16]. Не имея возможности, вследствие глубокой грязи, объехать по фронту полк, великий князь, остановясь против 2-го батальона и став во весь рост в коляске, обратился с приветствием: «Здорово, вологодцы-молодцы!» и затем скомандовал: «К церемониальному маршу, поротно!». При прохождении церемониальным маршем многие солдаты потеряли сапоги в грязи и босыми маршировали мимо великого князя. Все роты полка удостоились похвалы его высочества.

После церемониального марша была вызвана 3-я стрелковая рота, которой было произведено ротное учение. Рота произвела различные движения и построения безукоризненно, за что неоднократно удостаивалась похвал. По окончании смотра его высочество вызвал к себе офицеров, сказал, что полк найден в прекрасном состоянии и что он надеется, что если полку придется встретиться с неприятелем, то он поддержит свою славу и что офицеры будут служить во всем примером.

10 апреля Вологодский полк, в составе всей дивизии, возле станции Жмеринка, участвовал на смотру Государя Императора. После объезда войск Государь Император изволил собрать к себе офицеров всех частей, поздравил с походом и, прощаясь, произнес напутственное слово. Радость и восторг были всеобщие. Долго-долго неумолкаемое «ура» перекатывалось по рядам войск, как эхо раскатов отдаленного грома.

После смотра получился маршрут, по которому полк должен был двинуться по железной дороге со станции Гнивань до Бендер и оттуда обыкновенным походным порядком в Румынию.

17 апреля, с 12 часов дня, начали отправляться первые эшелоны вологодцев, а к вечеру этого же дня прибыл для посадки 1-й батальон. Командир полка поздравил людей с походом и приказал полковому адъютанту прочесть манифест и приказ по действующей армии. Наступила ночь, холодная, звездная апрельская ночь. Так как наш эшелон должен был отправиться только в 11 часов ночи, то солдатики разложили костры и, стоя вкруговую, греясь, толковали что бог положил на душу. Вскоре затем загудел и зазвякал бубен и полились лихие солдатские песни...

II

ДО ДУНАЯ

Поход по Бессарабии. — Бендеры. — Стоянка в селении Гиски. — Предание о могиле Суворова. — Вид местности. — Движение полка к границе. — Новые Каушаны. — Виды местности. — Такузы. — Свойство почвы во время дождя. — Жилые постройки в Бессарабии. — Тараклия. — Чемишлия. — Дороговизна жизненных припасов. — Баштамак

18 апреля наш эшелон высадился на Тираспольском вокзале, лежащем в 2—3 верстах от Тирасполя, небольшого уездного городка Херсонской губернии, бывшего когда-то пограничной крепостью, разрушенные временем валы и заброшенные крепостные здания которой существуют и по настоящее время.

От вокзала мы пошли на Бендеры, пройдя которые должны были расположиться в селении Гиски, впредь до особого приказания.

День был хороший, солнечный. Весна была здесь в полном разгаре. В воздухе было тихо, тепло и даже жарко. В голубой синеве неба слышалось веселое щебетанье птичек; кругом — яркая зелень и деревья, покрытые уже распустившейся зеленой листвой. Воз-

ле Бендер перешли реку Днестр по железнодорожному мосту, устроенному таким образом, что в нижнем ярусе ездят экипажи, а вверху, над головой, проходят поезда; затем поднялись мы на гору и вступили в город.

Бендеры — одна из значительных крепостей на нашей юго-западной границе и вместе с тем — плохой уездный городишко, страшно грязный. Засохшие и взбитые глыбы грязи, покрывавшие площадь и улицы, уподобляли их кочковатому болоту.

В 5 часов пополудни мы выступили из города и, пройдя около пяти верст, расположились в назначенной стоянке, в селении Гиски, где уже были расположены, раньше пришедшие, полковой штаб и 2-й и 3-й батальоны нашего полка.

Гиски — это огромное село, разбросанное по скатам гор и долине, и тянущееся на протяжении по крайней мере 5—6 верст. Жители, выходцы из разных губерний, состоят из трех, резко отличающихся национальностей: великорусов-раскольников[17], малороссиян и молдаван.

Большею частью все постройки, особенно у молдаван, состоят из одних изб, не имея почти никаких надворных строений, так что скот зимою располагается под открытым небом.

Окружающая местность около Гисок очень живописная. На одной, более высокой, возвышенности находится продолговатый курган в виде вала, который здесь в народе носит название «могила Суворова».

Народное предание говорит, что с этой горы Суворов делал распоряжения при взятии Бендер во время турецкой войны, в царствование императрицы Екатерины II*, что на этой горе расположена была батарея и здесь же погребены были тела павших воинов.

Вид с этого кургана восхитительный. Если стать лицом к Бендерам, то впереди, по скатам гор и в ложбине, лежат Гиски, потонувшие в зелени садов

* Бендеры взяты графом Паниным в 1770 г.

и виноградников; дальше — город, издали казавшийся гораздо красивее, чем на самом деле. Кругом желто-коричневые горные кряжи Карпат, вершины коих представляют самые разнообразные очертания; вправо, по низменной долине, извивается лентой река Днестр, берега которой густо покрыты яркою зеленью деревьев, лоз и прочих зарослей; за рекой, над густой зеленью, виднеется какой-то монастырь или церковь, золотой крест которой ярко блестит в лучах полуденного солнца.

Здесь нам выдали жалованье за истекавший месяц. Солдатам выдали походные переносные палатки, одну на шесть человек. Палатки эти разбирались так, что каждому человеку приходилось нести одно полотнище, веревку и несколько колышков. В Гисках мы простояли три дня и затем, 20 апреля вечером, было объявлено приказание, что наш полк, два батальона архангелогородцев и две батареи 5-й артиллерийской бригады, составив эшелон, под начальством командира 1-й бригады 5-й пехотной дивизии, генерал-майора Кнорринга[18], выступят на другой день утром в местечко Новые Каушаны.

21 апреля день был серенький; дорога почти что просохла от раньше шедших дождей, и солдатики бодро двигались вперед, развлекая себя, по обыкновению, песнею:

> Восемь девок, один я,
> Куда девки, туда я!

Почти всю дорогу, с левой стороны виднелась река Днестр, берега которой были покрыты виноградниками и другой растительностью. Кругом нас высились желто-коричневые вершины гор, одна другой разнообразнее...

Несмотря на то, что переход был верст в двадцать с небольшим, он на первый раз, с непривычки,

показался нам и продолжительным, и тяжеловатым. Наконец, к часу дня, пришли на ночлег.

Новые Каушаны — это местечко, расположенное на скате горы, омываемой широким лиманом реки Днестр. Посредине, на площади, была небольшая каменная церковь, от которой тянулось несколько улиц, застроенных выбеленными известью, глиняными домами с красными черепичными или соломенными крышами. Комнаты в этих домиках были несколько сыроваты, но довольно опрятны, чисто выбелены и роскошно убраны коврами местного произведения. Жители местечка, большею частью, молдаване.

Утром, 22 апреля, выступили мы из Каушан в селение Такузы, где нам назначен был ночлег и дневка. Утро было серенькое, дул довольно холодный ветер; местность была страшно гористая; нам то и дело приходилось подыматься с горы на гору. Горы эти, с их грязно-желтыми, а в иных местах красноватыми вершинами, порядочно уже нам надоели. На седьмой версте мы свернули с большой почтовой дороги на проселочную и, пройдя немного, расположились на привал, на скате возвышенности.

По обыкновению, на привале солдатики подкрепляли себя скудным своим завтраком или, лежа кучками, головами друг к другу, беседовали и мурлыкали песенки.

Наконец, пришли и в Такузы; это было большое молдаванское село, очень разбросанное, с белыми, чистыми мазанками-избами и весьма скудною растительностью.

На другой день, утром, был сделан осмотр оружия и произведена поверка прицелки; затем люди занялись починкою и исправлением своей одежды и мытьем белья. Вечером затеялись солдатские игры и песни, а перед квартирою эшелонного командира играла полковая музыка, закончив день «вечерней зарею»[19] и гимном «Коль славен».

В Бессарабии, стране почти совершенно безлесной, дома строятся следующим образом: стены выводят из дерна или высушенного кизяка[20], обмазывают их, как внутри, так и снаружи, глиной, белят известкой и покрывают соломенной или камышовой крышею. Избы почти везде чисты, опрятны, устланы коврами местного изготовления; но воздух в них влажен, и они отличаются сыростью. Здесь во множестве изготовляются ковры, иногда весьма хорошего качества; эти ковры составляют один из главных предметов богатства жителей.

24 апреля, к вечеру, мы были уже в Тараклии, куда солдатики дошли бодро, с песнями.

В следующую ночь пошел проливной дождь, вследствие чего растворившаяся глинисто-черноземная почва сильно затрудняла наше движение на следующий день к местечку Чемишлия и приводила всех в совершенное изнеможение. Грязь была какая-то липкая, пристававшая к ногам; казалось, что несешь на ногах какие-то свинцовые гири; ежеминутно приходилось отряхивать сапоги.

— Да тут и грязь какая-то не людская! — ругались солдаты, отряхивая с ног комья грязи и кряхтя, плелись дальше, подымаясь с горы на гору.

Больше всего надоели нам горы с их противными грязно-желтыми, лишенными растительности вершинами; куда ни посмотришь, везде горы, горы и горы.

На этом переходе, как люди, так и обозные лошади совершенно выбились из сил. Солдатикам большею частью приходилось на своих руках вытягивать засевшие в грязи обозные фуры.

Чемишлия — это небольшое молдаванское местечко, имевшее кое-какие лавчонки, благодаря чему мы могли пополнить свои скудные запасы, истощившиеся за время похода*. Все здесь было незавидного ка-

---

*За полком тащился жидок-маркитант[21] Нотус, наш бывший полковой портной; но цены у него на все стояли ужасные, напри-

чества и притом страшно дорого; например: пуд[22] говядины 6—8 рублей; сала 14—20 рублей; пуд соли 2—4 руб., крупу же можно было достать только кукурузную по 1 рублю за пуд, капусты же нельзя было достать ни за какие деньги. Говорят, что все эти продукты вздорожали со времени прохода войск, а до тех пор здесь было дешево.

Утром 26 апреля мы выступили в село Баштамак, последнее русское село перед переходом границы. День был солнечный; в воздухе чувствовалась свежесть от недавно шедшего дождя. Дорога за ночь успела несколько просохнуть, так что не представляла такого затруднения, как накануне. Местность была гористая, живописная. Красивая долина и ущелья, как в панораме, сменялись пред нашими глазами.

Пройдя, наконец, 18—20 верст, пришли в Баштамак — небольшое молдаванское село, разбросанное по скатам гор и лощинам. Так как отряд, состоящий из двух полков с двумя батареями, не мог расположиться по квартирам, то на каждую роту было отведено по четыре хаты для офицеров и ротной канцелярии, а солдатики расположились бивуаком, в первый раз применив к делу свои палатки.

Всю ночь шел проливной дождь. Следующий день был пасмурный и холодный, так что почти все сидели по квартирам.

мер, рюмка водки — 10 коп., штоф водки — 1 р. 20 коп., фунт плохого швейцарского сыру — 80 коп., фунт колбасы — 50 коп., фунт сахару — 40 коп., фунт черного хлеба — 10 коп., белого — 15 коп.

III

ПО РУМЫНИИ

Переход границы.—Солдат-доробанец.—Раздумье.—Картины прошлого.—Леово.—Переправа через Прут, у Фальчи.—Эпурени.—Бырлад.—Текуч.—Вид страны и горные кряжи Карпат.—Фокшаны.—Рымник.—Бузео.—Мезиль.—Плоешти.—Дружины болгарских добровольцев.—Смотр полка великим князем, главнокомандующим.—Переход к Бухаресту.—Стоянки в Драгомирешти и Вуку.—Движение полка к Дунаю.—Вид местности и характер жителей.—Руше-де-Веде.—Ночной переход к деревне Сяки.—Приготовление к переправе через Дунай.—Стоянка в Сяках.—Переход полка к Зимнице.—Вид местности в придунайской равнине.—Зимница.—Полковой праздник

После дневки, мы 28 апреля двинулись дальше, к румынскому городку Леово. Утро было солнечное, теплое, и, пройдя около 2 верст, мы очутились на границе. На пограничной черте встретили румынского солдата, удивившего нас своим своеобразным костюмом и далеко не воинственною наружностью. Румынский солдат-доробанец был одет в синевато-серую шинель, покроем похожую на нашу, с голубыми погонами и клапанами на воротнике; на нем были холстинные шаровары; ноги обуты в кожаные башмаки, совершенно такие же, как у нас, малороссийские постолы[23]; на голове высокая барашковая шапка, верх которой шире, чем тулья, и сбит на правую сторону; с левого бока шапки было воткнуто перо, похожее на павлиновое или цапли; в руках у него было гладкоствольное ружье, которое он держал крайне неловко. Не утерпели наши солдатики, чтобы не подтрунить над румыном:

— Медведя, братцы, поймали! — шутили солдатики.—Ишь, ты,— солдат, а без сапог; должно быть, пропил!..

Пройдя границу, сняли шапки, перекрестились; заиграла музыка и раздались песни.

— Ну вот, господа, мы и границу перешли! — сказал кто-то из офицеров.

Эти, по-видимому, простые, малозначащие слова заставили многих крепко призадуматься. Да она и понятна и естественна, эта крепкая дума! Ведь многие из нас оставили семью и родных, а придется ли их вновь увидеть! Далеко-далеко позади осталось все, что близко и дорого сердцу, а впереди — неизвестное будущее!

Только солдатики отводили свою душу, вспоминая в песне:

Ты Россия, ты Россия,
Мать — Российская земля!

Перейдя границу, мы шли сначала по волнообразной местности, прорезанной небольшими балками, а затем перед нами открылась обширная равнина. Широко раскинулась кругом нас равнина эта, сливаясь вдали с горизонтом. Впереди виднелась синеватая лента реки Прут, широко разлившаяся от весеннего половодья. За Прутом виднелись горы, которые, поднимаясь одна над другой, терялись в голубоватой дали.

Так вот она, эта знаменитая степь! То поле широкое, русской кровью политое, костями белыми усеянное. Недаром сложилась на Руси песня, которую солдаты так часто поют:

Ах, ты, поле, мое поле,
Поле чистое, турецкое!..

В голове невольно роились мысли... в воображении рисовались одна за другой картины далекого, славного прошлого... Вот гудит и стонет поле под копытами лошадей многотысячной толпы. Краснеют верхи высоких, черных барашковых шапок; развеваются откидные рукава цветных жупанов[24]; блестит оружие, звенят сабли и веют по ветру бунчуки... Виднеются

усатые, загорелые лица, с длинными чубами-оселедцами, заложенными за ухо. Чу!.. слышен крик:

— Ой, сичь мати, а великий луг батько!..

Кто же это?.. — То рыцари-запорожцы, оплот русского народа, веры православной от ляхов, татар и турок...

А вот слышится грохот барабанов, звуки музыки и песня:

Знают турки нас и шведы,
И про нас известен свет...

Движутся полки за полками в зеленых кафтанах, в низких треугольных шляпах, в штиблетах и башмаках, с мушкетами и копьями на плечах. Впереди идет высокая мужественная фигура, в старом, потертом зеленом кафтане и в высоких, порыжелых ботфортах; это первый «бомбардир» русской армии, Петр Михайлов[25], Император российский, возвращающийся из турецкого похода, из-под Прута...

...Опять гремят барабаны, опять слышна музыка; снова идут полки за полками в зеленых кафтанах, в красных камзолах, в треугольных шляпах и касках, под жгучими лучами солнца, в облаках пыли!.. Вот маленькая, худенькая фигурка, в солдатской куртке и каске, на казачьей лошадке. «Здорово, чудо-богатыри! — говорит фигурка, обращаясь к войскам — вперед за матушку*, за Русь, за веру православную!». И от этих магических слов громче забили барабаны, сильнее заиграла музыка, веселее раздались солдатские песни! Кто же этот чародей, умеющий одним словом одушевлять массы, давать им новую силу для преодоления зноя, жажды и усталости? — Это непобедимый вождь русских войск — это Суворов!..

Вот мы подошли к самой долине, по которой течет Прут; почти вся она была покрыта водой, затопившей сады и рощи. В некоторых местах виднелись только верхушки деревьев, ветви которых были жи-

* Императрицу Екатерину II.

вописно раскиданы на поверхности воды. На берегу Прута расположился небольшой городок Леово; за рекой разбросаны небольшие хутора, избушки которых ютились по скатам гор, утопая в зелени садов. Не доходя города, на скате возвышенности, расположилась 9-я пехотная дивизия, задержанная переправой; несколько далее стояла и наша 2-я бригада. Пройдя место стоянки 2-й бригады, мы расположились бивуаком на лугу, недалеко от реки. Когда мы кончили устраиваться, солнце уже спряталось за горы, окрасив небо ярким, пурпуровым заревом заката. От реки потянуло свежестью, наступили тихие весенние сумерки... Солдатики, взяв котелки, отправились к кухням на ужин... Протрещали барабаны «зарю», солдатики, пропев хором молитву, собрались потом поротно в кружки и затянули свои любимые песни. Мало-помалу бивуачный шум начал стихать и наконец совсем смолк; только вдоль рядов белых низеньких палаток да ружей, составленных в козлы, двигались темные фигуры дневальных, нарушая иногда ночную тишину вызовом новой смены.

На другой день после прихода наш бивуак объезжал начальник дивизии, генерал-лейтенант Шильдер-Шульднер[26] и между прочим передал нам некоторые изменения в строевом уставе, а именно: что рота разделяется на две полуроты и четыре взвода, взамен прежнего деления на взводы и полувзводы. Носились слухи, что наша бригада простоит у Леово дня три. Городок этот оказался маленький; дороговизна и цены на все стояли страшные; к тому же и курс наших бумажных денег стоял довольно низкий, всего $2^1/_2$ франка за бумажный рубль; солдатики особенно были озадачены этим явлением и сначала приписывали это надувательству румын.

Утром 2 мая мы выступили к переправе через реку Прут, у местечка Фальчи. Дорога пролегала то по зеленеющей, покрытой растительностью долине Прута, то — подымалась на голую, пустынную возвышен-

ность. Переправиться нам в этот день не удалось, так как шедшая впереди нас 2-я бригада была задержана непролазной грязью луговой дороги, гатями и мостами. Полк расположился бивуаком на пустынном и голом скате возвышенности, отлого спускавшемся к долине Прута. Впереди нас, в расстоянии около 4 верст, за рекой виднелось большое местечко, Фальчи. Хотя вода уже значительно спала, но на лугу грязь и топь стояли страшные; дорога представлялась грязною канавою, глубина которой местами доходила до брюха лошади. Через Прут был переброшен плавучий, широкий и крепкий мост, постройка которого, говорили, стоила казне до 60 тыс. рублей.

3 мая утром мы совершили свою переправу через Прут или, вернее сказать, через долину Прута. Вследствие болотной топи и глубоких луж солдаты поснимали с себя сапоги и шаровары, и в этом костюме, подсмеиваясь друг над другом, плелись по сплошному болоту, тянувшемуся около 3 верст до самого моста, где, омыв свои ноги от грязи и тины, оделись и с песнями и музыкой прошли через Фальчи. Особенно досталось во время переправы 2-му батальону, бывшему в арьергарде; солдатикам пришлось на своих плечах тянуть, словно барки, обозные фуры, более плывшие по жидкой грязи, чем катившиеся на колесах. Пройдя Фальчи, мы расположились бивуаком на равнине, по обеим сторонам дороги. Вскоре к нам присоединился подвижной лазарет 5-й пехотной дивизии, расположась сзади полка. Фальчи — это большое торговое местечко, с пристанью для барок, с порядочными магазинами, лавками, гостиницами, ресторанами и проч.

Еще в Леово солдаты заменили мундиры гимнастическими рубахами, а шапки обтянули белыми чехлами; кроме того, во время сильной жары приказано было пристегивать холщовые назатыльники для предохранения шеи и ушей от жгучих солнечных лучей.

На следующий день мы прибыли на дневку в село Эпурени и расположились бивуаком на скате большой возвышенности. Внизу перед нами тянулась долина, за ней подымались высокие горы, вершины которых были покрыты густым лесом, а на скатах зеленели сады и виноградники. В долине, перед нашим бивуаком, был винокуренный завод; немного дальше, вправо села Эпурени,— имение бывшего румынского министра финансов; в Эпуренях был прекрасный дом, меблированный, с большим тенистым садом; в этом доме была отведена квартира бригадному командиру.

На другой день, около полудня, разразилась гроза с проливным дождем и сильным ветром, посрывавшим у многих палатки; но едва только пронеслись тучи, выглянуло солнышко, наш бивуак снова огласился песнями и шутками. Вечером по просьбе племянницы министра, находившейся в это время в Эпуренях, в саду играла музыка; на гулянье были приглашены офицеры, но вследствие грязи и завтрашнего раннего выступления большинство предпочло остаться на бивуаке, куда отчетливо доносились звуки музыки.

Из Эпуреней мы выступили в 4 часа утра и направились к городу Бырладу. Утро было пасмурное; большие, темно-серые тучи тяжело стлались по вершинам гор, закрывая их как шапкой. По обеим сторонам дороги тянулась густая лесная чаща орешника и другой растительности, оглашаемая щебетаньем птиц. Душистый аромат цветов и прочей зелени наполнял воздух и как-то оживляюще действовал на нас. По выходе из леса дорога пролегала по более ровной местности, усеянной небольшими песчаными холмами и прорезанной оврагами. Вскоре начал накрапывать дождик, превратившийся вслед за тем в сильный, хотя и непродолжительный, ливень, измочивший нас, как говорится, до костей; продрогшие от холода и сырости, солдаты быстро двигались вперед. По пути мы прошли две деревеньки, одна из них —

Птени, небольшая слободка, на полдороге от Эпуреней, а другая — Зорлени, почти под самым Бырладом.

При въезде в город, для почетной встречи нашего отряда, выстроилась местная милиция[27], около 80 человек, в развернутом фронте, без ружей; здесь также находился и полицейский комиссар.

Полк вступил в город с музыкой и песнями; почти все улицы, по пути следования, были запружены румынами, вышедшими посмотреть на русские войска; особенно удивлялись румыны барабанщику 2-й роты, который, после такого утомительного перехода, идя впереди роты, под песни отплясывал вприсядку.

Пройдя город, мы должны были расположиться бивуаком; но румынские власти, по случаю дурной погоды, отвели полку квартиры; придя на место бивуака, люди пообедали, и затем мы разошлись по отведенным нам квартирам, хозяева которых довольно любезно нас встретили и старались доставить удобства, какие могли. Бырлад довольно порядочный и, как видно, промышленный городок, но цены в лавках на все стояли ужасно дорогие.

Ночью в городе, по неизвестно какой причине, произошел пожар, переполошивший как жителей, так и нас. Пожарная команда оказалась довольно неисправною, и только благодаря помощи наших солдат пожар был скоро потушен и не принял большего размера.

Из Бырлада мы выступили около 8 часов утра. Было сыро и холодно; моросил мелкий дождик, затем он усилился и мочил нас почти всю дорогу. Тяжело шлепали мы по страшно грязной, избитой глубокими колеями, дороге. По левую сторону нашего пути, по совершенно ровной местности, пролегало полотно железной дороги, почти не имевшее ни выемок, ни насыпей. Пройдя около 18 верст, мы расположились бивуаком на возвышенности, недалеко от железнодорожной станции Лиешти, а наутро направились в город Текуч, где нам была назначена дневка.

С утра погода стояла пасмурная, сырая; по временам шел дождь; но затем ветер разогнал тучи, выглянуло солнышко, и мы легко и быстро двигались вперед по отличному шоссе.

Вокруг нас расстилалась обширная равнина, покрытая хорошо обработанными пашнями, роскошною растительностью, рощицами и садами, сквозь зеленую чащу которых весело выглядывали белые домики с красными черепичными крышами. Вправо, в отдалении от нас, тянулись горные кряжи Карпат, вершины которых, покрытые лесом и подернутые легкой синевою, грядами поднимались одна над другой. По скатам гор, среди виноградников, разбросаны были деревеньки, с высокими остроконечными колокольнями. Везде на окрестных полях кипела работа и был виден трудящийся люд. Крестьяне, в черных широкополых шляпах, в белых рубахах, подпоясанные красными поясами, шагали за плугом, запряженным в несколько пар волов. По дороге весьма часто попадались корчмы, большею частью каменные, крытые черепицей или гонтом[28] и довольно чисто содержимые; в корчме можно было достать местного вина, ракии* и брынзы**.

При входе в Текуч нас встретил полицейский чиновник, а затем выехал в экипаже и префект[29] города. По случаю сырой погоды роты были разведены по квартирам. В Текуче из телеграммы мы узнали, что 29 апреля, возле Браилова, поручик Самойло удачным выстрелом взорвал турецкий броненосец; его фотографическая карточка была выставлена во всех ресторанах.

На другой день, на городской площади, играла наша музыка[30], слушать которую собралось много народа.

Из Текуча мы сделали переход в Фокшаны. Между этими городами пролегало отличное шоссе и считалось

* Водка из виноградных выжимок или кукурузы.

** Овечьи сыры в виде творога.

28 верст[31]*, но так как на шоссе разливом реки Серет был совершенно испорчен мост, то мы вынуждены были свернуть вправо, к деревне Маронешти, и идти по грунтовой дороге и вместо 28 сделать 41 версту. Для облегчения людей ранцы и сухари везлись на нанятых подводах. Пройдя Маронешти, мы переправились по двум железным, довольно легкой, воздушной постройки, мостам через широко разлившийся Серет, быстро катившиий свои мутно-желтые волны. Мосты были настолько испорчены, что, несмотря на то, что пехота проходила рядами, а артиллерия по одному орудию, они заметно качались из стороны в сторону. Перейдя Серет, мы свернули на шоссе, по которому уже и продолжали движение до самых Фокшан. Кругом нас расстилалась все та же равнина, тянувшаяся от самого Бырлада, только природа ее сделалась роскошнее и разнообразнее. Здесь встречались большие стада овец и рогатого скота под надзором пастухов, одетых в черные широкополые шляпы, кожаные лапти, и белые суконные, без рукавов плащи, покроем похожие на кавказскую бурку.

Почти в сумерки подошли мы к Фокшанам[32]. Перед самым городом, по обе стороны дороги, были разбросаны курганы, при взгляде на которые невольно вспоминалась блестящая победа Суворова над турками в 1789 г.

Пройдя через город, мы расположились бивуаком на городском выгоне. Почти от ежедневных дождей на лугу стояли лужи, везде было мокро и сыро. Пока разбили палатки, сумерки сменились ночью; люди, взяв котелки, пошли к ротным котлам на ужин.

10 мая было первым днем провозглашения независимости Румынии[33], а также днем вступления князя Карла на престол, вследствие чего город был иллюминован; дома убраны флагами; на городской площади играла довольно порядочная местная музыка,

* В Румынии расстояние пути измеряется, большею частью, не мерою длины, а временем — часами.

а по улицам ходила с факелами толпа народа, распевая национальные песни. Фокшаны довольно большой, торговый город, с княжеским дворцом. Улицы обстроены красивыми домами, большею частью окруженными садами; улицы хорошо вымощены и освещены.

Из Фокшан мы сделали переход в 18 верст до Тырго-Кукулуя, где расположился Архангелогородский полк и штаб 1-й бригады; наш же полк, не доходя одной версты, свернул вправо, в деревушку Драгословени. Деревушка эта расположена среди гор, по склонам которых тянулись сады и виноградники. Внизу лощины протекала небольшая речка, с мутною и негодною для употребления водою. Для варки пищи и питья воду брали из колодцев.

Утром мы выступили из Драгословени и, миновав Тырго-Кукулуй, небольшое местечко, расположенное на скате возвышенности, направились в Рымник, где нам назначена была дневка.

Пройдя 18 верст, мы вступили в Рымник и расположились бивуаком на пустыре, на правом берегу речки Рымник, мутная вода которой не годилась не только для питья, но даже и для варки пищи; воду нам на бивуак привозили из городского водопровода. По внешности Рымник без всякого сравнения хуже Фокшан; мы все очень сожалели, что дневка выпала нам здесь, а не в Фокшанах.

По случаю дневки, на городской площади должна была играть музыка и предполагалось устроить гулянье, но к вечеру небо покрылось тучами, пошел дождь, ливший не переставая до полуночи. Рымник замечателен блистательною победою Суворова над турками в 1789 г.[34], а также трагическою судьбою сына Суворова, бывшего уже генералом и командовавшего отрядом наших войск, расположенных в Молдавии, по случаю войны с турками в 1811 г. Переезжая вброд через разлившуюся от дождя реку

Рымник, экипаж его был опрокинут напором волн, а сам он утонул, 27 лет от роду.

Из Рымника мы перешли в Бузео. Утро было сырое; мелкий дождик, моросивший сначала как из сита, перешел в ливень, мочивший нас, с небольшим перерывом, до конца перехода. Измокшие и продрогшие, солдаты безостановочно двигались вперед, так что за все время перехода был сделан только один привал, в час с небольшим. В Бузео нас поставили по квартирам, что дало возможность отдохнуть в сухом помещении и просушить платье.

В Мезиль мы пришли поздно вечером, сделав 32 версты по испорченному шоссе под непрерывным дождем. Наше движение особенно замедляла артиллерия, шедшая между батальонами и то и дело останавливавшаяся для каких-нибудь поправок. Вдоль нашего пути и почти параллельно пролегало полотно железной дороги, шедшей из Браилова в Бухарест. По дороге постоянно двигались поезда, перевозившие наши войска к Бухаресту. Навьюченные наши солдатики, поливаемые дождем, утаптывая острый щебень разбитого шоссе, с завистью поглядывали на счастливчиков, кативших в вагонах.

— Ишь ты, черт, шныряет! — ругали они возвращавшийся назад пустой поезд. — Ранцы, видно, забыл на станции!

Действительно, немало трудов и лишений пришлось перенести нашей дивизии, прошедшей пешком через всю Румынию.

Придя в Мезиль, мы стали бивуаком на городском выгоне. Везде сыро, грязно, и цыганский пот[35] порядком-таки пробирал нас в течение ночи. Чтобы несколько согреться, солдатики, разложив небольшие костры, начали варить в ранцевых котелках чай и обсушивать платье.

В Мезиле мы узнали, что нашими моряками, Дубасовым и Шестаковым[36], 13 мая взорван турецкий монитор.

Пройдя от Мезиля 18 верст, мы расположились бивуаком на возвышенности, возле деревни Альбешти. Внизу возвышенности протекала широкая, но мелкая мутная река. Замечательно, что во всех реках Румынии вода мутная и почти негодная для употребления. Большею частью они берут начало в Карпатских горах и в сухое время года мелководны; но как только в Карпатах начнут таять снега или выпадут сильные дожди, тогда маленькие речонки превращаются в грозные, широко разлившиеся потоки, бурливые волны которых разрушают и сносят все на своем пути.

Здесь получилось известие, что в Плоешти наш отряд будет смотреть главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, вследствие чего на другой день, пользуясь дневкой, начались обыкновенные приготовления к смотру.

17 мая мы направились в Плоешти. По обе стороны шоссе, среди садов и виноградников, были разбросаны деревушки и отдельные домики. Впереди, на возвышенности, блестя на солнце обитыми белой жестью куполами церквей, живописно потонувшими в зелени садов, раскинулось Плоешти. Все это, при великолепной и нежаркой погоде, стоявшей в тот день, придавало окружавшей местности чарующий вид. Верстах в двух от города расположен был лагерь болгарского ополчения, состоявшего в то время из шести дружин пятиротного состава. Кадр этих дружин составляли русские офицеры, унтер-офицеры, барабанщики и сигналисты, назначенные от разных частей армии, в том числе и от нашего полка было несколько унтер-офицеров и барабанщиков; остальной состав формировался из болгар-добровольцев. Когда мы проходили мимо их лагеря, ополченцы были на учении, а частью на стрельбе. Одеты они были в черные суконные, двубортные, с отложными воротниками и красными погонами мундиры; черные шаровары были заложены в длинные сапоги, на голове — круглая бараш-

ковая с зеленым верхом и медным осьмиконечным крестом шапка; амуниция была нашего образца, но только вместо ранцев носились холщовые мешки; вооружены они были ружьями Шаспо[37] со штыками-саблями.

Около 10 часов утра мы уже были у городской заставы, но так как получено было приказание вступить в город в 2 часа дня, то полк расположился на привале; имея такой продолжительный отдых, люди успели привести в порядок свою амуницию и одежду. В назначенный час, с музыкой и песнями, полк вступил в город и направился по главной улице, где находилась квартира главнокомандующего. Великий князь стоял на балконе и, пропуская мимо себя, приветствовал каждую роту и поздравлял с благополучно совершенным походом, на что люди отвечали дружным «ура».

Пройдя город, мы расположились бивуаком на пустыре, влево от шоссе в Бухарест. Перед вечером я отправился в город, чтобы послать домой письмо, а также сделать кое-какие покупки; долго мне пришлось шагать по широко раскинувшемуся городу, пока добрался до центра. Почти большинство домов окружены тенистыми садами, крылечки убраны плющом, диким вьющимся виноградом и цветочными горшками, что придавало домикам красивый и уютный вид. Центр города застроен красивыми домами; на площади и прилегавшим к ней улицам было довольно большое, оживленное движение.

За Плоешти окружающая местность перешла в низменную равнину, покрытую травою и засеянными полями; на горизонте местами тянулись длинные полосы леса. Горные кряжи Карпат, отдаляясь все более и более к западу, наконец, исчезают вдали, сливаясь с горизонтом. День был жаркий; на дороге стояла большая пыль, вследствие чего мы с большим удовольствием расположились на привале в густом, тенистом лесу.

По приходе на место ночлега мы стали бивуаком недалеко от села Челпаны. Вблизи нас протекала река Ялошица, обрывистые берега которой густо поросли кустарником.

20 мая нам нужно было сделать переход в 40 верст до Бухареста, а оттуда в село Драгомирешти, вследствие чего мы выступили с бивуака еще до рассвета при полном сиянии луны. Дорога пролегала по низменной равнине, кое-где прорезанной неглубокими оврагами; по сторонам шоссе были разбросаны небольшие лески и заросли шиповника. В начале перехода люди шли бодро, распевая песни, но, отмахав верст 25, все начали заметно уставать. Наступившая жара и духота, а также тяжесть снаряжения сильно изнуряли солдатиков; отсталых и больных становилось все больше и больше; но, несмотря на это, полк шел вперед и вперед. Усталости и изнеможению солдат много способствовало тяжелое и неудобное снаряжение. Тяжелый ранец с полною укладкою оттягивал плечи назад, надавливая грудь и плечи ремнями, а скатанная шинель, надетая через плечо, поверх ранца, еще более затрудняла движение; солдаты довольно часто надевали ее на шею в виде хомута.

Наконец, отломав 40 верст, мы добрались до Бухареста, столицы Румынии, и расположились на привале в виду городского предместья; но переход наш не был кончен: нам предстояло еще удовольствие сделать прогулку около 15 верст, до села Драгомирешти и Вуку. После привала, с музыкой и песнями, мы вступили в предместье города, где нас встретил верхом румынский офицер, в сопровождении калараша*, назначенный для указания пути по городским улицам. Проходя, мы захватили только северо-западную окраину Бухареста: сначала мы шли по широкому, прекрасному бульвару, густо обсаженному каштановыми деревьями и сиренью; по левую сторону бульвара тянулся обширный, тенистый сад, сквозь

* Конный солдат-милиционер.

чугунную решетку которого видны были клумбы цветов, широкие аллеи и фонтаны, высоко бьющие струи которых каскадами падали в белые бассейны; бульвар обставлен высокими домами, довольно красивой архитектуры; на улицах — оживленное движение народа, снующие экипажи,— вообще весь тот шум и суета, которые так присущи большому городу. Навстречу проходящему полку выехало и вышло много румынок в нарядных и живописных костюмах; они предлагали нам бесплатно водки и вина. Солдатики гурьбою набрасывались на приношения милосердных жен-самарянок[38], чтобы промочить и освежить свое горло, засохшее от зноя и пыли. С бульвара мы свернули вправо и зашагали из улицы в улицу, покрытые любопытствующим людом. По выходе за город, на поле был сделан привал, чтобы дать возможность подойти больным и отсталым, число которых доходило до нескольких сотен. Солнце клонилось уже к закату и вскоре совсем спряталось, оставив после себя яркобагровую полосу на небе. Короткие сумерки быстро сменились темною ночью, про которую говорят: «хоть глаз выколи». Наконец, кое-как, к 12 часам ночи добрались мы до села Драгомирешти. В Драгомирешти остался штаб полка, 2-й и 3-й батальоны, а 1-му батальону пришлось маршировать еще около 3 верст дальше, до села Вуку, куда и дотянулись к 2 часам ночи, сделав за весь переход 65 верст.

Вуку находится верстах в пятнадцати от Бухареста и в пяти от станции железной дороги и расположено на равнине, при небольшой мутной речке. Почти все постройки окружены фруктовыми и других пород деревьями, так что издали кажется, будто вся деревня раскинута в обширном саду. Избы, большею частью, тесны и не совсем опрятны, вследствие чего как офицеры, так и солдаты предпочли поместиться в палатках, раскинутых под деревьями, росшими возле отведенных квартир. Предположение, что мы простоим здесь более недели, вполне подтвердилось.

Ежедневно по утрам у нас производились строевые занятия, а в остальное время люди приводили в порядок свое снаряжение, одежду и починяли сильно износившуюся обувь.

Здешние крестьяне живут довольно бедно; характером лукавы и корыстолюбивы. Как-то раз приходит баба к ротному командиру с жалобой на солдата, стянувшего ее курицу; делать нечего, пришлось ротному заплатить за лакомку-солдата; узнав это, другая баба подняла дохлую курицу и пришла тоже с жалобой, что солдат убил ее курицу; но на этот раз дело не выгорело и она осталась ни с чем.

Почти все избы сделаны из хвороста и глины и крыты камышом или черепицей; надворных построек, большею частью, не имелось, и дворы не отделялись огорожей. Иногда на лужках перед избами на цепи бродили свиньи, для чего один конец цепи привязывался к ошейнику, а другой к вбитому в землю колу. Главный предмет возделывания здесь — кукуруза, из муки которой пекут хлеб и варят мамалыгу, похожую на крутую пшенную кашу. Хлеб, испеченный из кукурузы, крайне невкусен, пресный и трудно переваривается в желудке. Из скота держат волов, буйволов и ослов (мэгаров); лошадей же крестьяне имеют мало, и то мелкой породы.

В это время мне удалось побывать в Бухаресте. Бухарест — довольно большой и красивый город; вдоль широкой и прекрасно вымощенной улицы Магошей тянутся великолепные дома с магазинами и ресторанами; на этой же улице находится городской собор и княжеский дворец — довольно простое здание, окрашенное темно-серой краской и по внешности своей почти ничем не отличающееся от окружающих домов. Против дворца была гауптвахта[39], по платформе которой шагал часовой — стрелок, одетый в коричневый двубортный мундир, с зелеными обшлагами, погонами и воротником; темно-серые шаровары заправлены в сапоги; на голове черная круглая шляпа,

одно поле которой приподнято; над ним — маленький помпончик, а с другого бока спускается пучок петушьих перьев; вооружен он был ружьем Пибоди[40] со штыком-саблей.

Самая богатая и самая красивая по своему внешнему виду — это главная улица; но зато остальные улицы узки, кривы и дурно вымощены; здесь хорошие дома чередуются с бедными лачужками, богатый магазин с бедною лавчонкою. Особенно хороши в Бухаресте извозчики; большая часть из них русские выходцы, из секты скопцов[41], которых в Бухаресте находится целая слобода; все они живут очень зажиточно. Румынские офицеры носят нарядные и щеголеватые мундиры; пехотные офицеры одеты в черные, однообразные мундиры с красными обшлагами и петличками на воротнике; на плечах — золотые жгутики, а рукава обшиты золотыми басонами, углом кверху; панталоны темно-серые, с красным кантом навыпуск; на голове черная кепи с красным околышем, с большой трехцветной из материи кокардою и донышком, вычурно расшитым серебряным басоном. Чины различаются по золотым басонам, нашитым на рукавах мундиров и тулье кепи: у подпоручика — один, поручика — два, капитана — три; штаб-офицеры имеют, кроме того, узкий галун на рукавах и тулье кепи; вооружены узкими прямыми саблями в металлических ножнах на галунной портупее; при парадной форме надевают на кепи небольшой помпончик, шарф с кистями и эполеты, вроде наших штаб-офицерских.

Вскоре получилось сведение, что 1 июня мы выступим в г. Руше-де-Веде, направляясь к Никополю.

1 июня, почти еще до света, мы выступили из Вуку в Драгомирешти, откуда полк направился к деревне Домнешти-де-Жос, где и присоединился к остальным частям своей дивизии. Из Домнешти мы двинулись в следующем порядке: авангард в составе 20-го пехот-

ного Галицкого полка, двух батарей и пяти сотен 34-го Донского полка; главные силы в составе трех полков пехоты, четырех батарей и полсотни казаков, под начальством генерал-лейтенанта Шильдера-Шульднера. В арьергарде был 3-й батальон Архангелогородского полка и полсотни казаков. Обоз и подвижной лазарет следовали за колонною главных сил. Придя на место ночлега, мы расположились биваком возле небольшой, но быстрой речки Аржис, недалеко от деревни Присиечны.

2 июня мы поднялись почти в три часа утра и двинулись дальше. К концу нашего перехода пошел проливной дождь, промочивший нас, как говорится, до костей. Придя на место ночлега, мы расположились биваком почти в центре широко раскинувшегося селения Вадулата, на лугу, покрытом тенистыми деревьями. Передвижение большими отрядами представляет большие затруднения. Беспрестанные остановки, растягивание частей очень изнуряют и утомляют людей; так, например, авангард выступил из Вадулата в три часа утра, а арьергард почти в десять, а между тем весь отряд подняли на ноги в одно время с авангардом.

Из Вадулата мы сделали переход в Блажешти, а отсюда в село Талпу, где нам была назначена дневка. Это село было раскинуто по холмам среди зелени садов и огородов. Посредине села тянулась широкая долина, разделявшая деревню на две, почти равные части. Долина, по которой текла небольшая речка Клиница, вся была засеяна огородными овощами, преимущественно луком и кукурузой. По приходе в Талпу, мы в первый раз начали ощущать недостаток хорошего хлеба, так как крестьяне пекут хлеб из кукурузы без дрожжей, и, без привычки, хлеб этот нет возможности есть.

6 июня мы пришли на ночлег в село Чоланешти.

Еще от Бухареста мы начали замечать в местных жителях резкую перемену отношения к нам. Вместо

прежнего радушия и приветливости, в этих местах в народе заметна была грубость, корыстолюбие и даже наклонность к воровству. Было много случаев, что хозяева умышленно прятали наши вещи, надеясь, что утром, второпях собираясь в поход, мы забудем их на квартире. Часто также они приносили ложные жалобы на солдат, обвиняя их в чем-нибудь, чтобы иметь возможность содрать вознаграждение.

Из Чоланешти мы сделали переход в Руше-де-Веде и расположились биваком среди огородов и виноградников. Сзади нашего бивака протекала речка Веде; слева, около $1^1/_2$ версты, в садах виднелось местечко Руше-де-Веде, впереди пролегало шоссе, а еще дальше, на небольшой возвышенности, расположены были: Архангелогородский и Галицкий полки. Носились слухи, что мы простоим здесь несколько дней, а потом пойдем к городу Турну-Магурели.

Руше-де-Веде было переполнено солдатами и офицерами; по улицам и лавкам сновало множество людей, так что, глядя на это оживление, можно было подумать, что в местечке ярмарка.

9 июня, около 12 часов дня, пришла 1-я бригада 33-й дивизии и расположилась биваком по ту сторону местечка. Жара в этот день стояла страшная, а между тем полки шли почему-то в шинелях. На загорелых, покрытых потом и пылью лицах заметна была сильная усталость.

10 июня пришли шесть дружин болгарского ополчения, те самые, которых мы видели в Плоешти.

Вечера стояли тихие, теплые. Из глубокой синевы ночного неба ярко мигали мириады звезд, своим волшебным светом. По временам слышны были резкие звуки музыки проходящих полков, игравшей известный славянский марш:

Мы дружно на врагов, на бой, друзья, спешим!..

При этих мотивах какое-то томящее чувство невольно закрадывалось в душу!.. Да, мы спешим на

врагов, на бой, за славу родной земли, оставив далеко-далеко свои семьи, своих родных, все, что близко и дорого сердцу!..

Как-то раз, около полудня, поднялась буря; на наш бивак налетел шквал, который посрывал много палаток и унес много солдатского белья, сушившегося на солнце. В это время сидел в своей палатке делопроизводитель по хозяйственной части, подпоручик Москальцов, и занимался текущими делами; вдруг сильным порывом ветра срывает палатку, и все его бумаги изобразили собою множество пущенных бумажных змеев.

У нас, на биваке, носились слухи, будто бы в Руше-де-Веде поймали турецкого шпиона.

Одно, что сокрушало наших солдатиков, во время похода по Румынии,— это отсутствие простого табаку. Вследствие откупной системы, существующей здесь, цены на табак стояли очень высокие и были не по солдатскому карману; чтобы помочь горю, любители трубки ухитрились курить чай, примешивая к нему, для остроты и крепости, стружки старого чубука, пропитанные гарью и копотью.

Из Руше-де-Веде мы перешли в д. Сальча. Переход был, сравнительно, небольшой, но довольно утомительный. Полк подняли часа в три утра, но выступили мы с бивака только в шесть. Пройдя местечко, нас остановили, и мы еще более часа ожидали прихода остальных полков своей дивизии. День был жаркий, тихий; с безоблачного неба лились жгучие лучи южного солнца, только изредка проносилось слабое дыхание легкого ветерка, живительно действовавшего на усталый, плетущийся люд; к довершению наших невзгод, по пути оказалось только два колодца, с мутною, испорченною водою. Пройдя около пятнадцати верст, мы расположились биваком возле д. Сальча. На этом переходе было много отсталых и больных.

От Сальчи до Турну-Магурели считался один переход, верст в двадцать пять. По временам на биваке

слышались отдаленные одиночные пушечные выстрелы, переходившие иногда в залпы; это наши батареи, устроенные возле Турну, обстреливали Никополь.

13 июня, перед выступлением с бивака, мы узнали, что наша 5-я дивизия назначена в первый огонь, на переправу через Дунай, возле крепости Никополь.

Переправу предполагалось произвести ночью, на понтонах, с таким расчетом, чтобы к рассвету быть на том берегу; в роты были выданы печатные инструкции для посадки людей на понтоны.

Бригадный командир, генерал Кнорринг, произнес нижним чинам небольшую речь, в которой выразил важность возложенного на них поручения и надежду, что они свято и верно выполнят свой долг. Мы выступили с бивака не особенно рано; день был солнечный, ясный; солнце начинало уже довольно сильно припекать; все предвещало сильную жару. Пройдя около 13 верст, мы спустились с довольно высокой горы и вступили в широкую долину деревни Драча. Здесь полк остановили; приказано было разбить палатки, и мы расположились на довольно продолжительный отдых. Обед для людей почти был готов, так как артельные и офицерские повозки были отправлены вперед, вместе с авангардом. Здесь мы узнали, что в деревне Драча находится великий князь, главнокомандующий, со своей Главной квартирой. Солнце клонилось к закату. В ожидании подъема, палатки были сняты, вещи уложены в телеги; на биваке не было слышно ни песен, ни веселого, громкого разговора; в одном месте солдаты читали молитвенники, в другом, сидя кучками, вели тихий разговор промеж себя. Вероятно, им вспоминался тихий летний вечер в их родной деревне, золотой крест на церкви, блестевший под лучами заходящего солнца, их жены, дети, матери, сестры, их избушки, зелень огородов и шум стад, возвращавшихся с поля.

Около девяти часов полк стал в ружье, и затем, перекрестясь, мы двинулись вперед. Великий князь

прислал передать полку свой поклон, пожелав полного успеха и счастья. Когда мы выступили с бивака, солнце уже скрылось за горы, окрасив ярко-красным цветом горы, деревню, долину. Пройдя долину, мы поднялись на гору и пошли по узкой проселочной дороге, окаймленной по сторонам деревьями и зарослями кустарников. Подул свежий ветерок, навевая ночную прохладу. Людям приказано было не курить и не разговаривать; все шли в полной тишине, только изредка нарушаемой бряцанием сабель да стуком сзади тянувшихся орудий. Между тем запад начал покрываться темными, мрачными тучами, усилившийся ветер клочками разбрасывал их по небу и, налетая шквалами, шумел в листьях придорожных деревьев; наконец, темень спустилась на землю... Пошел дождик; по временам молния зигзагами прорезывала тучи, озаряя все своим волшебным фосфорическим светом. При блеске молнии виднелась длинная, темная линия идущего люда, светлые полоски штыков и орудий, а кругом все пусто, дико. Все это, в общем, имело какой-то сказочный, фантастический вид.

Закутавшись в непромокаемое пальто и надвинув на голову капюшон, я ехал впереди батальона. В голове роились мысли, сменяясь одна другой. Вспомнил я свой дом, свою семью, своих родных: думают ли они обо мне, знают ли, где я теперь, куда я иду? Вот я в настоящее время жив, тревожусь, волнуюсь, мечтаю, а через несколько часов какая-нибудь шальная турецкая пуля успокоит меня вечным сном; бросят меня в глубокую яму, придавят другими трупами, а сверху насыпят холм высокий... Или, быть может, граната вдребезги разнесет понтон, а нас всех зальют холодные, бурливые волны широкого Дуная...

Наконец, дремота одолела меня...

...Вот плыву я в лодке по широко разлившейся реке; мутные, покрытые белой пеной волны грозно бьются о борта лодки, бросая ее из стороны в сторону; но мне нет дела до рева грозной реки, до бешенства

волн, до опасности; я вижу только сквозь легкий туман противоположный берег, белые очертания церквей, домов... Несется бешено тройка, резко звенит колокольчик; вот уже близко серенький домик; вот уже ворота, а возле старушка-бабушка; стой, ямщик! Соскакиваю...

Пробудившись, я вижу, что полк остановили для привала у какой-то деревушки, чтобы дать возможность немного отдохнуть людям, а также подтянуть отсталых, крайне измученных этим бесконечным ночным походом. Чтобы несколько разогнать напавшее сонливое состояние, я слез с лошади и пошел пешком. Мы шли долго по чрезвычайно извилистой дороге, принимавшей всевозможные направления, то на восток, то на запад, то снова спускавшейся к югу. Наконец, на востоке зарделась алая полоса неба и вскоре показались первые лучи восходящего солнца. Сквозь легкую пелену утреннего тумана впереди обрисовалась обширная долина, на ней узкая синеватая полоса воды, а дальше тянулся гористый, темно-лиловый, противоположный берег Дуная.

Вслед за тем мы спустились в лощину и вступили в деревню Сяки, сделав, по крайней мере, верст тридцать, тогда как по карте, от Драчи до Сяки, значилось не более 12 верст.

Переправа наша в минувшую ночь не состоялась. Вскоре после прихода на место бивака нам объявили, что переправа отложена до наступления ночи. В ожидании наступления такой важной в жизни минуты многие из офицеров писали домой письма и ходили исповедоваться к нашему полковому священнику, И. Д. Кудрявцеву, оставляли у него деньги и другие ценные вещи, для передачи родным. С утра день был пасмурный, туманный, но около 12 часов дня туман и тучи рассеялись; с голубой синевы неба полились яркие лучи солнца и осветили окружающую местность. Деревня Сяки, разбросанная по ложбинам и холмам, среди небольших садов и густо росших деревьев, со-

стояла из низеньких мазанок и избушек, до половины углубленных в землю, крытых камышом или соломой, и только изредка черепицей, и окопанных кругом неглубоким, но довольно широким рвом. Впереди деревни расстилалась обширная луговая равнина Дуная, покрытая местами небольшими озерами и заливами и поросшая рощицами, густыми зарослями лозы и кустарников; равнина эта, во время полноводья, покрывалась водой.

Около пяти верст от Сяки голубоватой лентой извивался Дунай, а за ним высились желто-зеленые, крутые обрывы противоположного берега. Дальше вправо, среди зелени садов, виднелись белые палатки турецкого лагеря; впереди и правее лагеря обрисовывались желтые бруствера[42] батарей, а еще дальше, правее, в ущелье и на низменном берегу Дуная расположен был Никополь, высокие башни минаретов и красные черепичные крыши которого были видны даже невооруженным глазом; за прибрежной частью города чернелись два монитора[43]*. Напротив Никополя расположен был г. Турну-Магурели, чуть-чуть приметный в голубовато-туманной дали; около восьми верст от Сяки, по дороге к Турну, лежала деревня Фламунда. Возле Турну и Фламунды, на берегу Дуная, были расположены наши батареи, громившие Никополь. Возле Сяки был расположен весь 9-й армейский корпус, за исключением 1-й бригады 31-й пехотной дивизии, бывшей в прикрытии наших батарей у Турну-Магурели и Фламунды.

Перед вечером наши турнские и фламундские батареи открыли огонь по Никополю и окружавшим его укреплениям; в ответ турки начали тоже обстрели-

* Оба монитора, сильно поврежденные нашими выстрелами, были втянуты в устье р. Осмы. После взятия Никополя оказалось, что у одного из них была сбита труба, а у другого повреждена машина. Впоследствии они получили названия: «Никополь» и «Систово».

вать наши батареи, и гул орудийной канонады продолжался до сумерек.

В ожидании переправы приказано было поверить людей и быть всем на местах, затем осмотреть оружие и патроны. Большая часть офицеров, собравшись на один из более возвышенных пунктов бивака, как-то напряженно рассматривали расстилавшуюся впереди долину, синевший вдали Дунай и крутые скаты противоположного турецкого берега. Начинало вечереть; солнце уже клонилось к закату, беловатый туман легкою пеленою задергивал долину Дуная, но распоряжений к выступлению никаких не получалось; эта неизвестность как-то раздражающе действовала на нервы. Наконец, около 9 часов вечера, получено было приказание, что переправа отлагается впредь до особого распоряжения.

Странна человеческая натура: предстоявшая в эту ночь опасность смерти от оружия неприятеля или в волнах Дуная, увечья, страдания заставляла жутко сжиматься сердце, как-то невольно являлось желание отдалить эту роковую минуту; но когда получилось приказание, отменявшее переправу, то вместо удовольствия у многих явилась досада, сожаление о несостоявшемся бое.

Ночью с 14 на 15 июня раздалась вдруг сильная трескотня ружейной перестрелки и гул орудийной канонады, продолжавшейся без перерыва чуть не до рассвета. Утром мы узнали причину этой ружейной и пушечной пальбы: наши плоты и понтоны, заготовленные для устройства моста, стояли в устье реки Ольты, впадающей в Дунай в нескольких верстах западнее Турну-Магурели. Воспользовавшись темнотою ночи, понтоны несколькими партиями спускались вниз по Дунаю, к городу Зимница; наконец, неясный шум и плеск воды обратил внимание турецких часовых, Дунай тотчас же осветили ракетами и электрическим светом и по проходящим плотам и понтонам турки открыли сильный ружейный и орудийный

огонь; но благодаря оплошности турок и огню наших батарей, расположенных у Турну и Фламунды, понтоны без потерь вышли из-под турецкого огня.

16 июня, с самого раннего утра, поднялась перестрелка наших батарей с турецкими; вскоре наши батареи произвели в Никополе сильный пожар. Вся прибрежная часть города покрылась тучами черного дыма, сквозь который прорезывались красные языки пламени, высоко поднимавшиеся к небу. Орудийная канонада, с небольшими перерывами, продолжалась до позднего вечера.

Около полудня корпусный командир, генерал-лейтенант Криденер[44], собрав офицеров всех частей, находившихся в Сяки, сообщил, что у Галаца, в ночь с 9 на 10 июня, переправилась через Дунай 1-я бригада 18-й пехотной дивизии и с боя взяла прибрежные высоты и что во время этого боя наша цепь была атакована черкесскою кавалериею[45], но солдатики, дав залп, не стали ожидать атаки, стоя на месте, а бросились в штыки на черкесов и заставили их отступить. В одной из схваток звено нашей цепи с двумя офицерами было отрезано неприятелем и захвачено в плен. Взятых в плен турки подвергли страшным истязаниям. В заключение корпусный командир дал несколько советов и указаний на случай предстоящего боя.

Наша жизнь на биваке в Сяки вошла в свою обычную колею: по утрам и после обеда производились ротные и батальонные учения; вечером играла полковая музыка.

На этих же днях у нас появился слух, что у Зимницы[46], на понтонах, переправилась через Дунай 14-я пехотная дивизия и с боя заняла прибрежные высоты и город Систов[47], потеряв при этом убитыми и ранеными более 800 человек; кроме того, во время переправы потонул паром с двумя горными орудиями, батарейным командиром и двумя офицерами.

Незадолго до выступления я успел съездить в Турну-Магурели*, находившийся в двенадцати верстах от деревни Сяки. Турну довольно красивенький торговый городок, расположенный на равнине, верстах в трех-четырех от Дуная, с пристанью которого соединен отличным шоссе. Почти против Турну, по ущелью и берегу Дуная, раскинулся Никополь, опоясанный батареями и редутами. Из боязни бомбардировки большая часть зажиточных жителей выехала из Турну; но благодаря наплыву наших войск торговля шла бойко, и, пользуясь случаем, румыны драли с нас за все ужасные цены.

Утром 21 июня мы выступили из Сяки, направляясь к г. Зимница, для переправы через Дунай, по устроенному уже понтонному мосту. Почти все время дорога тянулась вдоль большого озера Сухоя. Жара и духота в этот день стояли ужасные. Почти на половине дороги, около какой-то деревушки, был сделан привал. Деревушка была окружена виноградниками и абрикосовыми садами. Томимые жаждой и зноем, люди набросились на абрикосы и другие плоды, так что начальству стоило немало усилий отвратить их от этого опасного лакомства. С привала двинулись дальше по дороге, тянувшейся вдоль озера, местами вдававшейся в ложбины, вроде ущелий, где мы задыхались от пыли, тучей стоявшей над дорогой, и зноя, доходившего до духоты. Наконец, только к вечеру мы дотащились до деревни Сухоя и, поднявшись по крутому спуску на возвышенное место, расположились биваком. На ночлеге в полку оказалось очень много отсталых; кроме того, некоторые из солдат заболели резью и болью живота, вроде холерины, но, к счастью, все кончилось благополучно и к утру почти все больные были на ногах; эта болезнь была следствием того, что солдаты ели на привале незрелый виноград и абрикосы.

---

* Г. Турну получил придаточное название «Магурели» от деревни Магурели, прилегающей к городу с восточной стороны.

Из Сухоя мы сделали переход к Зимнице. Озеро Сухоя осталось от нас вправо, а дорога потянулась по пустынной, безлесной, малонаселенной степи, широко расстилавшейся кругом и сливавшейся вдали с горизонтом. День был ясный, солнечный: жара стояла сильная. Около полудня мы расположились на привале в степи, возле одного одиноко стоявшего высокого кургана, с которого была хорошо видна вся окрестная равнина. При виде с этого кургана широко расстилавшейся пустынной степи и волнующейся ковыль-травы, парящих в высокой синеве неба степных орлов какое-то особенное чувство закрадывалось в душу и как-то невольно припоминались слова Кольцова[48]:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась...

К Зимнице мы подошли довольно поздно, когда начинало уже темнеть, и расположились биваком на обширном пустыре, покрытом навозом и усеянном разными тряпками из солдатского обихода. На другой день, утром, полк передвинули несколько вперед; раскинув палатки, мы снова расположились на голом песчаном пустыре, на солнцепеке, возле узкого, мелководного рукава Дуная, отделявшегося от нашего бивака широкою песчаною отмелью. Влево от нас, на берегу рукава, стояла длинная серая, грязноватая казарма, где в то время помещались пленные турки; еще дальше, левее, около двух верст от бивака, раскинулся дрянной городишко Зимница, с весьма мизерными лавчонками, кабачками и страшною пылью.

Впереди бивака, вдоль узкого рукава Дуная, далеко тянулась песчаная полоса земли, круто спускавшаяся к рукаву; далее расстилалась болотистая долина, покрытая кое-где наносными песчаными полосами; по

тот бок долины, в иных местах чуть-чуть заметно синел Дунай, а за ним высились крутые желто-зеленые обрывы гористого турецкого берега. Почти напротив Зимницы, на скате горы, среди густой зелени, лепился Систов, высокие остроконечные минареты которого отчетливо были видны с нашего бивака.

В Зимнице находился государь император, а также главнокомандующий с Главной квартирой. Возле города стояло довольно значительное число войск всех родов оружия, ожидавших своей очереди переправы через Дунай.

24 июня, в день Рождества Св. Иоанна Крестителя, мы отпраздновали свой полковой праздник. После молебна священник о. Кудрявцев сказал небольшую речь, в которой, напомнив о великом значении войны с врагами Христовой веры, призывал всех исполнить долг свой за своих братьев-единоверцев. По всегдашнему обычаю, на общий счет был устроен завтрак с шампанским и музыкой. На завтраке были: начальник дивизии, генерал-лейтенант Шильдер-Шульднер, бригадный командир генерал-майор Кнорринг и командир 5-й артиллерийской бригады генерал-майор Похитонов[49]. Завтрак прошел тихо и даже вяло; не было той веселой суеты и того оживления, какие обыкновенно сопровождают этот праздник на родине: только под конец составился хор и раздалась любимая и столь подходящая к нашему положению песня:

Ой, у лузи, тай ще при дорози, червона калина...

Наконец, к вечеру все разошлись; на биваке всё успокоилось. Удушливый, знойный день сменили прохладные сумерки, а затем наступила тихая, лунная ночь, облившая своим ярким, мягким светом уснувший бивак, впереди тянувшуюся песчаную долину Дуная, белые минареты Систова, горы...

Завтра утром мы должны переправиться через Дунай и вступить в Болгарию...

IV

Систово.—Первый переход в Болгарии.—Ночлег на берегу лимана Дуная.—Переход к Булгарени.—Движение к Никополю.—Деревня Трестеник.—Ночной переход к деревне Мечке.—Бивуак у Дебо.—Осмотр дороги к Никополю.—Погони черкесов.—Рекогносцировка генерала Кнорринга.—Приготовление к бою

25 июня, около 11 часов утра, полк снялся с бивуака и направился к переправе. День был солнечный, знойный, душный, а пыль в воздухе стояла страшная. Жара тем более была еще чувствительна, что мы были в мундирах. Пройдя город, мы спустились с довольно крутого песчаного обрыва, затем перешли по деревянному мосту через неширокий проток Дуная, протекавшего вдоль обрыва зимницкого берега, и вступили в широко расстилавшуюся, песчано-золотистую и почти без всякой растительности долину Дуная. Местами долина была изрезана лужами и затонами, еще не успевшими высохнуть после весеннего разлива. Пройдя, наконец, около трех верст, мы очутились у мутно-желтых, быстрых вод широкого Дуная.

Ширина и величие этой, знаменитой в истории, реки скрадывается тем, что в этом месте она разделяется на два, неодинаковой ширины, рукава, охватывающих длинный остров, поросший высоким кустарником. Через оба рукава Дуная был наведен понтонный мост. Устройство понтонного моста было следующее: поперек реки, на якорях, установлены понтоны* на равных друг от друга расстояниях, на борта понтонов положены перекладины, а на них наброшена из досок настилка, по бокам были укреплены стойки, сквозь дыры которых протянуты канаты, заменявшие перила. На носу каждого понтона сидел солдат-понтонер.

* Понтоны — это деревянные или железные составные лодки.

Проходя мосты, верховые слезали с лошадей и вели их под уздцы, а роты переходили рядами, широко разомкнув их. Пройдя левый рукав, шириною около 150 саж., а затем остров, мы снова перешли по мосту правый рукав, шириною около 450 саж., и вступили в Турцию.

Течение Дуная очень быстрое, и его мутно-желтые волны с шумом и плеском проносились под настилкой моста, слегка колебавшегося под тяжестью шедших людей. В то время как головные роты 1-го батальона проходили по мосту, к месту переправы подъехал государь император в сопровождении великих князей, главнокомандующего и Владимира Александровича[50]. Обняв и поцеловав великих князей и пожелав им полного успеха, а затем, простившись с полком, государь возвратился в Зимницу.

Перейдя Дунай, мы по узкому, крутому подъему начали подниматься на гору; почти на половине горы мы расположились на привале, по обе стороны дороги, в тени деревьев и густого виноградника. Здесь нам нужно было ожидать присоединения артиллерии и обоза, задержанных переправой.

На этом привале наш полк обогнал главнокомандующий в сопровождении своего штаба и конвоя гвардейских казаков. Великий князь, видимо, был в хорошем расположении духа; проезжая мимо нас, он, улыбаясь, спросил: «Что, жарко?». После проезда великого князя солдатики, разложив огоньки, начали кипятить себе чай, а некоторые из офицеров отправились купаться в Дунай. Спустясь с высокого, крутого берега, мы затем погрузились в мутные, быстрые волны Дуная.

Около 4 часов пополудни полк поднялся с привала и пошел к Систову. В иных местах, по сторонам дороги, валялись старые солдатские фуфайки, порванные штаны, турецкие куртки и фески; вероятно, на этих местах были биваки как наших, так и турецких отрядов. Пройдя затем через небольшое ущелье, мы

вышли к Систову. У входа в город мы снова остановились, поджидая артиллерию и обоз, прихода которых прождали до самых сумерек. Было уже совсем темно, когда мы вступили в Систов; нам пришлось в темноте плутать по узким, пустынным и глухим улицам, с отвратительной мостовой, которая походила на каменистое русло речки, усеянное разной величины камнями. Наконец, после беспрестанных остановок, мы расположились на улице вдоль каменных стен и заборов. Усталость видимо брала свое: люди спали, лежа по обеим сторонам улицы, а офицеры, сидя на камнях и опершись о стены домов, тоже дремали; вдруг, где-то вблизи, темное ночное небо осветилось ярким заревом; послышались крики: «Пожар!». Положение наше, в узких, кривых улицах, запруженных обозом, было не совсем удобное. Вскоре, однако, пожар был потушен, и вслед за тем полк вывели обратно за город и расположили на ночлег биваком на одном из турецких кладбищ, прилегающих к городу. Людям приказано было составить ружья в козлы и ложиться спать. Темень стояла страшная; на биваке, под покровом легкого тумана, все спало крепким, богатырским сном.

26 июня, около четырех часов утра, полк снялся с бивуака и по вчерашнему пути вступил в город. Систов представлял из себя печальный вид: вдоль его кривых, пустынных улиц, за исключением нескольких кабачков и мелких лавчонок, стояли запертые дома. Так как все турецкое население города бежало при появлении русских войск, бросив имущество на произвол судьбы, то почти вся турецкая часть города была разграблена и опустошена: везде поломанные крыши, ворота, разбитые окна, двери, поломанная мебель, обрывки одежды и порванные книги валялись на улицах. Пройдя по улицам, запруженным обозом и солдатами разных частей, мы, наконец, выбрались за город и, поднявшись на половину высокой, бесконечно тянувшейся горы, расположились на привале,

возле фонтана с прекрасной холодной водой. Здесь мы должны были ожидать своего обоза, застрявшего в систовских трущобах. Люди, составив ружья и разложив огоньки, начали в ранцевых котелках кипятить чай и варить кашицу, так как уже другие сутки мы не ели горячей пищи. Около пяти часов пополудни подошел обоз, а вслед за тем мы поднялись с привала, двинулись далее к деревне Ореше. По мере того как мы подымались на гору, окрест нас открывалась величественная картина: прямо перед нами, к югу, местность постепенно подымалась террасами и волнистыми кряжами и заканчивалась вдали лиловатой цепью Балкан, окутанных голубым туманом. В иных местах склоны возвышенностей прорезывались глубокими оврагами, поросшими небольшими кустарниками; по дну оврагов, местами, журча, струились ручейки и ползали по траве зеленоватые речные черепахи. Кругом зеленели виноградники и разных пород фруктовые деревья и расстилались обширные поля, покрытые высокой кукурузой.

Позади нас, внизу, по скату горы, небольшой кучкой лепился Систов. Дальше широкой лентой синел Дунай, омывая своими водами высокие, красно-желтые кручи турецкого берега. По ту сторону Дуная, за голой песчано-болотистой долиной, беловатым пятном виднелась Зимница; все это, при ярком свете солнца и лазурной синеве неба, придавало местности чарующий вид. Солдатики, покряхтывая, шли да шли себе вперед, распевая песенки:

> На полу лежит перина,
> На перине — Катерина...

А на спине певунов была тяжелая ноша, и шли они с горы на гору при сорокаградусной жаре июньского дня.

К вечеру подошли к деревне Ореше, расположенной в котловине, среди зелени белой акации, виноградников и абрикосовых деревьев. В деревне распо-

ложен был штаб 9-го корпуса, а за деревней, на скате одной из гор,— Костромской, а еще далее — Галицкий полки. Пройдя Ореше, а затем расположенный в конце деревни католический монастырь, 3-й батальон был оставлен у разделения дорог, шедших в Плевну и Никополь, а 1-й и 2-й батальоны, свернув с большой дороги вправо, начали подыматься на гору, направляясь к северу. Солнце скрылось за горы, окрасив небо и верхушки гор ярко-багряным светом; вскоре быстро наступили сумерки, а затем ночь. Перевалив на тот бок горы, мы расположились биваком на скале ее, возле широкого лимана Дуная, поросшего кустарниками и высоким камышом. Здесь уже стоял биваком Бугский уланский полк. Составив ружья и выставив часовых и дневальных, мы, не разбивая палаток, легли отдыхать прямо на мягкой, влажной траве, под открытым небом.

Стояла тихая летняя ночь; синеватый туман легким облаком начал заволакивать засыпающий бивак, камыш и кусты лимана. Сквозь легкую пелену тумана виднелся глубокий темно-синий свод неба, усыпанный мириадами звезд, ярко горевших своим мигающим, фосфорическим светом. Тишина ночи нарушалась только иногда фырканьем уланских лошадей да трескучим криком болотных птиц на лимане.

27 июня, около четырех часов пополудни, 1-й батальон снялся с бивака и, пройдя версты три-четыре, присоединился к 3-му батальону, стоявшему по ту сторону гор, в широкой лощине, по которой текла маленькая болотистая речонка, впадавшая в лиман. Вечером небо заволокло тучами и вскоре затем пошел дождь, ливший почти до самого утра. Несмотря на двойные полотнища, в палатке у нас образовалась целая лужа воды и грязи; протекавшие внутрь палатки холодные струи дождя заставили нас просидеть, съежившись, на чемоданах почти целую ночь. На другой день, к вечеру, к нам присоединился 2-й батальон нашего полка, бывший в прикрытии транспорта.

29 июня Вологодский и Архангелогородский полки, с двумя батареями 5-й и одной 31-й артиллерийских бригад, почти с рассветом, снялись с бивака по дороге на деревню Бужурлук, двинулись к деревне Булгарени, имея в голове походной колонны Вологодский полк. По выходе из лощины дорога шла по очень волнистой местности; мы — то подымались на возвышенности, покрытые зеленой кукурузой и желтыми пшеничными и ячменными полями, то — спускались вниз и двигались по далеко тянувшимся лощинам, на склонах которых, довольно часто, встречались водоемы холодной, родниковой воды, широкой струей лившейся из глиняной или медной трубы. Эти родники в жарком климате составляют истинное благодеяние природы, и жители тщательно оберегают их от разрушения, обделывая водоемы камнем.

Около 10 часов утра мы пришли к деревне Булгарени и расположились биваком на обширной долине, по которой, в обрывистых берегах, протекала узкая, с мутной водой река Осма. Здесь же бивуакировало несколько сотен Кавказской казачьей бригады. Вскоре вслед за нами пришел подвижной лазарет 5-й дивизии и расположился в общем районе бивуака нашей бригады.

Булгарени — большое село, расположенное на левом берегу Осмы; жители состоят из турок и болгар; недалеко от Булгарени находится католический монастырь; несколько толстых, жирных монахов, одетых в длинные коричневые рясы, подпоясанные шнурком, похожим на веревку, и в широкополых черных шляпах, являлись почему-то к генералу Кноррингу и потом к командиру полка. С казачьего бивуака изредка доносился резкий, гортанный говор осетин; важно разгуливали эти черномазые фигуры в высоких, с белыми верхами папахах, в белых чекменях, в длинных черных, с нашитыми на груди газырями, черкесках и с аршинными на поясе кинжалами. В казачьем биваке находилось несколько пленных турецких солдат и

грязных оборванных башибузуков[51]; они сидели кучкой на земле, под надзором осетина, высокого белокурого молодца, ходившего возле турок с винтовкою на плече.

В 4 часа пополудни 1-я бригада снялась с бивака и, имея в голове колонны Вологодский полк, перешла через Осму по высокому, горбатому каменному мосту и затем по дороге на Трестеник направилась к деревне Мечка*. На левом берегу Осмы, недалеко от фонтана, стоял на привале Костромской полк, пришедший в Булгарени, чтобы занять место нашего бивака. Сначала мы шли по шоссе, но вскоре свернули вправо, на проселочную дорогу, направляющуюся к северо-западу. Дорога все время пролегала в широкой лощине; по левую сторону дороги тянулись невысокие возвышенности, а по правую расстилался широкий луг, по которому протекала небольшая речка; дальше, вправо, за лугом, снова начинались невысокие, волнообразные возвышенности. По пути, в стороне от дороги, встречались небольшие деревушки, над красными черепичными и камышовыми крышами которых подымалась тонкая белая колонна минарета с остроконечным верхом, увенчанным темной полукруглой вилочкой, изображавшей собою

* На биваке у Булгарени дежурным по батальону подпоручиком Грековым был замечен какой-то господин, одетый в штатское пальто и фуражку с красным околышем и кокардой, разгуливавший между солдатами нашего полка и расспрашивавший их о материальном положении, настроении духа, куда идут и т. п. Заподозрив его, Греков подошел к нему и спросил его, что ему нужно знать от солдат и кто он такой. Неизвестный назвал себя делопроизводителем одного из казачьих полков, догоняющим свою часть; но Греков ему не поверил, а задержав, представил командиру полка, а тот отправил к бригадному командиру. Когда же, после опроса, генерал Кнорринг приказал отослать его, под конвоем жандармов, в корпусный штаб, то мнимый делопроизводитель сказал, что он офицер Генерального штаба, состоит при Главной квартире и послан для рекогносцировок и собирания сведений о неприятеле и, в подтверждение своих слов, показал надлежащие документы.

полумесяц,— знак магометанства. Не доходя пяти-шести верст до Трестеника, возле какой-то небольшой деревушки, к бригадному командиру подъехали несколько конных болгар и заявили, что они бежали из Трестеника, где башибузуки[51] режут и грабят жителей. Желая проверить показание болгар, генерал Кнорринг послал туда шесть человек казаков, приказав хорошо осмотреть деревню.

Спустя некоторое время посланные казаки возвратились назад и доложили, что в Трестенике башибузуков нет и жители ничего о них не слыхали.

В Трестеник мы пришли в сумерки; пройдя деревню, мы двинулись дальше, к Мечке*. Было уже темно; синеватый густой туман поднимался над землею, облаками застилая окружавшую местность; вскоре наступила такая темнота, что едва можно было различить возле шедших солдат. Сначала дорога имела направление на север, но потом она разделялась и

* Около трех верст не доходя до Трестеника, бригаде был сделан привал и вместе с тем людям приказано было надеть шинели. Не ожидая подъема, бригадный командир взял с собою жалонерных[52] офицеров и жалонеров бригады и в сопровождении сотни казаков 34-го полка отправился в Мечке, чтобы заблаговременно выбрать место для бивака.

Жалонерный офицер нашего полка, поручик Ляшенко, рассказывал нам потом следующий случай при вступлении их в Трестеник. По приходе в деревню генерал Кнорринг заметил возле духана толпу болгар и среди них сельского попа. Имея в виду наступающую ночь, болгарам приказано было нарядить проводника к Мечке; болгары указали на своего попа, как самого опытного и хорошо знающего местность; но поп, услышав о своем назначении, в ту же минуту скрылся. Видя, что поп не является, генерал прикрикнул на них и приказал тотчас же назначить проводника; тогда часть болгар разбежалась по домам, но вскоре вслед за тем возвратясь назад, принесли с собою веревки, предполагая, что попа будут вешать. Все невольно рассмеялись и объяснили им, что генералу нужна не веревка, так как вешать никого не собираются, а нужен проводник. Наконец, верхом на осле, явился поп и повел отряд к Мечке.

одна ветвь ее поворачивала на запад; в темноте, не заметив поворота, полк продолжал двигаться вперед.

Наконец, мы втянулись в какую-то лощину, пройдя которую, уперлись в небольшую реку; за рекой подымались высокие, крутые горы. Недалеко стояла небольшая мельница, в окне которой блестел огонек.

Командир полка послал двух казаков на мельницу, приказав им привести хозяина. Придя к мельнице, казаки нашли дверь запертой; на стук им никто не отвечал, но в избушке тотчас же погас огонек. Тогда один из казаков взлез на камышовую крышу и, продрав ее, спустился внутрь избушки; вслед за этим там послышался оклик казака, крик и кудахтанье курей; наконец, на крыше снова появился казак и доложил, что на мельнице он никого не нашел, а хозяин, вероятно, убежал через заднюю дверь. Спустя некоторое время, мы повернули назад и, пройдя около четырех верст, свернули, наконец, на дорогу, идущую в Мечку. Тихо, молча двигались люди, натыкаясь в темноте друг на друга. Вдали, с правой стороны дороги, виднелось зарево пожаров, красно-желтые пятна которых резко выделялись на темном ночном небе. Долго пришлось нам идти до ночлега; темнота ночи, казалось, еще более удлиняла нашу дорогу: наконец, мы спустились с крутой горы, перешли по гати через какую-то речку, затем поднялись на гору и, миновав сторожевые посты Кавказской бригады, расположились на ночлег почти в два часа ночи, сделав около 25 верст перехода*.

Утром 1 июля людям был сварен завтрак, а в 10 часов мы уже стали в ружье и, вслед за кавказскими сотнями, двинулись к деревне Дебо. Только что полк спустился с высокой возвышенности и начал втягиваться в деревню Мечку, как впереди деревни послышалась трескотня ружейной перестрелки; вскоре мы узнали, что шедшие впереди казаки открыли боль-

* Расстояния в Болгарии измеряются часами, примерно около пяти верст в час.

шую партию черкесов и, отбрасывая их, завязали с ними перестрелку. По приказанию начальника дивизии 3-й батальон нашего полка был оставлен возле Мечки в помощь казакам, остальные два батальона продолжали дальнейшее движение*. Почти все время дорога пролегала в ложбине, промеж невысоких возвышенностей, пологие скаты которых были покрыты кукурузными и золотистыми ячменными и пшеничными полями. По полям были разбросаны отдельно растущие деревья. По пути прошли мимо какой-то небольшой деревушки, где возле колодца с журавлем в большой грязной луже, подобно свиньям, валялись буйволы, выставляя из грязи свои дикие, глупые морды. Около полудня мы пришли к деревне Дебо и, свернув с дороги влево, поднялись на высокую равнину, где, наконец, расположились на бивуаке.

Только что успел я слезть с лошади, как потребовал меня командир полка и приказал ехать по дороге к Никополю[53] и осмотреть — нет ли препятствия для движения обоза и есть ли мосты на Осме.

Сел я на лошадь, спустился с возвышенности и поехал по направлению к Никополю. Около полуверсты от бивуака подъезжаю к небольшой татарской деревушке, где уже, шаря по дворам, хозяйничали донские казаки. При выезде из деревни стоял пост из нескольких человек казаков 34-го полка. Потребовав к себе старшего, я спросил его, знает ли он что-нибудь о впереди лежащей местности, а также и о том, есть ли мост на Осме; но как он, так и осталь-

---

*После присоединения батальона к полку штабс-капитан Дашкевич рассказал нам следующий эпизод: 3-й батальон расположился возле деревни на бивуаке, выставив для своего охранения сторожевую цепь; перед вечером в деревне послышался шум и крик; заинтересовавшись причиной этого шума, подпоручик Потапов, взяв с собой человек двух солдат, отправился в деревню. Там, возле дерева, стояла толпа болгар, тормоша своего односельца-болгарина, обвиняя его в шпионстве туркам; на него уже надели петлю и думали вздернуть на дерево; благодаря вмешательству этого офицера мнимый шпион избежал кары.

ные казаки ответили, что дальше деревни не ездили и ничего не знают.

— Не желает ли кто из вас, ребята, ехать со мной вперед?— спросил я.

Три казака вызвались охотниками и, сев на лошадей, отправились со мной. Дорога пролегала по широкой долине; с левой стороны от нас тянулись высокие волнообразные возвышенности, прорезанные глубокими, крутыми балками, устья которых выходили в долину; склоны возвышенностей были покрыты густою травой.

С правой стороны извивалась узкая Осма с крутыми, поросшими зеленым ивняком и деревьями берегами; за рекой высились горы, террасообразные гряды которых терялись в синеватой дали. Сначала пролегала хорошая, грунтовая дорога, но верстах в четырех от Дебо, с левой стороны, из глубокой балки, вышло шоссе с телеграфными столбами и потянулось к Никополю. Казаки хотели было обрубить телеграфную проволоку, но я, предполагая, что впереди стоят наши аванпосты[54], не позволил портить телеграфа. Спустя некоторое время один из казаков, небольшого роста, черноватый малый, с длинными черными, вымазанными чем-то жирным волосами, начал что-то часто наклоняться к луке седла, пристально всматриваясь вдаль.

— Что ты так присматриваешься?— спросил я.

— Поглядите, ваше благородие, вон, на горе аванпосты стоят! — говорит мне казак, указывая на впереди лежащую гору.

Я начал всматриваться и, действительно, начинаю разбирать, примерно около двух верст от нас, конные фигуры сторожевой цепи, издали очень похожие на торчащие колья; но, полагая, что то посты кавказских казаков, продолжаю ехать вперед. Проехав около версты дальше, казак, указывая вперед, говорит:

— Ваше благородие, вон, по горе кавалерия идет!

Поручик Бачевский.
Ранен под Плевною 8 июля 1877 г.

Я, действительно, начинаю разбирать, что по скату возвышенности рысью двигается отряд кавалерии, примерно около эскадрона, и в то же время между постами сторожевой цепи стало заметно какое-то движение. Наконец, окопанное по сторонам канавами, шоссе круто свернуло вправо и потянулось к реке. Недалеко от нас, с левой стороны шоссе, была какая-то деревня, вся потонувшая в зелени садов, а между тем кругом было тихо и безлюдно.

— Что-то сумнительно, ваше благородие, как бы не было засады! — говорили казаки.

Да и действительно опасно было: мы слишком далеко отъехали от отряда, да к тому же нас было только четыре человека; почему я остановился у поворота дороги, не зная, на что решиться: ехать ли дальше или же возвратиться назад, не узнав ничего о переправе через Осму.

— Ваше благородие, нас обскакивают! — закричал не своим голосом черноватый казак, указывая на гору.

Взглянув на его побледневшее лицо и выпученные глаза, я понял, что дело плохо. Действительно, по горе, врассыпную, нас обскакивало около полсотни черкесов, видимо, желавших отрезать нам путь отступления.

— Ну, братцы, не выдавать друг друга! А теперь — назад! — сказал я и на всякий случай вынул револьвер.

Почти версты три-четыре мчались мы во весь дух назад, не говоря ни слова.

Оглянувшись назад, я заметил, что у одного казака расковалась лошадь и он начал заметно отставать; тогда, убавив ход лошади, я приказал остальным казакам ехать тише; между тем черкесы начали отставать и, наконец, только темной кучкой виднелись вдали. В это время один из казаков, в воинственном азарте, выхватывает из-за спины винтовку, заряжает и хочет стрелять.

— Нет, братец, теперь уж незачем тратить патрона,— успокаиваю я «Гаврилыча»[55]; — все равно не попадешь.

Только благодаря тому, что мы скакали по прямой, ровной дороге, а черкесы — по возвышенности, изрезанной глубокими балками, нам удалось ускользнуть из рук неприятеля.

Вероятно, турки не стреляли в нас потому, что думали захватить живыми, а главное, верно, не хотели обнаруживать своего расположения.

Тяжелую минуту пережили мы тогда; но, слава богу, опасность миновала, и мы, весело разговаривая, приехали в Дебо.

По возвращении на бивуак я явился к командиру полка и доложил о случившемся со мною.

Наша бригада расположилась бивуаком на высокой, покрытой травою равнине. На правом фланге

стояли архангелогородцы, затем два батальона вологодцев; между батальонами полков стояло четыре батареи артиллерии. Перед вечером прибыли, с отбитым турецким обозом и двумя пленными, две сотни кавказских казаков и стали левее нашего полка. Солдаты уже успели разбить свои низенькие палатки, вдоль фронта которых темнели длинные ряды ружейных козел.

Возле офицерских палаток шумели самоварчики, пуская синеватые струйки дыма, медленно расходившегося в тихом вечернем воздухе.

Впереди бивуака, по широкой долине, извиваясь, текла река Осма; берега речки были покрыты густой зеленью ивового кустарника и, вроде небольших рощиц, группами деревьев; по левую сторону Осмы, среди зеленой листвы, ютилась небольшая деревушка Дебо. За рекой, волнистыми кряжами подымаясь вверх, тянулись высокие горы.

Возле деревни, влево от дороги, на скате возвышенности, расположился наш полковой обоз, а немного дальше назад, на лугу — дивизионный лазарет.

В сумерки вступили на бивуак кавказские сотни с конно-горною батареею. Казаки только что окончили упорный бой с турецкою пехотою под селом Градешти. Начальник дивизии, пропуская мимо себя казаков, благодарил каждую сотню. Закоптелые от порохового дыма, покрытые пылью, лихо, молодцами, ехали кавказцы; сзади сотен вели осиротелых коней убитых и раненых казаков. Как-то жутко становилось при виде этой тихой, но мрачной небольшой боевой картинки.

Утром 2 июля генерал Кнорринг, вместе с полковыми и батарейными командирами, под прикрытием сотни казаков Владикавказского полка, отправился на рекогносцировку турецкой позиции на левом берегу Осмы. Для съемки кроки[56] осматриваемой местности были назначены офицеры; от нашего полка был назначен поручик Давыдов. Вскоре после отъезда бригадного командира группа офицеров собралась

на гребне возвышенности и в раздумье рассматривала тянувшуюся внизу долину Осмы, волнистые горы противоположного берега и отдаленные, окутанные голубым туманом, грозные высоты Никополя. В голову как-то невольно лез вопрос: что будет завтра? Как бы угадывая общую мысль, штабс-капитан Чут, указывая по направлению к Никополю, сказал:

— А вот завтра мы побьем шельмецов-турок!

Вдруг послышался гул орудийного выстрела, затем другой, третий. Вскоре объяснилось, что турки открыли огонь по нашему рекогносцирующему[57] отряду. Вслед за тем получилось приказание: двум батальонам Вологодского полка двинуться вперед, для поддержки генерала Кнорринга.

Быстро построились вологодцы и, перекрестясь, налегке, в одних гимнастических рубахах[58] и боевой амуниции, тронулись с бивуака. Мы проходили, то — по хлебным полям, то — по кукурузе, спускались в глубокие балки и снова подымались. Утро было ясное, тихое; в прозрачной синеве воздуха раздавалось веселое щебетанье птичек; кругом тянулись обширные, как волны бушевавшего моря, поля, испещренные кое-где небольшими рощицами и отдельно стоящими деревьями. Люди бойким, размашистым шагом подвигались вперед; на лицах не было заметно ни малейшего смущения; все это, в общем, имело вид маневра мирного времени. Итак, мы незаметно подвигались к турецкой позиции; наконец, в то время, когда батальоны, в колонне по отделениям, длинной линией тянулись по гребню возвышенности, у неприятеля показался клуб белого дыма, и вслед за тем над нашими головами, с шипеньем и свистом, пронеслась граната и с треском разорвалась недалеко от нас, подняв столб земли и пыли; вслед за первой гранатой последовала другая, затем третья. Не совсем приятно было нам представлять из себя мишень для неприятельских пушек; только опустясь на дно балки, мы вздохнули свободнее. Жутко, очень жутко

было с непривычки слышать над годовою зловещее шипенье и визг гранаты; так вот и кажется, что секунда — и граната ударит в тебя и разнесет в клочья.

Пройдя немного по дну ложбины, батальоны поднялись на скат возвышенности и расположились в резервном порядке, ожидая дальнейшего распоряжения.

Вскоре, вслед за этим, к нам подъехал бригадный командир и приказал батальонам возвратиться на бивуак.

Около полудня из деревни Мечки пришел наш 3-й батальон и расположился на лугу, возле Дебо, правее полкового обоза. В этот день нам положительно стало известным, что завтра, с рассветом, наша бригада атакует турецкие позиции на левом берегу Осмы.

На бивуаке ротные командиры осматривали оружие, патроны, делая, вместе с тем, разные распоряжения. К вечеру людям приказано было отнести ранцы в полковой обоз, так как в дело части бригады должны были идти в гимнастических рубахах, имея шинели скатанными через плечо; кроме того, приказано было взять с собою мешок с сухарями и ранцевый котелок.

Наступил вечер; люди, пропев вечернюю молитву, тихо разошлись по своим местам; не было песен, той суеты, какая бывала, обыкновенно, на бивуаке. Поздно вечером командир полка, собрав к себе батальонных и ротных командиров, вкратце передал им предположение о завтрашнем наступлении.

Наконец, погасла багряная полоса заката солнца и наступила безлунная ночь.

В разных местах бивуака, между длинными белыми линиями палаток, темнели фигуры солдатиков, которые, стоя на коленях и подняв лицо к высокому звездному небу, горячо молились Богу. Вскоре все смолкло; только общую тишину нарушало какое-то однообразное чириканье кузнечиков в высокой влажной траве. Я долго не мог заснуть, ворочаясь с боку

на бок на камышовой циновке. Мысли, беспрестанно сменяя одна другую, роились в моей голове; что-то жуткое, томительно-неизвестное теснилось в душу. Итак, завтра в бой!..

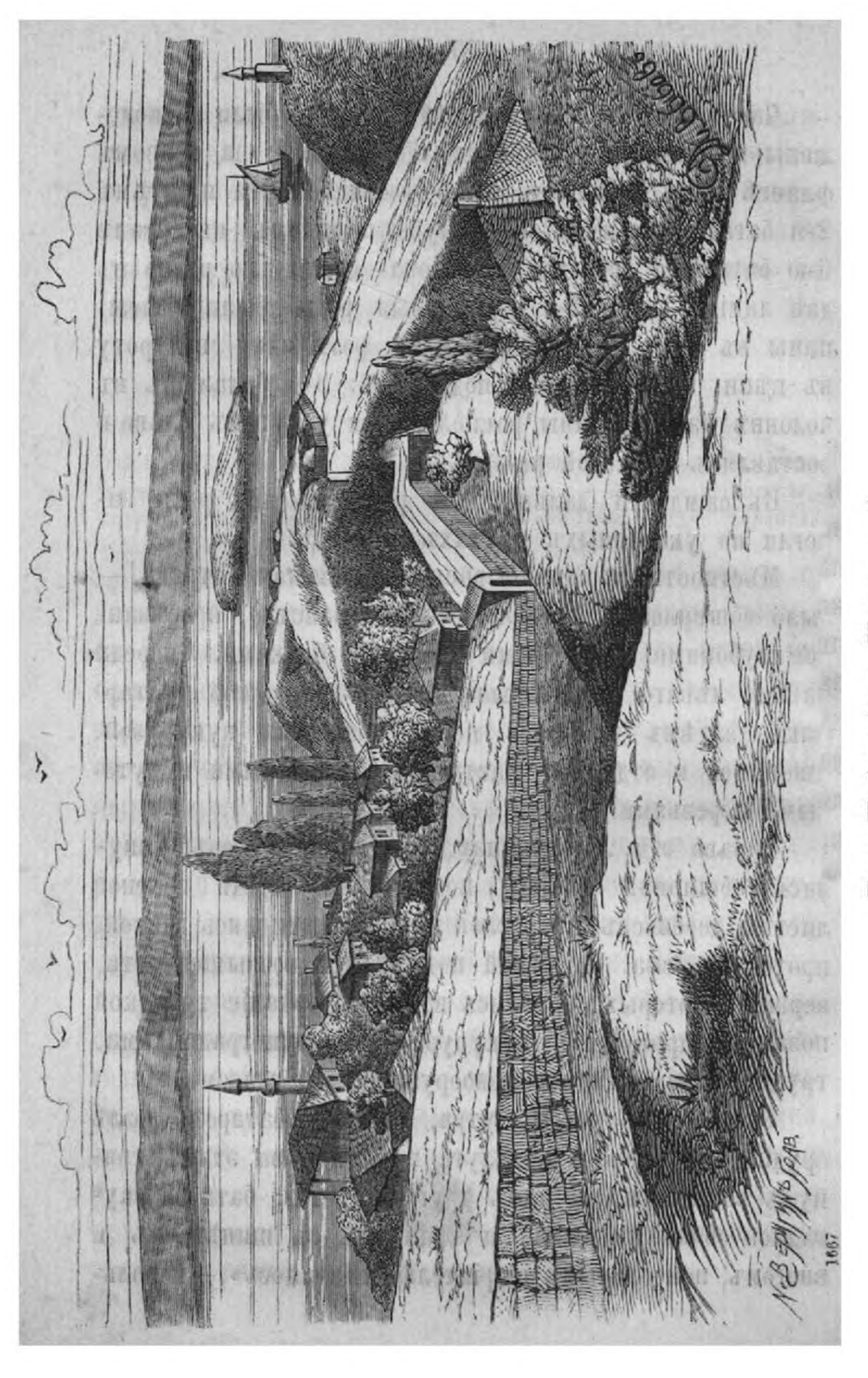
V

Бой под Никополем 3 июля.— Канонада.— Наступление; атака турецкой позиции на левом берегу Осмы.— Занятие переправы и штурм Никопольских высот.— Ночь на 4 июля.— Сдача Никополя

С рассветом 3 июля Вологодский полк с двумя батареями 5-й артиллерийской бригады снялся с бивака у Дебо и двинулся вперед, для атаки неприятельских позиций на левом берегу Осмы. Сначала мы шли по полевой дороге, пролегавшей по сильно волнистой местности, среди кукурузных и хлебных полей, еще окутанных синеватым утренним туманом; затем, пройдя около четырех верст, свернули вправо, на шоссе, тянувшееся по дну широкой, глубокой балки; шоссе шло с юго-запада на северо-восток и направлялось к стороне Никополя.

Вскоре после выхода полка на шоссе, были вызваны стрелковые роты перед батальоны и затем вологодцы белыми массами, сверкая щетиною штыков, под косыми лучами только что показавшегося солнца, в тишине и грозном порядке, шаг за шагом, приближались к турецкой позиции; наконец, полк, зайдя правым плечом, построился в боевой порядок на отлогом скате широкой балки.

Части полка, перед наступлением, были расположены на позиции следующим образом: на правом фланге — 1-й батальон, левее — 4-я батарея и затем 2-й батальон, имея в полубатальонном интервале 6-ю батарею; все два батальона стали поротно в две линии; 1-я и 2-я стрелковые роты были рассыпаны в цепи, имея в каждой роте одну полуроту в цепи,

Баш-Табия (укр. Никополя)

а другую — в поддержке; 3-й батальон в колонне из середины расположился уступом слева и составлял полковой резерв.

В ожидании дальнейшего распоряжения роты залегли на указанных местах.

Местность, на которой расположился наш отряд,— было обширное, волнообразное пространство, прорезанное глубокими, с крутыми берегами, балками. Спереди нашего левого фланга был виден небольшой кустарник, затем тянулись поля, покрытые кукурузой, пшеницей и отдельно растущими ореховыми и тутовыми деревьями.

Вправо от леса, внизу, далеко на север, тянулась обширная долина, по которой, среди зеленой листвы деревьев и зарослей ивняка, извиваясь лентой, протекала Осма. За рекой подымались возвышенности, вершины которых терялись вдали. Очертание турецкой позиции, прикрытой кукурузою и виноградниками, трудно было заметить невооруженным глазом.

Около 7 часов утра в 4-й батарее, возле орудий, засуетилась прислуга и вслед за этим грянул выстрел, за ним другой, третий; батарея окуталась облаками дыма, и гранаты, с шипеньем и визгом, понеслись к неприятелю. «Началось»,— невольно подумалось каждому, и все напряженно стали ожидать турецкого гостинца. Только после третьего нашего выстрела стали отвечать турки; их артиллерия замечательно скоро пристрелялась, метко посылая гранату за гранатой[59] в место расположения батареи; первая граната сделала недолет, вторая перелетела и, разорвавшись, ранила упряжную лошадь; бедное животное медленно плелось назад, помахивая своей окровавленною мордою. Третья неприятельская граната разорвалась у самых наших орудий и осколком ранила офицера 4-й батареи, поручика Ганичева.

Вскоре у них оказалась еще и другая батарея, расположенная правее первой; турки упорно отвечали на огонь наших двух батарей, беспрестанно посылая

гранату за гранатой в место расположения нашего отряда. Грохот орудийной канонады и треск разрывавшихся снарядов наполняли гулом всю окрестность.

Спустя около часа после открытия канонады был дан сигнал: «все, наступление».

По сигналу вологодцы, взяв ружья «вольно», по команде, стройно, сохраняя равнение, в ногу двинулись к турецким ложементам[60]. Мы шли, то — по кукурузе, то — по виноградникам, спускались в балки и снова подымались и, таким образом, быстро сближались с неприятелем.

По мере того как мы двигались вперед, турецкие пули начали роем носиться над нами, издавая какой-то странный, ноющий вой. Постепенно подвигаясь вперед, мы спустились в глубокую балку и, поднявшись затем к гребню, увидели перед собою снова поднимавшуюся возвышенность, вершина которой была окаймлена желтыми насыпями ложементов; ярко-красные фески турецких стрелков густо усеяли брустверы, резко выделяясь на желтой глине насыпей. Турки встретили вологодцев сильнейшим ружейным огнем; неприятельские пули массой неслись в воздухе, производя какой-то странный шум и шелест в высоких стеблях кукурузы; некоторые из них, ударившись в землю, снова подымались кверху, издавая бешеные звуки; орудийная канонада гремела по-прежнему и гранаты, с визгом рассекая воздух, рвались между ротами; в рядах вологодцев стали появляться убитые и раненые. Стрелковые роты, заняв гребень балки, открыли огонь по неприятельским ложементам.

Вследствие крайне пересеченной местности, а также все более и более усиливающегося огня неприятеля происходил неизбежный при этом беспорядок и замедление в движении цепи; тогда подполковник Тиханов предложил мне взять на себя командование правым флангом стрелковой цепи.

Заявив о своем назначении командиру роты, капитану Давыдову, я почти все время боя, на левом берегу Осмы, руководил правым флангом стрелков и дошел с ними до самой переправы через Осму, у Джурно-Село.

Поддерживая неторопливый ружейный огонь, стрелковые роты постепенно подавались все ближе и ближе к турецким ложементам, причем 1-й батальон вел атаку с фронта, а роты 2-го батальона, наступая вперед, охватывали правый фланг неприятеля.

Перед началом наступления 3-й батальон находился в резерве и стоял уступом слева в колонне из середины. Как только открылся артиллерийский огонь, к батальону подъехал полковой адъютант, поручик Яблонский, и передал майору Залетину приказание командира полка, барона Соловьева, что, спустя четверть часа после сигнала: «все, наступление», 3-й батальон должен двигаться вперед; вместе с этим, для удлинения левого фланга цепи стрелков и для занятия впереди лежащего кустарника, была вызвана полурота 3-й стрелковой роты, под командою прапорщика Власьева 1-го.

Спустя четверть часа после сигнала 3-й батальон двинулся вперед; выйдя на гребень балки, майор Залетин развел батальон пополубатальонно и продолжал в этом строе подаваться вперед, вслед за наступавшими 2-м и 1-м батальонами.

Вскоре, вслед за наступлением Вологодского полка, на правом берегу Осмы зарокотала дробь ружейной перестрелки, которой вторил гул орудийной пальбы. Вершины гор покрылись белым пороховым дымом, волнами расстилавшимся по скатам и кустарникам правой стороны Осмы.

Наконец, задымилась ясно видневшаяся нам грозная Никопольская высота и вслед за тем граната за гранатой начали наискось прорезывать нашу боевую линию и рваться между наступающими ротами вологодцев. Крайне неприятное впечатление производил

боковой полет снарядов; так и кажется, что вот-вот ударит тебя в висок или в бок и положит на месте.

Вдруг слева раздается клик «ура»,— это 3-я и 2-я стрелковые роты начинают охватывать правый фланг турецкой позиции; тогда капитан Давыдов закричал: «Стрелки, вперед, ура!». Вся цепь, поднявшись, во весь дух бросается вперед, спотыкаясь и падая, бежа по рыхлому полю кукурузы и виноградников.

Турки очищают ложементы и быстро отступают назад. Стрелки, заняв первую линию ложементов, не останавливаются в них, а с налета врываются в следующий ряд траншей. Там мы нашли, рядами сложенные, черные кожаные ранцы, ящики с патронами Снайдера[61], жестяные манерки с виноградным соком, рис и даже куски сырого мяса, положенного на доски; вероятно, турки готовились завтракать, но наш, чересчур ранний, визит лишил их этого удовольствия.

При взятии траншеи ружейной пулей ранило бежавшего возле меня рядового 1-й стрелковой роты Симакова; бедный солдатик, зажимая рукой рану, то — падал на землю, то — снова вставал; широкое кровавое пятно все более и более расширялось на его белой рубахе.

— Что с тобой, Симаков?— спрашиваю я.

— Ой, ваше благородие, убили; видно, смерть моя пришла!

Успокаивая его, я распорядился сделать ему перевязку и отнести назад.

Так как ружья Снайдера своей конструкцией несколько схожи с Крынком[62], а калибр почти одинаков, то солдатики, заняв траншеи, открыли огонь по отступающим туркам их же патронами. Подождав прихода линейных рот, а вместе с тем отдохнув и собравшись с силами, стрелки двинулись вперед. В то время как вологодцы брали траншеи, внизу, по левой стороне Осмы, стройно наступал батальон Козловского полка. Козловцы, переправившись у Мыселеу, двигались вслед за нами к переправе.

Темная линия их стрелковой цепи* постепенно занимала сады и рощи по Осме, отбрасывая турок к Никопольским высотам.

Между тем турки усилили фронтальный и фланговый огонь по безостановочно наступавшему Вологодскому полку; гранаты и шрапнели, ежеминутно разрываясь вблизи, обдавали осколками и комьями земли. Особенно сильное впечатление производило действие шрапнели: высоко в воздухе показывается небольшое облачко дыма, слышится звон как бы разбитого стакана, и вслед за тем осколки и пули с шумом, словно стая вспугнутых воробьев, несутся, рассеиваясь, вниз. Весь этот орудийный гул и треск, свист и вой пуль расстраивают нервы в высшей степени, и человек действует полусознательно, как бы в тумане.

После занятия траншей роты 2-го батальона продолжали, совместно с 1-м батальоном, дальнейшее наступление, охватывая правый фланг неприятеля и отбрасывая его к устью Осмы. Во время этого наступления граната ударилась в землю перед фронтом 5-й линейной роты и, разорвавшись, осколком убила наповал командира роты, штабс-капитана Чута.

3-й батальон продолжал свое дальнейшее движение в полубатальонных колоннах. Спустя некоторое время к батальону подъехал командир полка, приказал выслать в цепь 2-ю полуроту 3-й стрелковой роты и затем, став в полубатальонном интервале, приказал атаковать впереди лежащую балку.

Батальон, с кликом «ура», бросился вперед, занял балку и брошенную турками траншею; в этой траншее, как и в прочих, нашли ранцы, манерки, патроны. Во время этой атаки турки открыли огонь шрапнелью, и батальон при этом потерял около 20 человек. Заняв балку и траншею, батальон расположился на

* Все войска 9-го армейского корпуса были одеты в мундиры, за исключением 1-й бригады 5-й пехотной дивизии и 3 батарей, вступивших в бой в гимнастических рубахах.

Штабс-капитан Чут,
убит под Никополем 3 июля 1877 г.

скате возвышенности, укрываясь от неприятельского огня; находившийся здесь командир полка, барон Соловьев, только что успел слезть с лошади и стал закуривать папиросу, как был ранен ружейною пулею в ногу; в командование полком вступил подполковник Тихонов.

1-й батальон продолжал между тем двигаться вперед, по следам отступавшего неприятеля; стрелки, руководимые капитаном Давыдовым, спустились вниз, в долину Осмы и, соединясь с козловцами, гнали турок к переправе у Джурно-Село. Грозная Никопольская высота, как вулкан, окуталась белым дымом, посылая снаряд за снарядом в ряды атакующих частей; турецкие стрелки, засев за деревьями и кустарниками, окаймляющими берега Осмы, продолжали ружейную трескотню.

Командир полка, полковник барон Соловьев,
ранен под Никополем 3 июля 1877 г.

На обширной равнине, среди зеленой высокой травы, виднелись рассеянные белые и черные предметы; эти лежавшие предметы были трупы убитых вологодских и козловских стрелков...

Недалеко от реки, из-за деревьев вдруг выбежало большое стадо рогатого скота, которое затем с ревом и мычаньем начало неистово кружиться между нашей и неприятельской линией...

Заняв мост, стрелки перешли на правый берег Осмы и расположились у подошвы горы, ожидая подхода линейных рот.

В это время я получил приказание донести командующему полком о занятии 1-м батальоном переправы через Осму. Взяв свою лошадь у шедшего сзади сигналиста, унтер-офицера Ивана Ельникова, я уехал к подполковнику Тихонову. От него я поехал с донесе-

нием к начальнику дивизии, что вологодцы взяли все позиции на левом берегу Осмы и что 1-й батальон, заняв переправу, перешел на правый берег Осмы.

Генерал Шильдер-Шульднер передал через меня приказание, чтобы 1-й батальон атаковал гору; 2-му батальону приказано было также перейти переправу, поддержать атаку, а 3-му батальону придвинуться к реке и стать у моста.

Стянувшись у подошвы горы, 1-й батальон начал, по обрывистым кручам, подниматься вверх; капитан Давыдов, с цепью стрелков, по горной тропинке обошел правый фланг неприятеля, а линейные роты вели атаку с фронта. Только что вологодцы поднялись из-за гребня горы, как раздался оглушительный гром двух орудийных залпов и картечь[63] с визгом и воем запрыгала по рядам вологодцев; почти все передние ряды лоском легли на месте, но остальные, с криком «ура», бросились в штыки и захватили два чугунных крепостных и четыре крупповских полевых орудия[64]; часть прикрытия и прислуга были переколоты. Удар настолько был стремителен, что солдаты захватили даже двух упряжных лошадей. Оправившись, турки участили ружейную и орудийную пальбу и двинулись в атаку. Под напором неприятеля вологодцы подались назад, но усиленным ружейным огнем отбили атаку, не позволили туркам взять обратно орудий. Во время этой атаки на левом фланге стрелковой цепи показались черкесы и башибузуки; но командир 2-й стрелковой роты, штабс-капитан Осипов, сомкнув часть цепи, двумя залпами отбил атаку; черкесы и башибузуки ускакали назад, потеряв нескольких человек убитыми. Отбросив неприятеля, наша цепь поддерживала сильный ружейный огонь, а остальные роты, укрываясь от огня, лежали за гребнем горы, в небольшой ложбине.

В то время как 1-й батальон брал Никопольскую укрепленную гору, роты 2-го батальона, отбрасывая

неприятеля к устью Осмы, двигались вслед за ним, переходя из кукурузы в виноградник, из виноградника в балку, из балки снова в кукурузу.

Очутившаяся в первой линии, 5-я рота, следуя за отступавшими турками, спустилась в лощину и затем вошла в какую-то небольшую деревушку. Только что начала она втягиваться в узкие улицы, как изза изгородей, из окон, из-за строений была осыпана градом неприятельских пуль. Подавляемая сильнейшим неприятелем и потеряв 5 человек убитыми и 14 ранеными, рота принуждена была отступить назад. В числе убитых был и фельдфебель роты, Демьян Батура, труп которого остался в руках врагов. Вскоре подошедшие 7-я и 8-я роты с частью 3-й стрелковой роты выбили турок из деревни и заставили бежать назад.

Очистив от неприятеля левый берег Осмы, 2-й батальон с 4-й батареей перешел за мост и, ожидая дальнейшего приказания, расположился в колонне из середины на Плевно-Никопольском шоссе, у подошвы Никопольских высот.

1-й батальон, расположившись на горе, попрежнему отражал попытки турок перейти в наступление против левого фланга, с целью сбросить нас вниз. По всей вероятности, туркам удалось бы, в конце концов, подавить нас своей массою, если бы нам не оказывал братской помощи молодецкий Козловский полк, который, расположась на взятых им штурмом высотах по обе стороны Плевно-Никопольского шоссе, ежеминутно отражал неприятельские атаки. Доблестный его командир, полковник Степанов, находясь недалеко от нас, вправо, под деревом, руководил действиями своего полка.

Было около двух часов пополудни; жгучие лучи солнца отвесно падали с ярко-синего безоблачного неба, и ни малейший ветерок не освежал воздуха. Кругом нас стоял какой-то неопределенный шум, покрываемый громом орудийной пальбы и адскою

музыкою ружейной трескотни. Вдруг в Козловском полку раздался бой барабанов «атака», затем поднялись раскаты «ура». Все это: треск барабанов, крики «ура», гром выстрелов,— слилось в какой-то общий рев, гул!

Цепь и резерв вологодцев, как один человек, поднялись с места и, крича «ура», очертя голову бросились вперед.

Долго мы бежали по виноградникам, рытвинам, козлами прыгая через канавы, под учащенным пушечным огнем неприятеля. Во время этой гонки вперебежку, вологодцы и козловцы, перемешавшись, представляли из себя какую-то пеструю массу.

Вдруг по рядам проносится крик: «Кавалерия, черкесы на левом фланге!». Смятение, крик, шум вышли ужаснейшие; чтобы прекратить несколько беспорядок, я поднял саблю и приказал барабанщику ударить «сбор».

Собрав часть вологодцев, я выстроил их фронтом, в сторону предполагаемой черкесской атаки, затем вынул револьвер и, взведя курок, сказал: «Если кто осмелится выстрелить без моей команды, того я застрелю своей рукой, слышите, ребята?».

— Слушаем, ваше благородие! — дружно ответили солдатики.

Левее меня, уступом, сзади, выстроились козловцы, под начальством какого-то молодого офицера. Мы спокойно ожидали атаки неприятельской кавалерии, готовясь принять ее с честью — угостить свинцовыми орехами.

Прождавши на месте около четверти часа и видя, что кавалерия не появляется, я половину людей рассыпал в цепь, а другую оставил в поддержке, двинулся вперед; вслед за мной начали наступать и козловцы. Открыв огонь и постепенно перебегая от закрытия к закрытию, мы теснили турок назад; наконец, выбив неприятеля из довольно глубокой канавы, вологодцы и козловцы расположились на ней, чтобы несколько

отдохнуть и привести перемешавшиеся роты в порядок. В это время подъехали командир 2-й бригады, 5-й пехотной дивизии, генерал-майор Богацевич[65], и Генерального штаба полковник Мациевский[66]. Генерал Богацевич приказал мне устроить перемешавшиеся роты вологодцев и вместе с тем вступить в командование батальоном, до прибытия старшего офицера Вологодского полка. Вскоре вслед за этим начали прибывать ротные командиры и вступать в командование своими частями. Отсюда вологодцев и козловцев передвинули вправо, и мы расположились на площадке, между большими коническими палатками взятого турецкого лагеря. В палатках лежало имущество турецких солдат и офицеров; кроме того, там много было рису, галет и даже коровьего масла. Турки, заметив нас в лагере, осыпали всю площадь снарядами; просто некуда было деться от падающих пуль и гранат.

Наконец, на наше счастье, справа и сзади раздались орудийные выстрелы, вслед за которыми турецкая батарея моментально замолчала; только после этого мы могли несколько перевести дух и удерживать напор все более и более усиливающегося неприятеля. Эту неожиданную помощь нам оказал взвод 2-й Донской батареи, вынесшийся, под сильным огнем, на позицию и двумя-тремя выстрелами подбивший неприятельскую батарею.

Около полудня турки, все более и более усиливаясь и открывая страшный ружейный огонь, начали теснить весь наш левый фланг; вологодцы и козловцы, оставив лагерь, должны были отступить назад; но вот сзади подходят стройные белые линии,— то 2-й батальон, построенный поротно в две линии, наступал вперед. Турки были отброшены, и вся наша боевая линия двигалась по пятам отступающего неприятеля.

Опять закипел бой, опять усилился гром орудий и треск ружейной пальбы, по временам прерываемый барабанным боем «атаки» и криком «ура».

Мне и до сих пор часто представляется маленького роста молоденький прапорщик 8-й роты, Шумский-Каверников, который, идя впереди цепи и подняв саблю, кричал: «Вперед, братцы, вперед, вперед!».

Вся местность была усеяна белыми, черными и красно-синими предметами; эти разбросанные предметы были раненые и убитые вологодцы, козловцы и турки. Одетые в широчайшие синие штаны и обмотанные красным шерстяным поясом, лежащие турки казались какими-то великанами.

Становилось уже темно; легкий вечерний туман, смешавшись с пороховым дымом, синеватой пеленой начал заволакивать поле битвы, а канонада и ружейная пальба все еще не умолкали. Впереди, на открытой поляне, виднелся черный силуэт большого редута[67]. Окутанный облаками порохового дыма, он, по временам, озарялся огненным венцом ружейных залпов, а затем снова погружался в темноту. Командир 6-й роты, штабс-капитан Лучанинов, рассказывал мне потом, что будто бы из редута два раза раздавался на рожке русский сигнал «отступление». Наконец, выстрелы, постепенно все более и более затихая, почти прекратились, и мы беспрепятственно подвигались вперед; вдруг с левого фланга, из-за ската горы, выехали две сотни 9-го Донского полка и вихрем промчались вдоль фронта нашей боевой линии. Расхрабрившиеся станичники, махая шашками, кричали: «Где турки? Мы всех порубим!».

Имея при себе около полутораста человек вологодцев и часть козловцев, я подошел почти к самому спуску к Дунаю. На уступе горы я нашел брошенную турецкую батарею с крепостными пушками, дула которых были обращены на Турну-Магурели. На батарее валялись трупы только что заколотых турок. Чтобы предохранить себя от нечаянного нападения, я выставил несколько часовых, приказав им давать знать о всем замеченном; спустя некоторое время прибежал солдат и сообщил, что генерал Богацевич

собирает вологодцев и козловцев, чтобы отвести назад. Имея в виду, что орудия были крепостные и притом заряжались с дула, следовательно, мы ни увезти, ни испортить их не могли, и что оставаться на батарее, вблизи крепости, было безрассудно, я решил присоединиться к полку. Недалеко от батареи стояли уже собравшиеся части Вологодского полка. Встретившись там с А. И. Давыдовым, мы поцеловались и от души поздравили друг друга с избавлением на этот раз от смерти или увечья. Поверив и устроив перемешавшиеся части, майор Кольчевский, по указанию генерала Богацевича, отвел вологодцев назад и расположил на ночлег в турецком лагере. В лагере были собраны раненые, между которыми я нашел прапорщика Андреевского; он лежал на носилках и сильно страдал от полученной раны во время атаки 2-м батальоном турецких позиций; осколок гранаты ему перебил ногу.

Тихая ночь уже царила над полем смерти; вдали, изредка, раздавались глухие пушечные выстрелы; но скоро все смолкло; только над Никополем стояло пламя пожара, окрашивая небо ярко-красным светом*.

С рассветом 4 июля, по приказанию генерала Богацевича, 2-й батальон Вологодского полка был пополнен присоединившимися к нему, во время боя, людьми 1-го батальона, а из людей разных стрелковых рот была составлена сводная стрелковая рота, 1-я полурота которой была поручена мне, а 2-я — поручику Давыдову. Затем, выслав стрелков вперед, 2-й батальон, под командою майора Кольчевского, в строю поротно, в две линии, имея в интервале 4-ю

* Из эпизодов Никопольского боя я помню следующий рассказ рядового 1-й стрелковой роты Ивана Дорохова: «Я столкнулся с турецким артиллеристом; турок — здоровенный солдатище, схватясь за штык, начал вырывать у меня ружье; я тяну к себе ружье, а турок — к себе; наконец, догадавшись, я вложил патрон и выстрелом в живот убил неприятеля».

батарею 5-й артиллерийской бригады, двинулся на штурм Никополя.

Остальные два батальона Вологодского полка, под общим начальством командующего полком, майора Залетина, стояли в резерве возле взятой накануне турецкой батареи*.

Итак, наша боевая линия, состоящая из батальонов Вологодского и Козловского полков, под руководством генерала Богацевича, в порядке и грозном молчании, двигалась вперед, на штурм Никополя. Мы беспрепятственно прошли целую сеть брошенных турками траншей, прошли мимо громадного редута, против которого вчера вели атаку вологодцы, и, наконец, уперлись в гласис[68] крепости.

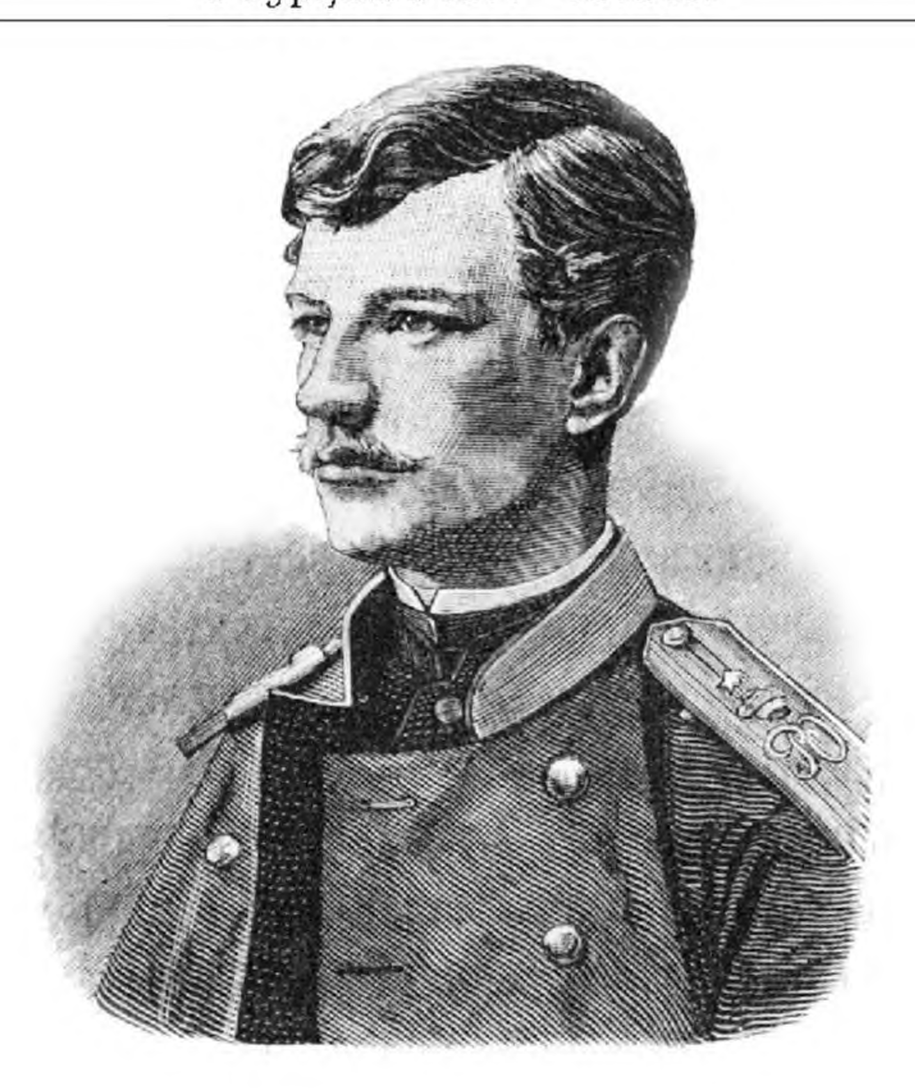
Весь путь нашего наступления был усеян обломками оружия, артиллерийскими снарядами и целой массой патронов; по дороге в крепость лежали два подбитых стальных орудия. Подойдя со стрелками к гласису, я заметил в амбразуре крепостного вала стоящего пожилого турецкого офицера, в красной феске и синем мундире, на рукаве которого были нашивки из золотого широкого галуна. Турецкий офицер держал в руках палку с привязанным белым флагом.

Итак, Никополь сдался!

Войдя затем в крепость, я свернул вправо на бастион, где застал целый табор турок, стоящих в колонне, возле брошенных в кучу ружей. Вскоре вслед за этим роты Вологодского полка были выведены из крепости и построены в батальонные колонны, а после встречи пленного Гассана-паши[69] и проезда начальства полк был отведен в виноградники, где и расположился биваком.

Итак, Никополь, одна из сильнейших придунайских крепостей, укрепленная природой и искусством, с гарнизоном около 12 тысяч, пала пред доблестными войсками 9-го армейского корпуса.

* Майор Залетин вступил в командование полком после контуженного подполковника Тиханова.

Поручик Давыдов, командовал частью цепи при штурме Никополя

В никопольском деле на долю Вологодского полка выпала тяжелая и трудная задача, которую он, со славою и успехом, выполнил. Результат боевого участия Вологодского полка был следующий: взятие турецких позиций на левом берегу Осмы; атака укрепленной горы на правом берегу реки; взятие двух крепостных и четырех полевых дальнобойных орудий; штурм в лагере и занятие гласиса крепости. Потерял полк убитыми и ранеными 12 офицеров и 250 нижних чинов.

Из офицеров был убит штабс-капитан Чут; прапорщик Андреевский умер в госпитале от полученной раны; ранены: полковник Соколов и капитан Давыдов; контужены: подполковник Тиханов, капитан Плюшкевич, поручики: Светюха и Яблонский и прапорщики: Греков, Неговский, Ребиков и Гриценко.

Особенно была чувствительна потеря 1-го батальона, потерявшего в бою под Никополем 133 человека, выбывшими из строя убитыми и ранеными.

VI

Переход полка от Никополя к Шамлы.—Движение к Плевне.—Ночная тревога.—Неожиданная завязка боя под Плевной 7 июля

После никопольского дела полк, как уже известно, расположился биваком в виноградниках, окружавших город. Нужно было отдохнуть, восстановить физические и нравственные силы; кроме того, позаботиться об отправлении раненых в лазарет, убрать тела убитых, затем пополнить израсходованные в этом продолжительном бою патроны; получить сухари для довольствия полка. В этих заботах полк провел лишь одни сутки, и 5 июля, в 4 часа пополудни, мы снялись с бивака и пошли по дороге на Плевну. Спустясь с горы и перейдя мост через реку Осму, мы расположились биваком на обширном лугу, вблизи реки Джурно-Село, где сутки тому назад происходил такой ожесточенный бой и пролилось много крови.

6 июля, рано утром, Вологодский полк с двумя батареями 5-й артиллерийской бригады получил приказание направиться к реке Шамлы, где и расположился биваком, ожидая дальнейших распоряжений. Только в 5 часов утра, вследствие полученного приказания, полк снялся с ночлега и, перейдя луг и свернув с Плевненской дороги вправо, пошел по проселочной. Дорога эта пролегала по волнистой местности, среди обширных полей, покрытых пшеницей и кукурузой; в некоторых местах пшеница, овес и проч. были сжаты и сложены в копны, но полевые работы, как видно, были прерваны в самом разгаре, так как на окрестных полях не было видно ни одной живой души. К часу дня полк пришел к Шамлы и расположился с

артиллериею биваком на берегу реки Вид, недалеко от впадения ее в Дунай. Разбили палатки; на берегу реки устроились ротные котлы, началась варка пищи, купанье; появились жители Шамлы, какие-то выходцы из Румынии; затем началась торговля брынзой, кокошками и даже ракийкой. Бивак принял шумный и оживленный вид: лица у всех были веселые, везде слышался смех, шутки. Между собравшимися группами офицеров, за стаканом горячего дымящегося чая и прочей неприхотливой бивачной закуской, шла оживленная беседа, причем передавались друг другу различные эпизоды минувшего штурма и другие впечатления военно-походной жизни. Мы уже забыли труды и лишения; все начали, так сказать, отдыхать от тех волнений, которые так недавно пережили.

Расположение частей 1-й бригады и Костромского полка 6-го числа было следующее: Архангелогородский полк с двумя батареями 5-й артиллерийской бригады расположен был в Градешти; Вологодский полк с двумя батареями — у Шамлы; Костромской полк с 5-ю батареею 31-й артиллерийской бригады — в Турском Тростнике; 9-й Донской полк — у Креты.

Недолго нам удалось постоять на месте и предаться отдыху; около пяти часов пополудни приказано было сниматься с бивака, опрокинуть котлы с почти готовой солдатской пищей и становиться в ружье; было объявлено, что 1-я бригада пойдет в Бреслянницу, а затем — в Плевну.

Выступили мы в поход к Бреслянице бодро; все были в беззаботном настроении духа, несмотря на малый отдых и пропавший обед; все были в том настроении, как певалось в старинном марше:

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый Росс![70]

Впереди шел 3-й батальон, за ним батарея, потом 2-й батальон, батарея и, наконец, 1-й батальон, в котором я был адъютантом. Когда мы подошли к Гра-

дешти, были уже вечерние сумерки и затем быстро наступила ночь; дорога была отвратительна, мосты испорчены— все это страшно замедляло движение, утомляло людей, и мы плелись, как говорится, черепашьим шагом.

Ночь была так темна, что с трудом можно было различать вблизи находившиеся предметы; окружавшая нас местность была дикая и мрачная, особенно одно место врезалось мне в память: слева — высокая крутая возвышенность, а справа — канава, за канавой — болото, поросшее камышом и лозняком, шумевшее под свежим и порывистым ночным ветром. В голову, как-то невольно, начали лезть тревожные мысли о засаде; услужливое воображение рисовало яркими красками картины того неприятного положения, в которое мы тут могли быть поставлены.

Вдруг, где-то в стороне, раздалось несколько ружейных выстрелов и вслед за тем послышался крик: «Турки!». Смятение было ужасное. В ночном воздухе пронеслось громкое, порывистое «ура» и треск ружейной пальбы. Солдаты, идя, кричали «ура», сами не сознавая, что делают. Крики и смятение продолжались минут около десяти. Наконец, батальоны были остановлены, приведены в порядок и, спустя час или более, двигались далее. Следствием этой суматохи было то, что нескольким солдатам нанесены раны; одно орудие и две-три обозные повозки опрокинуты были в придорожную канаву. Можно сказать, что нет ничего утомительнее и тревожнее ночного похода в военное время.

Шли мы, шли и, кажется, конца не предвиделось этой проклятой дороге; наконец, только к двум часам ночи дотащились к деревне Чиековцы. За Чиековцами, впереди и вправо дороги, показались огоньки, послышался шум голосов и ржание лошадей: то были биваки 9-го Бугского уланского, а несколько дальше Архангелогородского полков; миновав, наконец, рас-

положение этих полков, мы свернули с дороги, тоже вправо, на луг, где и расположились на ночлег.

7 июля рано утром, чуть только солнце начало показываться над горизонтом, полк снялся с места ночлега и, вслед за архангелогородцами, пошел к Бресляннице.

У Бресляницы сделали продолжительный отдых и, за неимением других закусок, подкрепили себя сухарями с водицей.

Здесь наш полк обогнал начальник дивизии, генерал-лейтенант Шильдер-Шульднер, и здесь нам сообщили, что 1-я бригада идет на ночлег в деревню Вербицу и завтра утром мы атакуем Плевну. Носились слухи, что Плевна занята небольшим турецким отрядом, силою в шесть таборов[71] пехоты, одной батареи и нескольких сотен черкесов.

Из Бресляницы вологодцы и архангелогородцы с артиллериею в одной походной колонне двинулись по дороге на Вербицу к Плевне. Пройдя около десяти верст от Бресляницы, наш полк расположился на привале по обе стороны дороги. Влево от дороги была небольшая лужайка, немного дальше — фонтан с прекрасною холодною водой, а затем кругом расстилалась волнообразная местность, покрытая пшеницей и кукурузой, яркая желтизна и зелень которых блестели под ослепительными солнечными лучами.

После привала отряд двинулся дальше. День был знойный; жара, при полном безветрии, томила всех до изнеможения. Мы все положительно задыхались от зноя и тонкой, едкой пыли, лезшей в нос, рот и глаза. Навьюченные солдатики, обливаясь потом, беспрестанно перекладывая ружья с одного плеча на другое, двигались вперед в облаках стоявшей пыли.

Все шли молча, тихо. Было ли это общее затишье вследствие палящего зноя, утомительного похода и двухдневного питания сухарями с водой; или же, быть может, предчувствие близкого жестокого боя, в котором половина шедших сложит свои головы...

Дорога шла между возвышенностями, сначала отлогими; но чем ближе подходили к Плевне, тем все круче и круче становились окружавшие нас высоты. Пролегавшая, как бы в ложбине, дорога была так узка, что двум встретившимся обозным телегам трудно было разъехаться; кроме того, она была окаймлена колючими кустарниками и зарослями молодого дубняка. Все эти местные неудобства замедляли и затрудняли движение отряда.

Вдруг впереди, к стороне Плевны, раздались ружейные выстрелы; за ними последовал один, другой, третий — орудийные.

Оказалось, что отряд наш сбился с дороги и вместо Вербицы вышел к Плевне. Черкесская цепь, сделав несколько ружейных выстрелов по головным патрулям Архангелогородского полка, тотчас же скрылась и вслед за тем турецкая артиллерия открыла огонь по нашему отряду.

Было два часа пополудни. Головные части 3-го батальона вологодцев остановились; нужно было стянуть полк, что не совсем легко и скоро можно было сделать потому, что батальоны шли на широких интервалах обыкновенным походным порядком мирного времени; кроме того, узкая дорога была загромождена артиллерийским обозом, зарядными ящиками, лазаретными линейками и другими повозками; а росший с обеих сторон дороги кустарник задерживал обходившие обоз батальоны. Наконец, выбрались на небольшую долину, окруженную со всех сторон, в особенности с южной, западной и северо-западной, возвышенностями, довольно значительными; южная — была покрыта кустарником и небольшим лесом; на скате же западной — была небольшая деревушка*. Влево от дороги, недалеко от двух колодцев, вытягиваясь в линию, начали располагаться лазаретные линейки. Изредка гранаты с визгом и шипеньем рассекая воз-

* Деревня Крайова.

дух, перелетали над головами. Вся эта обстановка наглядно убеждала всех, что это — начало боя.

Стянув и устроив батальоны, командующий полком, майор Залетин, приказал 3-му батальону, под командою капитана Бертмана, занять позицию правее архангелогородцев; 1-му батальону, под командою майора Юрковского, стать правее 3-го батальона, а трем ротам 2-го батальона*, под командою майора Кольчевского, расположиться в общем полковом резерве.

Батальоны вологодцев двинулись вперед; пройдя колодцы, поднялись на скат возвышенности и, свернув с дороги вправо, вступили в лес. По выходе из леса пред нами открылась обширная лощина, покрытая виноградниками, кукурузой и изредка ореховыми, тутовыми деревьями. Местность эта была занята Архангелогородским полком, построенным поротно в две линии; вправо от дороги, шедшей из Бресляницы в Плевну,— стоял один батальон; правее его — 1-я и 2-я батареи; правее артиллерии — остальные два батальона.

Дальше, вправо, волнообразная местность прорезывалась глубокими балками, крутые склоны которых были покрыты густым колючим кустарником. Эту местность занял Вологодский полк, расположась на позиции следующим образом: правее архангелогородцев построились поротно в две линии 3-й и 1-й батальоны; 3-я и 1-я стрелковые роты были рассыпаны по гребню возвышенности, имея в каждой роте одну полуроту в цепи, а другую — в резерве. Линейные роты расположились за скатом, укрытом от неприятеля. Три роты 2-го батальона составляли полковой резерв.

Во время занятия позиции нашим полком турки производили только артиллерийскую пальбу; но вскоре затем поднялась ружейная перестрелка, кото-

* 6-я линейная и 2-я стрелковая роты были в прикрытии обоза и перевязочного пункта.

План боя Вологодского и Архангелогородского полков
под Плевною 7 и 8 июля 1877 г.

рая становилась все сильнее и сильнее; гремела орудийная канонада; убитые и раненые стали появляться все чаще и чаще.

Увидев на гребне, возле стрелявшей цепи, командира 1-й стрелковой роты, капитана Давыдова*, я тоже взобрался к нему, и пред моими глазами открылась следующая картина: склон нашей возвышенности, обращенной к стороне неприятеля, постепенно понижался, был покрыт высокою кукурузою, а несколько правее — пшеницею, которая была наполовину сжата и собрана в копны.

В самой низкой точке ложбины протекал ручей**, на котором находилась небольшая водяная мельница. За ручьем, параллельно нашему фронту, снова начинались высоты, с более крутым подъемом и террасообразными уступами, покрытыми виноградниками и колючим кустарником; эти уступы и кустарники были заняты густыми цепями турок. Прямо перед нашей позицией, по скату занятой неприятелем возвышенности, пролегала дорога, шедшая из Никополя через Бресляницу в Плевну. Влево от дороги шли виноградники, а еще левее — виднелись очертания бруствера батареи, откуда часто показывались клубы белого дыма, вслед за которыми падали гранаты в место расположения нашего полка. Как заметно было, левый турецкий фланг был гораздо длиннее нашего фланга и даже несколько охватывал нас.

В 6 часов вечера неприятельская цепь, имея сзади сомкнутые поддержки, начала подаваться вперед, охватывая наш правый фланг, вследствие чего командующий полком, майор Залетин, приказал удлинить цепь, выдвинув полуроту 3-й стрелковой роты вправо.

В это же время с высоты, лежащей правее и сзади нашего фланга, открылась ружейная пальба; оказа-

* Был смертельно равен 30 августа, командуя стрелковыми ротами, при атаке Гривицкого редута.

** Ручей Буковлек.

Подпоручик Яндовский.
Убит под Плевной 8 июля 1877 г.

лось, что там находится 9-й Донской полк, прибывший из села Рыбно; одна полусотня казачьего полка была спешена и открыла огонь по наступающему неприятелю.

Турки приостановили свое наступление и вскоре у них раздались сигналы на рожках, после чего резервы и цепь отошли на прежнюю позицию. После отступления неприятельской цепи нам было приказано перестать стрелять и не отвечать на огонь турок. Приказание это последовало от бригадного командира, генерал-майора Кнорринга, и имело целью сбережение патронов: огонь прекратился, и по всей боевой линии нашего отряда водворилась полнейшая тишина. Жутко было лежать под градом пуль, не смея отвечать неприятелю и тем, хотя немного, успокаивать возбужденное состояние духа.

В 8 часов сделалось уже темно; огонь турок, постепенно затихая, прекратился по всей линии, и только изредка еще долго раздавались одиночные выстрелы с того ската лощины, по которой уже тянулись облака ночного тумана. Сумерки быстро сменились ночью, холодною, туманною и обильною росою.

Солдатам было приказано переодеться в шинели и ложиться спать, оставаясь в том боевом порядке, в каком находились. Впереди цепи положены секреты, а в каждом звене и в частях, находившихся в резерве, были поставлены часовые.

К довершению всех этих невзгод, присоединилась еще другая беда — сильнейшая жажда; воды же ни у кого не было, так как темной ночью и по незнакомой местности колодцы найти было трудно, а из впереди протекающего ручья нельзя было брать воду, потому что турки стреляли в каждого, пробиравшегося к ручью.

Придя проверить часового у знамени, я нашел там знаменщика — фельдфебеля Козюлина и ассистента — унтер-офицера Бушенова; здесь также приютилась группа санитаров-носильщиков. Дав указания знаменщику и ассистенту на случай могущей быть ночной тревоги, я хотел было уходить, но они, заметя меня в одной рубахе, отдали мне полотнища от переносной походной палатки, которыми я и укутался, как бы пледом, санитары же предложили лечь спать на носилки; но при взгляде на их холст, покрытый кровавыми пятнами, я невольно содрогнулся и не захотел лечь, а пошел искать кап. Давыдова. Молчалив был бивак. Все стихло. Люди спокойно лежали, отдыхая от трудного перехода и только что затихнувшего боя.

Ивана Николаевича Давыдова я нашел на месте расположения цепи; он сидел со своим субалтерн-офицером, подпоручиком Яндовским, и оба горевали, что хочется пить, а воды достать нигде нельзя. Но так как помочь горю было нечем, то и решили лечь

спать. Разостлав с Яндовским на влажной земле одно полотнище от палатки и, улегшись рядом, мы накрылись остальными.

Ложась спать, не думали мы, что одному из нас суждено быть убитым, а другому тяжело раненным.

Спустя некоторое время, нас разбудил унтер-офицер 1-й стрелковой роты Кириченко, предлагая напиться воды; оказалось, что охотникам-стрелкам удалось незаметно пробраться к ручью и почти из-под носа турок уйти целыми и невредимыми.

VII

Атака Плевны 8 июля.—Отступление к деревне Бреслянице

Проснулся я часа в три утра. На востоке только загорались первые лучи восходящего солнца. Весь полк был уже на ногах; глухой говор и шум стоял над биваком. Солдаты целыми группами, на коленях, оборотясь лицом к восходящему светилу, крестились и усердно клали земные поклоны. Все были серьезны и в каком-то тревожном, напряженном состоянии ожидали приказа двинуться вперед. Вскоре нам объявили диспозицию; она была коротка: полк должен взять впереди лежащую неприятельскую позицию и затем занять Плевну.

Без четверти в пять часов утра грянул с нашей стороны первый орудийный выстрел — и «первая Плевна»[72] наступила!..

Войска отряда для атаки были расположены в следующем порядке: на правом фланге — 1-й и 3-й батальоны Вологодского полка, поротно, в две линии, имея стрелковые роты в цепи. Три роты 2-го батальона — в полковом резерве. В центре — два батальона Архангелогородского полка, левее их — 1-я и 2-я батареи 5-й артиллерийской бригады и, наконец,

Давыдов 2-й.
Убит под Плевной 30 августа 1877 г.

в прикрытии к ним, на левом фланге, 3-й батальон того же полка; все три батальона стали поротно, в две линии, но полкового резерва не имели. Донской № 9 полк находился на крайнем правом фланге.

Огонь артиллерия открыла сперва по турецкой батарее, находившейся в центре, а потом и по другой батарее, стрелявшей по нашим войскам почти продольно.

Канонада длилась $^3/_4$ часа, и в $5^1/_2$ часов приказано было двинуться вперед. Как было сказано выше, наше расположение отделялось от турок глубокой лощиной, противоположный скат которой, поросший кустарником, был занят неприятельскими стрелками.

По сигналу «наступление» стрелковые роты вологодцев спустились с гребня высоты и начали перебежками подаваться вперед.

Штабс-капитан Домонтович.
Умер от раны, полученной под Плевной 8 июля 1877 г.

Турки открыли по наступавшим ротам самый бешеный огонь; мы были буквально засыпаны градом пуль и гранат. Звуки выстрелов не отделялись один от другого, а сливались в один непрерывный рев. Такого свинцового урагана мне никогда более не приходилось слышать.

При остановках вологодцы мало занимались стрельбою, а отдохнув, с новыми силами бросались вперед. После каждой остановки немало мы оставляли лежащих распростертыми на земле тех, которым не суждено было подняться. Перебежав ручей, мы выбили турок из первой их стрелковой позиции и, не давая им опомниться, полезли вверх по скату лощины. Очистив кустарники, вологодцы с громким «ура» бросились в штыки на сомкнутые части неприятеля. Удар был так дружен и стремителен, что турки быстро очистили позицию и отступили назад.

Отбросив левый фланг неприятеля, мы заняли гребень высоты. Правый фланг цепи нашего полка находился на дороге, шедшей из Бресляницы в Плевну. Перестрелка, то затихая, то усиливаясь, продолжалась все время; только левее нас, не умолкая, грохотала и гудела ружейная и орудийная пальба.

Отдохнув и несколько собравшись с силами, я с частью цепи перевалил за гребень высоты; там перед нами открылась обширная долина, на дне которой протекал ручей; долина была ограждена со всех сторон высотами, бока которых круто спускались к ручью. Около полуверсты вправо виднелся город с красными черепичными крышами и мечетями, с белыми высокими минаретами, отчетливо рисовавшимися на голубом южном небе. С востока, по правому берегу ручья, шла в город шоссированная дорога. Видно было, как из города уходили жители, таща за собою навьюченных ослов, лошадей и повозки. Видневшийся город был Плевна.

Местность, окружавшая Плевну, представляла отличную позицию для действия артиллерийским и ружейным огнем; кроме того, она служила как бы естественным бруствером, за которым можно совершенно скрытно держать свои резервы и передвигать их в любом направлении.

В то время как я рассматривал город и окружавшую местность, к нам прибежал солдат и сказал, что его послал капитан Давыдов известить меня, что турки собираются атаковать нашу позицию. Не теряя времени, мы бросились бегом назад и, пробежав шагов 300, присоединились к своей цепи.

Расположение наше было следующее: крайний правый фланг Вологодского полка находился на дороге, шедшей из Бресляницы в Плевну.

Дорога была окопана канавами в полроста человека; по правую сторону ее была небольшая роща, а по левую — виноградники и ореховые деревья; дорога, перевалив за гребень, направлялась к городу.

Штабс-капитан Самсонов-Двойников.
Умер от раны, полученной под Плевной 8 июля 1877 г.

Только что мы успели присоединиться к цепи, несколько прийти в порядок и устроиться, как слева, а затем и впереди нас начался грохот перестрелки; зачастили орудийные выстрелы, за виноградниками раздались резкие звуки турецкого рожка и вдруг, в 200 шагах от нас, появилась густая неприятельская цепь. Вся местность была буквально покрыта красными фесками, словно луг, усеянный красными маковыми цветами.

В момент появления их я успел сделать залп и затем приказал открыть учащенный огонь. Хорошо направленный залп заставил турок приостановиться. Оправившись, они зачастили ружейную пальбу и с криком «алла» устремились на нашу цепь, но, понеся громадную потерю от нашего огня, были отброшены назад. Отбитые турки усилили свою цепь и придви-

Подпоручик Федотов.
Убит под Плевной 8 июля 1877 г.

нули резерв; затем завизжали рожки и турки вновь двинулись в атаку,— огонь усилился до высшей степени. Под напором неприятеля правый фланг наш принужден был отступить назад, за небольшой скат дороги. Турки, ободренные успехом, наскакивали на отступавшую нашу цепь и на расстоянии 15 шагов противники расстреливали друг друга в упор.

Выстрелы, свист пуль, крики и стоны раненых слились и смешались в общий гул...

В эту критическую минуту я и подпоручик Сафонов крикнули «ура»; все солдаты дружно подхватили его и без выстрела стремительно ударили в штыки. Турки были мгновенно опрокинуты и отброшены от канавы шагов на 200, и наша цепь снова заняла свое прежнее место.

3-й батальон вологодцев наступал уступом слева, причем головные роты, ударив на неприятеля и отбросив его влево, двинулись вслед за ним.

Во время этой атаки особенно отличился командующий 10-ю ротою, поручик Хорошенко, который под страшным ружейным и артиллерийским огнем, идя впереди роты, вел людей в замечательном порядке, ободряя их шуткой: «Равняйсь, ребята, смелее иди! Два дня не обедали, так пойдем в Плевну хлеба добывать!». Затем, с частью людей 10-й и 3-й стрелковых рот, бросился на неприятельскую батарею, которая была прикрыта бруствером с наружным рвом, захватил два орудия; причем, сев на одно из них верхом, сказал: «Это мое!». Другое орудие солдаты опрокинули в ров. Турки, устроившись, массой атаковали батарею и почти всех наших храбрецов уничтожили. Поручик Хорошенко погиб смертью героя: он был изрублен на пушке.

Головные роты 3-го батальона, увлекшись в преследовании неприятеля, подались вслед за отступавшими влево, вследствие чего, между флангами 3-го и 1-го батальонов, образовался довольно значительный, не прикрытый цепью, промежуток. Следовавшая во 2-й линии 9-я рота, под командою штабс-капитана Дашкевича, подымаясь по скату возвышенности, наступала вперед. Только что перевалила она за гребень и вступила в виноградники, как столкнулась лицом к лицу с неприятелем. Штабс-капитан Дашкевич, успев только крикнуть: «В штыки!», был ранен пулею в ногу, и командование ротой принял подпоручик Федотов. Подпоручик Федотов, выйдя перед ротой, крикнул: «Вперед, ребята, наша берет!», повел людей в штыки. Во время этой штыковой свалки фланговой рядовой Тарасов нанес такой удар столкнувшемуся с ним турку, что сломал свой штык. Рота, выбив турок из виноградника, погнала их дальше; но затем, наткнувшись на массу неприятеля, попала под его перекрестный огонь и, потеряв убитым подпоручика

Федотова, раненого прапорщика Потапова и половину своего состава: убитыми 62 человека и ранеными 16 человек, принуждена была остановиться.

Было около девяти часов утра. В воздухе становилось все жарче и жарче. Густой, белой пеленой пороховой дым застилал всю местность, клубами подымаясь все выше и выше и, наконец, исчезал в прозрачной синеве южного неба.

Бой на правом фланге вологодцев был в самом разгаре. Турки несколько раз возобновляли свои атаки на канаву дороги, но всякий раз были отражаемы.

Немало пролито было крови и немало человеческих жизней принесено было в жертву. Масса раненых и убитых устилала поле сражения. Кругом раздавались стоны раненых и лежали кучами убитые с бледными, искривленными лицами. Вся окрестность грохотала от беспрерывного ружейного и орудийного огня. Помощи же нам не предвиделось, резерва сзади не было. Невольно думалось, что придется нам лечь костьми на этой горе и что эта канава будет нам всем общей могилой.

В это время, сзади и вправо от нашего фланга, послышалась орудийная и ружейная пальба; потом оказалось, что это 4-я батарея и 2-я стрелковая рота* штабс-капитана Осипова открыли огонь против турок, обходивших наш правый фланг.

В то время когда я ходил по канаве и руководил огнем, вдруг почувствовал страшный удар в бок; мне показалось, что бок вырвали раскаленными щипцами; затем я упал в канаву и потерял сознание. Очнувшись, я увидел себя лежащим на дне канавы; надо мной на коленях стояли солдатики и что-то причитывали, а кругом все по-прежнему гремела пальба, слышались: бой барабана, звуки рожка, крики «ура» и «алла», стоны, вопли!.. Наконец, дали мне напиться, облили голову водой и затем, кое-как, вытащили из канавы за небольшой скат дороги. Много усилий

* Была вызвана из прикрытия перевязочного пункта.

Прапорщик Власьев,
исп. должность полкового адъютанта

и самоотвержения выказали солдатики, спасая меня почти от верной смерти. При этом два из них были опасно ранены в голову, а третий — в плечо, навылет*. Наконец, кое-как остальным: 1-й стрелковой роты Берлатовичу, Скачкову, 4-й роты Денисенке удалось вынести из места свалки и дотащить до ручья. Только что перешли ручей, как вдруг послышался шипящий свист, и вслед за тем я почувствовал боль в правом плече и теплоту текущей крови; пуля, ударив в плечо, прошла навылет под ключицей.

У ручья встретили начальника штаба, полковника Попова. Расспросив, куда я ранен и где находится

* Один из раненых в голову был рядовой 4-й роты Мишенков. Все они, за исключением неизвестно куда убывшего Скачкова, по возвращении моем в полк по моему ходатайству получили Георгиевские кресты.

1-й батальон Вологодского полка, полковник Попов поехал дальше.

Так как почти все находившиеся в ротах санитары-носильщики* были ранены или убиты и других средств для переноски раненых не было, то после сделанной мне фельдшером перевязки солдатики, натянув на два ружья холстину от переносной палатки и положив меня на эти носилки, кое-как дотащили до дороги, где, наконец, встретили обозную телегу, на которой и привезли до перевязочного пункта.

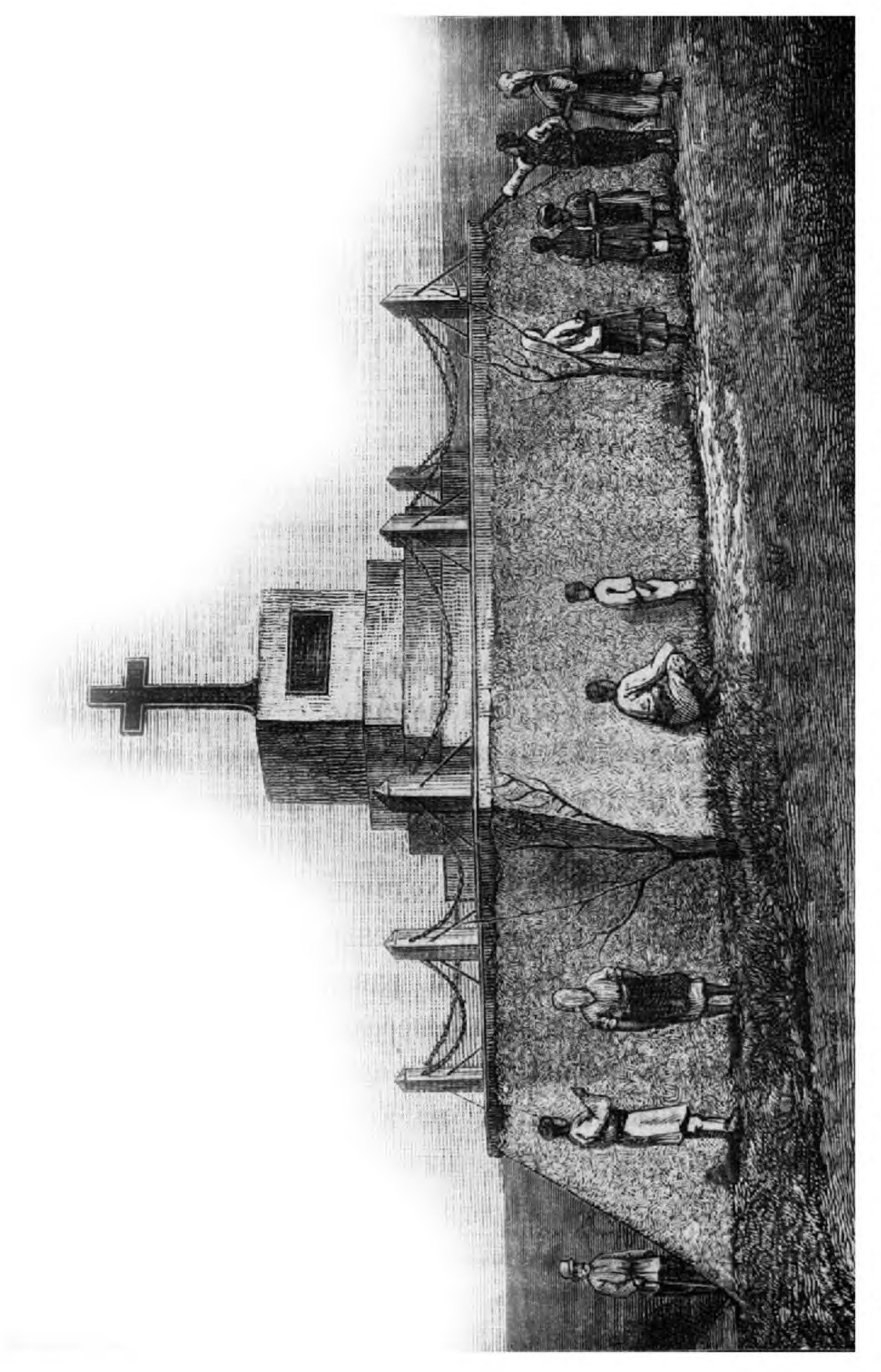
Дальнейшие действия полка я передаю со слов очевидцев и участников в этом деле.

Во время обхода турками нашего правого фланга со стороны деревни Буковец роты 2-го батальона, под начальством майора Кольчевского, двинулись на неприятеля, выбили его из Буковца и отбросили за гребень возвышенности к Плевне.

В $9^1/_2$ часов утра со стороны Гривицы получено было первое сведение, что командир Костромского полка убит, боевые припасы истощились и полк, подавляемый массой неприятеля, вынужден начать отступление. Тогда генерал-лейтенант Шильдер-Шульднер послал начальника штаба, полковника Попова, посмотреть и донести ему, в каком положении находится дело на выдавшемся вперед правом фланге. Полковник Попов донес, что дальнейшее наступление невозможно, вследствие громадной убыли людей и особенно офицеров, из которых уже две трети выбыло из строя; кроме того, командир Архангелогородского полка, полковник Розенбаум, убит, командир 1-й бригады, генерал-майор Кнорринг, ранен, а подкрепляемый все более и более свежими частями неприятель начинает теснить наши войска. Все это заставило генерала Шильдера-Шульднера, в половине двенадцатого часа, отдать приказание вступившему в командование бригадой генерал-майору Похитонову отступить на позицию, которую занимали 7 июля.

---

* В каждой роте находилось четыре санитара-носильщика.

Братская могила офицеров и нижних чинов 18-го пех. Вологодского полка, павших под Плевной 7 и 8 июля 1877 г.

Положение отступающих частей было поистине критическое. Остатки расстреливаемых рот, измученных усталостью, зноем и жаждой, собирались к уцелевшим офицерам и, бросаясь в штыки или же действуя огнем, отходили назад, оставляя за собой кровавый путь и устилая поле битвы телами убитых и раненых. Последние приподымались, снова падали, испуская стоны; но атаки турок до того были стремительны, что их не успевали подбирать, и все они погибли мученической смертью. Неприятельская цепь с черкесами и башибузукамн, следуя по пятам отступавших вологодцев, захватывала раненых и здесь же на глазах всех резала, добивала и предавала другим истязаниям. Во время этого отступления погибли смертью героев: майор Юрковский, раненный в ноги, был захвачен турками и изрублен на глазах отступавших; прапорщик Горский был окружен неприятелем и, отбиваясь саблей, изрубил трех врагов, но, получив рану в ногу, упал и был заколот штыками; возле пор. Коведяева разорвалась граната и своими осколками оторвала ему голову.

Вологодский полк, отступив, занял гребень высоты, которую он занимал 7 июля. При всем численном превосходстве своем, турки не решились атаковать нашу позицию и, заняв высоты, которые они занимали 7 июля и утром 8-го, расположились в кустарниках на склоне лощины, поддерживая дальний ружейный и артиллерийский огонь.

На случай возобновления боя и новой атаки уцелевшие начальники вологодцев приложили немало трудов и усилий, чтобы привести в порядок перемешавшиеся между собою роты полка и сформировать слабые остатки батальонов.

В это время получилось известие, что со стороны Никополя идет 20-й пехотный Галицкий полк с двумя 4-фунтовыми батареями[73]. Тогда генерал Шильдер-Шульднер приказал выбрать в тылу позицию и рас-

положить на ней Галицкий полк, а частям 1-й бригады отступить назад.

Генерал Похитонов, оставив на позиции сборный батальон Вологодского полка, под командою командующего полком, майора Залетина, и под прикрытием вологодцев постепенно отвел артиллерию, а затем и пехотные части.

Около пяти часов пополудни 9-й казачий полк, получив приказание прикрыть дальнейшее отступление, незаметно для неприятеля отошел в ближайшую балку. Неприятельская конница бросилась преследовать отступавших, но была атакована казаками и опрокинута, оставив на месте до двадцати убитых. После этого к 6 часам вечера бой прекратился; все смолкло, и Вологодский полк, в составе 1-й бригады 5-й пех. дивизии, с Галицким пехотным и 9-м Донским полками, расположился на ночлег у Бресляницы.

Потери, понесенные полком в бою 7 и 8 июля, были весьма значительны; убиты: майор Юрковский, поручики: Хорошенко, Коведяев, подпоручик Федотов и прапорщик Горский; умерли от ран в лазарете: штабс-капитаны: Домонтович, Самсонов-Двойников, подпоручик Яндовский; ранены: майор Стешин, капитан Рогальский, штабс-капитаны: Дашкевич, Сливинский; поручики: Бачевский, Светюха; подпоручики: Вершковский, Потапов, Николай Неговский и Ткачук. Итого, в полку убыло: убитыми — офицеров 8, нижних чинов 489; ранеными — офицеров 10, нижних чинов 174. Всего 18 офицеров и 663 нижних чинов*.

Описание этого боя можно заключить такими словами: «Вечная память павшим в неравном бою! Оставшиеся же в живых вынесли сознание, что поддержали славу своих знамен!».

---

*Недешево обошелся и неприятелю одержанный им успех: по собственному его сознанию, он потерял около 4000 человек убитыми и ранеными.

При выступлении из Чернигова состав офицеров полка был следующий:

Командир полка — барон Соловьев, полковой адъютант — подпоручик Федоров, жалонерный офицер — поручик Светюха.

Командир 1-го батальона — подполковник Тиханов, батальонный адъютант — подпоручик Бачевский.

1-й роты: командир — капитан Кольчевский; субалтерн-офицеры: подпоручик Яблонский, прапорщики: Москальцев, Пеленкин, Турский и Молчановский.

2-й роты: командир — штабс-капитан Баньковский; субалтерн-офицеры: прапорщики — Мулюха 1-й, Вершковский и Бобырь.

3-й роты: командир — штабс-капитан Войдок; субалтерн-офицеры: прапорщики — Овсеенко и Неговский 2-й.

4-й роты: командир — капитан Плюшкевич; субалтерн-офицеры: прапорщики — Статкевич и Абышев.

Командир 2-го батальона — майор Логвинов, батальонный адъютант-подпоручик Ляшенко.

5-й роты: командир — штабс-капитан Чут; субалтерн-офицеры: прапорщики — Сафонов и Андреевский.

6-й роты: командир — капитан Стешин; субалтерн-офицеры: поручик Луганинов, прапорщики — Давыдов, Бобенко 1-й и Белослюдов.

7-й роты: командующий — поручик Самсонов-Двойников; субалтерн-офицеры: подпоручик Коведяев, прапорщики: Бобенко 2-й и Рубец.

8-й роты: командир — капитан Рогальский; субалтерн-офицеры: прапорщики — Шумский-Каверников, Ткачук и Холмский.

Командир 3-го батальона — майор Залетин, батальонный адъютант-подпоручик Стржалковский.

9-й роты: командир — штабс-капитан Дашкевич; субалтерн-офицеры: подпоручик Федотов и прапорщик Потапов.

10-й роты: командир — капитан Бертман; субалтерн-офицеры: прапорщики: Неговский 1-й и Горский.

11-й роты: командир — штабс-капитан Сливинский; субалтерн-офицеры: поручик Хорошенко и прапорщик Куприевич.

12-й роты: командир — штабс-капитан Домантович; субалтерн-офицеры: прапорщики — Мулюха 2-й и Левицкий.

1-й стрелковой роты: командир — штабс-капитан Давыдов; субалтерн-офицеры: прапорщики — Греков, Яндовский и Гриценко.

2-й стрелковой роты: командующий — поручик Осипов; субалтерн-офицеры: поручик Симоновский и прапорщик Понаженко.

3-й стрелковой роты: командир — капитан Нинек; субалтерн-офицеры: прапорщики — Маковейский, Власов 1-й и Власов 2-й.

Заведующий хозяйством — майор Кайрович, командир нестроевой роты — штабс-капитан Колотушкин, квартирмейстер — штабс-капитан Шандыбин, казначей — подпоручик Коган, заведующий оружием — поручик Сапожников, делопроизводитель — подпоручик Саватнев. Доктора: старший врач Вещицкий и младшие: Макаревский, Шклявер, и классный фельдшер Качурин.

Еще в первые дни мобилизации состоялся приказ о назначении офицеров и нижних чинов для образования кадра 18-го запасного батальона. От полка и были назначены: майор Яременко — командиром батальона, штабс-капитаны: Пиотровский и Ямчицкий — командирами рот, поручик Соколов — казначеем и подпоручик Рейхард — батальонным адъютантом. Штабс-капитан Филиппов был назначен смотрителем дивизионного лазарета и прапорщик Михайлов — комиссаром временного военного госпиталя.

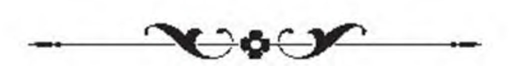
В конце февраля состоялось производство по линии по штату военного времени, вследствие которого почти две трети офицеров полка получили следующие чины: капитаны Кольчевский и Стешин произведены в майоры, причем первый назначен командующим 2-м батальоном; кроме того, из Галицкого полка переведен майор Юрковский и назначен младшим штаб-офицером в 1-м батальоне.

М. Н. МАЗЮКЕВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ
о 1876–1878 годах

ВОСПОМИНАНИЯ о 1876—1878 гг.

В 1876 году, в ноябре месяце, при формировании полевых управлений армии, предназначенной для действий в Европейской Турции, я был назначен в распоряжение начальника инженеров действующей армии. На эту должность был избран генерал-майор Депп[74].

Такое назначение немало удивило всех знавших этого сравнительно молодого и неопытного генерала. Предшествовавшая служба выдвинула его не вследствие выдающихся способностей, а умением обращать на себя внимание начальства; а это умение, при некоторой протекции, почти всегда приносит больше пользы, чем действительные качества. В практике мирного времени Депп не уклонялся от существующих положений, постановлений и т. п.; но когда требовались действия решительные, самостоятельные, когда приходилось брать на себя всю ответственность и принимать решения, законом не указанные, для этого у него не было гражданского мужества, столь же необходимого, как и личная храбрость.

Как на старшего из числа инженерных офицеров, назначенных в действующую армию из Петербурга по отъезде Деппа в Варшаву сдавать должность, на меня легли некоторые его обязанности.

Едва сформировался полевой штаб, как к начальнику штаба генералу Непокойчицкому[75] и к его помощнику генералу Левицкому[76] стали являться разные прожектёры со своими более или менее курьезными предложениями.

Один из любителей, например, явился предложить раздвижную лестницу, возимую одною лошадью; в раздвинутом виде лестница могла держаться вертикально, без всяких подпор, а в случае надобности ее можно держать, тоже без подпор, и в наклонном положении, под любым углом к горизонту. Изобретатель находил, что его лестница может служить для обозрения местности, заменяя обсерваторию; служить для перехода через рвы и еще для многих других целей; главная же из них состояла в получении весьма крупной привилегии. Генерал Непокойчицкий лично поручил мне подробно ознакомиться с этим предложением и доложить ему мое о ней мнение. Предложение это было отклонено.

Несколько раз меня приглашал к себе также генерал Левицкий, которому должно было объяснять устройства различных подводных мин, принятых у нас, а также и у иностранцев.

В 2 часа пополудни 19 ноября 1876 г. поезд Николаевской железной дороги тронулся из Петербурга, увозя главнокомандующего Дунайской действующей армией, великого князя Николая Николаевича[77], с его штабом и чинами полевых управлений.

В самом начале турецкой кампании предстояло исполнить две весьма трудные операции: переправы через Прут и Дунай*.

---

*О трудности переправ вот как говорил Наполеон I: De toutes les opérations de la guerre, il n'en est aucune de plus hasardeuse et de plus difficile que celle d'un passage de fleuve considérable. En songeant à tout ce qu'il faut de soins, de précautions, de matériaux pour une telle opération, au concours de circonstances nécessaires

Переправа через Прут не представляла больших затруднений, как вследствие незначительной ширины реки и по имению в Галаце в достаточном количестве всякого рода материалов для устройства мостов, так и потому еще, что можно было рассчитывать не встретить сопротивления со стороны Румынии. Но следовало предвидеть, что переправа через Дунай будет совершаться при условиях совершенно противоположных. Быстрое течение и значительная ширина реки, которая почти на всем своем протяжении течет по нескольким рукавам, образуя много больших и малых островов, уже представляли большие затруднения. Недостаток и даже почти полное отсутствие материалов, потребных для мостов, вынуждали заготовление их в дальних местностях и, потом, доставку материалов к месту, избранному для переправы. Все это можно было исполнить, приступив к делу заблаговременно. Наконец, не подлежало сомнению, что турки окажут энергичное сопротивление нашему предприятию.

На приготовление заблаговременно всего необходимого для мостов нельзя было решиться потому, что Молдаво-Валахия[78] находилась в вассальных отношениях к Турции и, по уверению румын, была переполнена турецкими шпионами; это обстоятельство, можно думать, не дозволяло румынскому правительству дать согласие на то, чтобы заготовленные материалы были доставлены в Румынию еще до объявления войны. Действительно, пока война не была объявлена,

---

pour la faire réussir, aux inconvénients que le moindre dérangement de la part de l'ennemi peut occasionner, on est surpris qu'elle réussisse jamais. (Из всех военных операций, нет более опасной и трудной, чем переправа через большую реку. Необходимо продумывать все, что вам нужно: от необходимых мер предосторожности и материалов для осуществления этой операции до совпадения необходимых обстоятельств, чтобы добиться успеха, до отрицательных моментов, подобных малейшим передвижениям частей врага, осуществление которых нельзя допустить). *(Пер. с фр. изд-ва).*

румынское правительство поступало очень осторожно, давало уклончивые ответы; и во всех действиях, как правительства, так и всего общества страны, нельзя было видеть сочувствия к надвигающейся войне с Турцией.

Предстоящие переправы видимо озабочивали нашего главнокомандующего. Думаю так потому, что во время пути, при одной продолжительной остановке поезда, его высочество, выйдя на платформу, подозвал меня и расспрашивал, не известны ли мне какие-либо подробности о переправах и мостах на Дунае во время кампаний 1828—1829 гг. и 1853—1854 гг.[79]

Я доложил все, что мне было известно, и какие сведения взяты из архива Главного инженерного управления.

«Как только приедем в Кишинев, надо немедленно собрать сведения о Дунае, о средствах края и составить соображение об устройстве мостов»,— приказал его высочество.

Это приказание, своевременно, я доложил начальнику инженеров.

Я знал, что после кампании 1828—1829 гг. император Николай Павлович назначил комиссию под председательством генерала Шуберта[80], возложив на нее составление подробного описания княжеств Молдавии и Валахии. Труд этой комиссии состоит из двух больших рукописных томов, в которых имеются вполне обстоятельные сведения: топографические, климатические, статистические, геологические и этнографические. Описание пояснено планами, чертежами, картами и даже рисунками типов и костюмов местного населения.

Состоя для поручений при начальнике инженеров, в течение некоторого времени по прибытии в Кишинев, я не имел никакого назначения или поручения. Свободного времени было много. Чтобы занять себя, я обратился в топографический отдел полевого штаба. Рассматривая, что́ содержалось в этом отделе, я на-

пал на подлинные рукописные тома генерала Шуберта. Заведующий отделом, полковник Абламьевский[81], согласился дать их мне на квартиру, и я усердно принялся возобновлять в памяти то, что было раньше известно, и знакомиться с тем, что было для меня ново. В 1876 г. труд генерала Шуберта хотя и можно было считать устаревшим, но топографический отдел его, конечно, сохранил все свои достоинства.

Время, употребленное на прочтение большей части сборника генерала Шуберта, не считаю потерянным, потому что почерпнутые из него сведения не раз оказывались весьма полезными.

Генерал Шуберт исследовал Дунай на всем протяжении от Орсова до Черного моря. В описании Дуная указаны: скорость течения и ширина реки в разных пунктах; острова Дуная; места, наиболее удобные для переправ; топография прилежащих частей левого берега реки; судоходство по ней и т. п.

Впоследствии мне довелось побывать на многих из описанных пунктов. Нельзя было не обратить внимания на точность и подробности описания, сделанного генералом Шубертом.

Позволяю себе сделать указание на одно сведение, данное Шубертом, хотя и не имеющее отношения к занимавшему нас вопросу, но не лишенное некоторого интереса. В расстоянии около 120 верст от Бухареста по железной дороге в Крайово, у подножия отрогов Карпатских гор, лежит небольшой город Питешты. Генерал Шуберт указывает, что окрестности этого городка изобилуют минеральными богатствами, особенно ртутью; эти богатства до сего времени остаются никем не разрабатываемыми. Мне случилось побывать в этих местах. Действительно, нельзя было не обратить внимания на болезненный вид местных жителей и на их черные шатающиеся зубы. От этих же жителей я слышал, что даже в воде, зачерпываемой со дна колодцев, нередко встречаются крупинки ртути.

Спустя некоторое время по прибытии в Кишинев, начальник инженеров поручил мне составить проект плотового моста[82], определить количество потребных для него материалов и указать, какие материалы могут быть приобретены на месте, т. е. в Румынии, и какие необходимо доставить из России. Но при этом не были указаны ни ширина реки, ни место, где предположено устроить мост. Это поручение было исполнено и представлено начальнику инженеров.

Тем временем два инженерных офицера были посланы на р. Прут для осмотра местности, где предполагались переправы: у Фольчи, Леово и у Рени.

Когда, согласно составленному проекту плотового моста, определилось количество потребных для него материалов, последовало такое распоряжение: два флотских офицера (Дубасов и, кажется, Рагуля[83]) были посланы в Одессу, Николаев и Севастополь заказывать металлические принадлежности для моста, и два инженерных офицера (Кирпичев и Битнер[84]) отправлены в Румынию для отыскания места и способа заготовления бревен, досок и других строительных материалов. Якоря и цепи для них, если не все, то все-таки в большом количестве, стали доставлять даже из Кронштадта.

Нужно заметить, что решение приобрести в Румынии бревна, в очень большом количестве, не имело основания. Вероятно, генералу Деппу не было известно, что, приготовляясь к кампании 1853 г., плотовой мост для Дуная был заготовлен в Николаеве и, в разобранном виде, на морских судах, доставлен в Измаил, принадлежавший тогда России. В 1876 г. мы не владели ни одним клочком левого берега Дуная, по которому к тому же свободно плавала довольно многочисленная турецкая флотилия, состоявшая из военных пароходов, мониторов и плавучих батарей. С другой стороны, было достоверно известно, что в Румынии, за исключением разве Галаца, лесных складов нигде нет; рассчитывать же на те бревна, которые к весне

будут вырублены в горах, на северной границе Румынии, было весьма неосторожно, что потом и оправдалось на деле. Как бы то ни было, но вышеописанное решение было принято.

В начале декабря я получил приказание в определенный день и час быть у начальника штаба генерала Непокойчицкого для участия в обсуждении какого-то проекта, предлагаемого капитаном 1-го ранга Новосильцевым[85].

Для уничтожения турецкой флотилии, безнаказанно плававшей по Дунаю, Новосильский предлагал купить пароход, покрыть его стены сплошным рядом толстых якорных цепей, с целью заменить ими броню и затем пуститься громить турецкие мониторы и канонерские лодки[86] с помощью поставленных на пароходе орудий и каких-то других разрушительных снарядов. К этому проекту, совершенно американского пошиба, все присутствовавшие отнеслись с явным недоверием, и цепной броненосец канул в Лету.

Спустя немного времени меня пригласил к себе генерал Левицкий. Я застал его углубленным в рассматривание карты, разложенной на большом столе. После обыкновенных приветствий Левицкий сказал, что он сообщит мне большой секрет, и потребовал, чтобы я дал ему честное слово никому не сообщать того, что́ я от него узнаю. После такого торжественного вступления Левицкий сообщил, что для разработки плана кампании необходимо иметь самые подробные сведения о местных средствах для переправ, о Дунае, о лежащих на нем крепостях и проч., что он, т. е. Левицкий, и начальник штаба возлагают на меня собирание необходимых сведений, с уверенностью, что я, сознавая всю важность поручения, исполню его хорошо. Я просил, чтобы Левицкий, хотя приблизительно, указал, на какие именно места следует обратить главное внимание. Тогда он назвал течение р. Аржиш и левый берег Дуная от Журжи до Калараша[87]. Так как с указанными Левицким местами я успел уже

ознакомиться по сборнику Шуберта и по изучению войны 1828—1829 гг., то я счел нужным сообщить то, что мне было известно.

— Вы разве уже были на Дунае? — спросил Левицкий.

— Нет, не был.

— Каким же путем вы узнали такие подробности?

Я рассказал о сборнике Шуберта.

— А-а-а! — протянул мой вопроситель.

По совету Левицкого мне следовало ехать под вымышленным именем, соблюдать строгое инкогнито и избегать сношений даже с русскими офицерами, если таковых встречу; здесь под словами «избегать сношений» следовало разуметь «не сообщать, по какому поручению» я командирован в Румынию.

Свидание кончилось новым требованием сохранять тайну и советом взять переводчика из Кишинева, так как на румын полагаться нельзя.

Весь следующий день ушел на сборы. Нужно было получить заграничный паспорт, деньги, приискать переводчика, обзавестись штатским платьем. И так как поезд в Унгены отходил из Кишинева только раз в день около 7 часов утра, то пришлось еще одну ночь провести в Кишиневе.

Рекомендованный мне переводчик, здоровенный детина, вершков 9 ростом[88], оказался хуже малого ребенка и скорее вредным, нежели полезным человеком.

Торопясь на поезд, я забыл вложить в ручной чемодан конверт, в котором были разные заметки, адреса, кроки и т. п. Чемодан был уже на извозчике, когда я увидел конверт, оставленный на столе. Карманы пальто были наполнены папиросами, сигарами, спичками и т. п. предметами; поэтому я отдал конверт переводчику, сказав, чтобы он хорошенько его спрятал, не потерял и что я конверт возьму обратно, когда приедем в Унгены, где придется ожидать отправления поезда в Яссы. В Унгены, однако, нас до-

ставили, когда румынский поезд уже ушел. Нужно было найти извозчика, который довез бы нас до Ясс, откуда мы могли бы отправиться далее на следующее утро. Приехав в Яссы уже поздно ночью, я торопился поужинать (проголодав весь день) и лечь спать; о злосчастном же конверте забыл и вспомнил о нем, только приехав в Бухарест. Тут оказалось следующее: мой 9-вершковый детина нарядился в огромную волчью шубу и был похож скорее на белого медведя, нежели на человека, и поэтому в вагоне обращал на себя всеобщее внимание. На него смотрели как на чудовище, а он вообразил, что в нем видят подозрительного человека, имеющего в кармане важные бумаги. На пути во время остановок я встречал его и заметил, что детина дрожит.

— Неужели, спрашиваю, вы озябли в такой шубе?

— Нет-с, но мне что-то нездоровится.

После же он признался, что дрожал от страха быть схваченным, и, чтобы уменьшить свою ответственность, он, незаметно для других, выбросил конверт за окно вагона. Ну, подумал я, хорош великан. Тотчас же рассчитал его и предоставил убираться куда ему вздумается.

Отделавшись от геркулеса, я отправился к нашему генеральному консулу, барону Стуарту. От него узнал, где жили мои знакомые Г. И. Бобриков и П. Д. Паренсов[89], уже некоторое время находившиеся в Бухаресте. Эта встреча была для меня полезна, потому что они могли дать совет, где и как найти надежного переводчика и проводника, знающего край и имеющего в нем знакомых, от которых можно бы было получить какие-либо сведения. Секретничать с Бобриковым или Паренсовым было лишнее и не имело смысла.

П. Д. Паренсов в тот же день познакомил меня с г. Евлогио Георгиевым, очень богатым болгарином, кажется, банкиром, живущим в Бухаресте. Евлогио вел обширную хлебную торговлю и поэтому во всех

главных торговых городах румынского берега Дуная имел агентов. Он охотно снабдил меня запискою к одному из своих агентов (в Ольтенице) и поручил ему оказывать мне всякое содействие, в котором я буду иметь надобность.

На следующий же день утром я отправился в Ольтеницу[90]. Осмотрев, что нужно, и получив от ольтеницкого агента записки к его собратьям в Журже и в Калараше, я отправился сперва в Журжу, оттуда в Бухарест и далее в Калараш.

Агенты Евлогио были чрезвычайно для меня полезны. Подолгу проживая на одном и том же месте, они хорошо знали край и давали мне такие подробные сведения, каких я не мог бы получить от местных жителей крестьян, через переводчика. Для поездок по окрестностям, даже на довольно большие расстояния, эти агенты доставляли мне верховых лошадей или повозки, и если не могли сами сопровождать меня, то посылали со мной своих служащих, расторопных и сведущих людей.

От Бухареста до Будешти я проехал левым берегом р. Дембовицы, а далее до Ольтеницы левым же берегом Аржиша[91]. Во время кампании 1828—1829 гг. р. Аржиш служила местом заготовления всех средств для переправы через Дунай*. Но в 1876 г. на берегах Аржиша не было даже признаков, что там строят лодки или занимаются лесной торговлей.

Агенты Евлогио объяснили мне, что греки, турецкие подданные, в руках которых с 1856 г. находится все каботажное судоходство на Дунае, перебрались на правый его берег; там имеют свои пристани для зимовки судов и на левом берегу появляются только грузить товары, для которых они зафрахтованы. Действительно, у всех мало-мальски значительных турецких городов зимовало довольно много барж, буксирных пароходов и больших лодок; у левого

---

*Жизнь и служба генерал-адъютанта К. А. Шильдера//Инженерный журнал.1875 и 1876 гг.

же берега подобная флотилия находилась только у Галаца или, вернее, в устьях Прута и Серета[92]. Отсутствие на Аржише строения лодок объясняли тем, что судовладельцы предпочитают перевозить грузы на больших баржах и судах, которые на малых речках строить нельзя. В этом заключались все добытые мною сведения о тех перевозочных средствах, которые можно рассчитывать найти на Дунае. Все они находились у турецкого берега, а на левом встречались лишь случайно. И так как следовало думать, что турки заберут своевременно в свои руки все пригодное для плавания по реке, то на местные средства нельзя было рассчитывать.

В течение многократных войн с Турциею почти все крепости на берегу Дуная подвергались атакам наших войск и, взглянув на любую из них, рождаются воспоминания о боях, происходивших под стенами этих твердынь.

Окрестности Рущука[93], с 1773 г., много раз обагрялись русской кровью. Одна осада этой крепости в 1810 г. (гр. Каменский[94]) стоила огромных потерь в людях, а бой под стенами Рущука, в июне 1811 г. (кн. Кутузов[95]) был сопряжен еще с бо́льшими жертвами. Почти перед самым Рущуком лежит остров Макан, имевший выдающееся значение в начале войны 1853 г. (в последних числах октября).

С левого берега было видно, что в Рущуке производят работы. Между крепостью и фортами беспрерывно двигались подводы и довольно значительные толпы людей; нередко проходили и небольшие войсковые команды, легко распознаваемые по блеску штыков. Рущук представлялся грозною крепостью.

Совершенно иное впечатление производил вид Туртукая[96]. Тут видна запустелость: обвалившиеся валы небольшой крепости и отсутствие движения. Только изредка протащится арба да пройдет пешеход; кругом скучная ровная местность. Но и эта скромная крепостца играла немаловажную роль в на-

ших войнах с Турциею. Не говоря о действиях против нее Суворова (1773 г.) и генерала Засса (1810 г.)[97], в кампанию 1853 г. против Туртукая, на левом берегу, у укрепленного турками каменного карантина, произошло жаркое дело, кончившееся неудачно, потому что, когда турки под натиском наших двух пехотных полков начали было переправляться обратно в Туртукай, а наши пошли в атаку, генерал Даненберг приказал прекратить штурм и отойти назад[98].

Впереди карантина, лежащего на самом берегу реки, еще были видны следы турецких укреплений, а на могиле, где погребены павшие под Ольтеницею (около 240 чел. офицеров и нижних чинов), по подписке офицеров поставлен мраморный памятник.

Силистрия[99] имела такой же грозный вид, как и Рущук, но движение вокруг крепости было значительно меньше. Впрочем, по свойству местности и расположению укреплений, осмотр Силистрии с левого берега реки был гораздо труднее, особенно при небольшой вьюге, бывшей в те два дня, в течение которых я находился в Калараше.

То, что можно было заключить о Рущуке, Туртукае и Силистрии по обзору их с левого берега, подтверждали и агенты Евлогио, знавшие многие подробности от местных жителей, бывающих в названных крепостях по своим торговым делам.

Уже при отъезде из Калараша я заехал на русское кладбище взглянуть на этот, так сказать, мертвый русский город. Достаточно припомнить, что русские войска шесть раз осаждали Силистрию*, чтобы представить себе, какое пространство занимает место вечного упокоения наших воинов. Грустное зрелище представляет это кладбище: небольшие, почти сравнявшиеся с горизонтом, холмики могил покрывают всю местность; кое-где наклонившиеся, сгнившие могильные кресты да несколько надгробных камней и памятников. Вот и все, что осталось от десятков

* В 1775, 1809, 1810, 1828, 1829 и 1854 гг.

тысяч героев, участвовавших в шести осадах Силистрии.

Все добытые мною сведения, по возвращении в Кишинев, были доложены генералу Левицкому и Деппу.

На обратном пути я встретил на станции Унгены генерала Рауха[100] и полковника Струкова[101], присланных главнокомандующим для встречи дон Карлоса[102], бессменного претендента на испанский престол.

Дон Карлос должен был прибыть из Бухареста с экстренным поездом. Генерал Раух предложил мне, чтобы не ожидать целый день поезда, идущего по расписанию, ехать на экстренном, приготовленном для дон Карлоса.

На следующий день войска, расположенные в Кишиневе, были вызваны по тревоге и прошли церемониальным маршем перед дон Карлосом. По случаю нездоровья великого князя войска представлял генерал Непокойчицкий.

Наступил 1877 г., а вместе с ним и тяжелое для нас положение. Его высочество главнокомандующий тяжко занемог. Пользовать его прибыли доктора Боткин и Пирогов[103].

В полевом штабе, вероятно, шла деятельная работа; но таких распоряжений, которые служили бы предвестником скорого выступления в поход, не было.

В международной политике, должно быть, происходили какие-то колебания. Один день по Кишиневу разносилась весть, что на днях война будет объявлена; на другой — проносился слух, что на днях пойдем по домам.

Кишинев, переполненный наехавшим людом, между тем веселился: балы, собрания в семействах, театр сменялись одно другим; в посетителях и в желающих убить время недостатка не было. Но, кто не принимал участия в разных развлечениях, тому приходилось жутко.

Выходя из квартиры в хорошую погоду, как говорится, пошляться, почти каждый раз я встречал ге-

нерала А. К. Рихтера[104], с которым был знаком раньше, и от него иногда узнавал более или менее важные новости, впрочем, часто неверные.

Так тоскливо и однообразно тянулось время до апреля месяца.

Несколько раньше, когда уже настала весна и его высочество настолько поправился, что мог выезжать, был назначен смотр кавалерийским офицерам и нижним чинам, обученным телеграфному делу и подрывным работам. Местом смотра была избрана железнодорожная станция в Кишиневе.

Полевой интендант пожелал к этому смотру приурочить показ доставленных для действующей армии рутьеров[105].

Погода была прекрасная, и присутствовать на смотру съехалось множество генералов и лиц в меньших чинах.

Кавалеристы разрушали и восстанавливали телеграфную линию; подвязывали динамитные патроны к рельсам и другим предметам. Потом все присутствовавшие отправились смотреть рутьеры. Из их труб дым валил столбом. Когда подошел главнокомандующий, последовало приказание, чтобы рутьеры показали свою прыткость. Они начали пыхтеть и сопеть, но с места не могли сдвинуться; напрягали они свои усилия несколько раз, но постоянно получался тот же результат.

Кто-то из присутствующих довольно громко заметил, что этот опыт поведет к новому изданию словаря Рейфа[106], так как слово routière надо переводить «турусы на колесах».

Какой-то грек, живший в Скулянах[107], явился с предложением, что он устроит на Пруте, у Скулян, мост для переправы войск, и просил, чтобы за это ему пожаловали орден. Генерал Депп поручил мне поехать в Скуляны удостовериться, можно ли положиться на такое предложение. В Скулянах стоял Лубенский гусарский полк и штаб 2-й бригады 8-й

кавалерийской дивизии. Я поехал туда с командиром названного полка полковником Бороздиным[108]. По случаю позднего приезда осмотр материалов для предложенного греком моста был отложен до следующего утра.

На обеде у полковника Бороздина был командир 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии генерал-майор Леонов[109] и несколько офицеров Лубенского гусарского полка.

За обедом, естественно, разговор шел о том, что быть или не быть войне. Потом речь коснулась и обоза, который должен был тянуться за войсками.

Зная о цели моей командировки и решив, что завтра рано утром мы все трое поедем проверять предложение грека, Леонов обратился ко мне шутя:

— Но, пожалуйста, полковник, пусть он нам устроит такой мост, на котором, по переходе полков, обоз провалился бы и мы избавились бы от него.

Грек предъявил нам две-три небольшие лодки и несколько жердей, которыми хотел заменить бревна; так как эти средства не соответствовали цели, то являлось подозрение, что грек имел какие-то, никому не известные цели, может быть, даже задержать переправу, хотя бы на короткое время.

Однако моя поездка в Скуляны не осталась без результата. Там нашлось два довольно больших парома и несколько лодок, могущих поднимать 10—15 человек каждая. Те и другие могли служить хорошими плавучими устоями для моста, и если бы нельзя было получить бревен и досок, то для замены их можно было бы разобрать две-три нежилые постройки. Об этой находке я сообщил Деппу.

На другой день по возвращении из Скулян меня потребовал к себе генерал Непокойчицкий. От него я узнал, что его высочество избрал меня для командировки в Румынию к князю Карлу[110], в распоряжении которого я должен был оставаться до особого приказания. Мне также поручено было доставить кня-

зю Карлу письмо от главнокомандующего, которым извещалось о присылке румынскому правительству безвозмездно: 20 осадных орудий со снарядами и порохом, несколько сотен лошадей для артиллерийских запряжек и для кавалерии и несколько десятков тысяч ружей с патронами. Последующие распоряжения князя Карла позволяют мне полагать, что в письме к князю было сказано, что его высочество посылает лично ему известного инженерного штаб-офицера, содействие которого, при укреплении разных пунктов, будет полезно, или что-нибудь в этом роде.

3 апреля я выехал из Кишинева. Поезд и в этот раз подошел к ст. Унгены, когда румынский паровоз уже пыхтел, увозя пустые вагоны. В одинаковом со мною положении оказались два молодых путейца. Одного из них, Глазенапа, я немного знал, встречая в Кишиневе. Стоя на платформе, мы рассуждали о способе добыть извозчика, который доставил бы нас в Яссы в тот же день. Мимо нас несколько раз прошел какой-то прилично одетый господин. Вероятно, слышав наш разговор об извозчике, господин решительно подошел к нам.

— Вы, господа, кажется, желаете ехать в Яссы. Для меня скоро прибудет экстренный поезд, и я могу довезти вас без всяких хлопот.

— Очень вам благодарны, но мы не можем взять на себя трех четвертей платы за экстренный поезд,— был ответ.

— О, нет, вам ничего платить не придется.

— А на таком условии мы ехать с вами не желаем.

— Да что вы, господа; ведь я еду не один; со мной более 30 человек моих служащих, в поезде будет три вагона, и если и вы поедете, то для меня это не составит никакого расхода.

После непродолжительного торга условились, что мы заплатим по тарифу, за три места в вагоне 1-го класса.

Поезд был подан, обязательный господин усадил нас в отделение, которое сам занимал, и мы поехали. После короткого, ничего не значащего разговора, господин сказал многозначительно:

— Ну, гашпада[111], скоро будет война.

Мы недоумевали: откуда такое пророчество.

— Конечно,— был ответ,— война по всему вероятию будет, но скоро или не скоро, это едва ли кому известно.

— Говорю вам, что скоро.

Для доказательства, что для него не может быть тайн, он отрекомендовался, что состоит ни более ни менее как поверенным у Когана, Горвица[112] и прочих товарищей; что он едет в Румынию заготовить к 10 апреля продовольствие и фураж для наших войск, на пунктах, поименованных в списке, который он и показал нам, вынув этот список из кармана своего сюртука.

Потом обязательный господин просил нас остановиться в одной с ним гостинице и пожаловать к нему на чай. Но умысел другой тут был. Не успели выпить по стакану чая, как хозяин попросил нас показать на карте те пункты, которые были назначены в упомянутом выше списке. Оказалось, что «гашпадин» карту хотя и имел, но совершенно ее не понимал.

Я прибыл в Бухарест 5 апреля, а письмо главнокомандующего было вручено князю Карлу генеральным консулом 6-го. В тот же день вечером я был приглашен в отдельную комнату (в Grand Hôtel de Boulevard, где я жил) на свидание с румынским военным министром генералом Чернатом[113] и с полковником Черкесом, командовавшим бригадою пехоты, находившеюся в Калафате. В то время румыны укрепляли Калафат[114], и Чернат просил меня отправиться туда немедленно, на следующее же утро с полковником Черкесом для осмотра калафатских укреплений.

— Il faut vous prévenir, mon colonel,— сказал полковник Черкес,— que notre pays est plein d'espions

turcs; поэтому, во время пути по железной дороге, до Крайово, прошу вас, не показывайте и вида, что мы знакомы, autrement nous aurons de très mauvaises conséquences*.

Часов в 7 утра 7 апреля, по железной дороге выехали в Крайово. Во все время пути я не подходил к Черкесу, хотя и нужно было узнать от него, куда мне направиться по прибытии в Крайово до отъезда в Калафат. Едва остановился поезд, мой Черкес быстро выбежал на крыльцо, сел в экипаж и исчез, а я остался на крыльце, не зная, куда должно отправиться, чтобы продолжать путь. Вокруг меня народ суетился, таща узлы и чемоданы; обратиться за справками было не к кому. С отчаяния я сел в извозчичий экипаж и крикнул «La Hotelu». Извозчик привез меня, изнемогающего от голода, в какую-то румынскую харчевню. Мои сведения в румынском языке были очень ограниченные, я знал: dracu — черт, drum — дорога, birja — извозчик, nu sti — не понимаю и еще два-три слова в том же роде. С помощью этого немногочисленного словаря и следуя примеру лейтенанта Балтазара Балтазаровича Жевакина[115], легко разговаривавшего с итальянцами, я тщетно пытался объяснить хозяину харчевни, что хочу есть, и только при посредстве случайного посетителя получил в ответ, что все давно съедено и раньше 8 часов вечера ничего получить нельзя.

Зная, что до Калафата предстояло ехать в почтовой карете, я снова взобрался на извозчика и крикнул: «La posta», т. е. на почту.

Приехал. Вхожу в контору и спрашиваю билет на проезд до Калафата. Директор почты, к счастью го-

---

* *— Надо предупредить Вас, мой полковник,—* сказал полковник Черкес,— *что наша страна полна турецких шпионов*; поэтому во время пути по железной дороге, до Крайово, прошу Вас не показывать и вида, что мы знакомы, *в противном случае мы будем иметь очень плохие последствия. (Пер. с фр. изд-ва).*

воривший по-французски, ответил, что сегодня в Калафат карета не пойдет.

— А мне достоверно известно, что пойдет,— сказал я.

— Да, но поедет одно высокопоставленное лицо и посторонних пассажиров брать не приказано.

— Дайте мне место хотя на козлах; ваше высокопоставленное лицо ничего против этого иметь не будет.

— Не могу.

О, dracu, подумал я и уселся на стоявшую в конторе скамью, положив рядом мой ручной чемодан. Буду ждать.

Через несколько минут директор снова появился и, подойдя ко мне, заявил:

— Милостивый государь, здесь помещается правительственное учреждение и посторонние лица здесь оставаться не могут; да и напрасно ожидаете — высокопоставленное лицо не возьмет вас с собою.

Очевидно, директор видел во мне турецкого шпиона.

Посылаю ему в уме второго dracu, беру свой чемодан и выхожу на крыльцо, думая, что здесь меня не будут тревожить.

По улице шла рота румынских солдат: на ногах кожаные лапти[116], на головах огромные, бараньего меха шапки; за кокарды заткнуты индюшечьи перья. Рота остановилась на улице и составила ружья, а капитан, с кустообразными усами, вошел в почтовую контору.

Мучимый голодом, я продолжал сидеть на крыльце, посылая Черкесу тысячу проклятий.

Спустя немного времени появился усатый капитан с папиросою величиною в сосиску, какие бывают только в Вюрцбурге[117]. Он уселся против меня и внимательно рассматривал. Я заподозрил, что капитан прислан директором на рекогносцировку.

— Monsieur est en voyage? — спросил меня капитан*.

Получив утвердительный ответ, капитан осведомился, куда и зачем я еду. Тогда для развлечения я стал выдавать себя за виноторговца, желающего завести обширную торговлю румынскими, сербскими и турецкими винами. Капитан недоверчиво слушал мой рассказ.

— А вы, капитан, куда идете, на войну? Ведь, говорят, Румыния объявляет войну Турции?

— Ah! Il faut que nous nous battions avec ces cochons de Turcs. On verra, parbleu, quelle fameuse raclée nous leur allongerons.

— Bigre, comme vous y allez, capitaine,— заметил я.

— Ah, oui, ils seront joliment battus**, продолжал капитан, выпуская из ноздрей и рта тучи табачного дыма и стараясь изобразить из себя отчаянного рубаку.

После этого, взглянув на меня довольно пренебрежительно, он ушел, а вместо него появился директор, который стал доказывать, что не может дозволить мне оставаться даже и на крыльце правительственного учреждения.

На мое счастье, в это время во двор въехал экипаж с двумя румынскими молодыми офицерами; они были одеты в мундиры коричневого цвета, по покрою похожие на наши прежние уланские мундиры. После я узнал, что это были артиллеристы. Я направился к ним,

---

* Месье путешествует? — спросил меня капитан. *(Пер. с фр. изд-ва).*

** — А вы, капитан, куда идете, на войну? Ведь говорят, Румыния объявляет войну Турции?

— Ах! Надо сразиться с этими турецкими выродками. Пусть увидят, ей-богу, какой оглушительный разгром мы им нанесем.

— Чёрт возьми, как видно вы туда идете, капитан,— заметил я.

— Ах, да, они будут красиво разбиты,— продолжал капитан, выпуская из ноздрей и рта тучи табачного дыма и стараясь изобразить из себя отчаянного рубаку. *(Пер. с фр. изд-ва).*

дал свою карточку, рассказал о вежливости г. Черкеса и попросил указать мне, где можно отыскать в данное время это высокопоставленное лицо. Офицеры оказались очень приличными молодыми людьми: они уступили мне своего извозчика и объяснили, куда он должен меня доставить. Проехав через весь почти город, извозчик остановился у квартиры Черкеса. Долго пришлось звонить, пока появилась служанка. Я дал ей мою карточку для вручения domnu colonelu[118]. Этот domnu оказался невежею большой руки: он выслал свою служанку сказать, что он обедает. Я почти силою вошел в комнату. На шум моих шагов Черкес вышел в залу и был принужден выслушать, что я удивлен его поведением относительно меня; что вместо Калафата я поеду в Бухарест и напишу нашему главнокомандующему, как румыны обходятся с посылаемыми им офицерами. Черкес стал извиняться и вручил мне свою карточку для почтового директора; на ней было написано что-то по-румынски.

Возвратясь на почту, почти с торжествующим видом я отдал директору карточку Черкеса и мою; получил билет и, узнав, что почтовая карета отправится в 7 часов вечера, уселся опять на крыльце. До отъезда оставалось еще два часа.

Сидя на крыльце, я услышал поспешные шаги в прихожей, которая была за моею спиной; было понятно, что идет какая-то суматоха; ходили от одной двери к другой, слышался и шелест женского шелкового платья. Dracu*,— подумал я,— а поесть в течение целого дня все-таки не удалось. Я был голоден, как говорится, à manger de la terre**.

Ходьба по прихожей прекратилась и появился на крыльце директор с предложением войти в его квартиру, прибавив, что там мне будет удобнее. Я охотно согласился, рассчитывая, что предложат хотя рюмку вина. Вошли.

* Дьявол *(Пер. с рум. изд-ва).*
** что готов съесть землю. *(Пер. с фр. изд-ва).*

Не успел я поблагодарить за приглашение, как из другой двери вошла принаряженная cocônâ — супруга директора. Ну, думаю, вино наверное предложат. Почти в одно мгновение с этой мыслью в дверях появилась служанка с подносом, на котором стоял стакан со свежею водой, а на блюдечке ложечка варенья: румынское неизбежное угощение во всякое время дня и ночи.

Мой желудок был так пуст, что я был рад хотя что-нибудь вложить в него. Вскоре опять появилась служанка, опять с подносом, но на нем стояла уже не вода с вареньем, а маленькая чашка с cofea turcësca. Хотя ни тем, ни другим нельзя было насытиться, но все же немного лучше, чем ничего.

Наконец, настал час отъезда. Простясь с директором и его развязной супругой, я отправился. По дороге карета остановилась, чтобы взять высокопоставленного Черкеса. Он извинялся, что по случаю множества дел по приготовлению к военному походу несколько запоздал. Я по возможности отмалчивался и, утомленный бестолково проведенным днем, а особенно голодом, скоро заснул. В Калафат мы приехали около трех часов ночи. Черкес вышел из кареты и стал со мной прощаться.

— Нет, позвольте, полковник, не хотите ли вы опять оставить меня среди улицы? Вы прежде пошлите кого знаете указать мне гостиницу, где я мог бы переночевать и поужинать; а затем следует условиться, что́ мы будем осматривать утром, и также распорядитесь, чтобы в известное время для меня была верховая лошадь. Извините, полковник, но так делается всюду и всюду иностранцам оказывается должное внимание. Я к вам приехал не по собственному желанию, а по распоряжению великого князя Николая и по просьбе вашего князя Карла и потому имею право требовать внимательного ко мне отношения.

— Ah, pardon mon colonel, mais c'est que j'ai énormément sommeil

— Mais moi, je vous prie d'abord faire ce que je demande et vous dormirez après.

— Ah, oui monsieur le colonel, à l'instant. Petrescu!* — позвал он какого-то dracu и заговорил с ним по-румынски.

Поехали. Мы с Petrescu побывали в трех калафатских гостиницах и ни в одной не нашли свободной комнаты. Petrescu стоял предо мной, разинув рот и опустив руки, недоумевая, что делать дальше. Нужно было так или иначе покончить с этим глупым положением. Глядя пристально на Petrescu, я с криком обругал его по-русски и показал несколько франков.

— Sti**,— сказал Petrescu, приподнял шапку, посадил меня в карету и повез в какой-то частный дом, где и поместили меня в вышке, с окнами на все четыре стороны.

Опрятная постель стояла в углу этого фонаря, который следовало принять за комнату; но я хотел больше есть, нежели спать. Вступил в переговоры со служанкой; сказал ей все румынские слова, какие только знал, дополняя их жестами и мимикой, из которых всякий, кроме румына и особенно румынки, понял бы, что я хочу есть. Но на всю мою гимнастику глупая румынка отвечала: Nu sti***.

— Dracu,— крикнул я на румынку во все горло,— cafea turcésca.

Румынка опрометью скатилась с лестницы и немного спустя принесла чашку кофе по-турецки. Я снова попытался объяснить, что хочу есть; даже на-

---

* — Ах, простите, мой полковник, но я страшно хочу спать.

— Но я, я прошу вас сначала сделать то, о чем я прошу, а потом пойти спать.

— Ах, да, господин полковник, сей момент. Петреску! — позвал он какого-то черта и заговорил с ним по-румынски. *(Пер. с фр. изд-ва).*

** Знаю. *(Пер. с рум. изд-ва).*

*** Не знаю. *(Пер. с рум. изд-ва).*

рисовал, на клочке бумаги, булку, курицу, свинью и барана; но кроме nu sti ничего не добился. Пришлось снова закричать cafea turcésca. Таким образом я выпил 3—4 чашки кофе и лег спать.

8 (20) апреля румыны празднуют день ли рождения князя Карла или другой национальный праздник, не знаю; но 8 апреля в Калафате по случаю этого торжества был церковный парад; поэтому осмотр укреплений был отложен до окончания парада. Дом, в котором меня поместили, находился очень недалеко от церкви. Я покойно, все еще голодный, пил кофе по-турецки, когда румынские войска под музыку проходили в церковь. Потому ли, что я был очень озлоблен на высокопоставленного Черкеса, или потому, что я все еще был голоден, но, видя через окно, как проходила armata rumanésca[119]*, я принял ее за карабинеров из оперетки «Les Brigands»[120], которые по несчастному случаю приходили куда нужно «toujours trop tard»**.

После парада Черкес пригласил меня к завтраку, и уже затем мы отправились осматривать укрепления. Завтрак был румынский, т. е. было много овощей и очень мало вкуса. Пока пришло время завтрака у Черкеса и поездки на укрепления, с высокого берега Калафата я рассматривал Виддин, эту девственницу турецких крепостей[121], и лагерь расположенных вокруг нее войск Османа-паши[122]; численность их, судя по видимому числу палаток, могла простираться до 30—35 тысяч. О румынских укреплениях трудно сказать что-либо определенное: все было сделано по правилам фортификации, но при весьма слабом применении к местности; был, например, пороховой погреб, вход в который обращен почти в поле, и т. п.

Вечером того же дня я уехал обратно в Крайово и около полудня 9 апреля был уже в Бухаресте.

---

* румынская армия. *(Пер. с рум. изд-ва).*

** Всегда слишком поздно. *(Пер. с фр. изд-ва).*

О моем возвращении было, вероятно, известно в тот же день, потому что утром 10-го числа я уже получил приглашение от двора князя Карла, быть у Maria-sa* в 1 час пополудни 11 апреля.

К князю Карлу следовало явиться во фраке, белом галстуке и со складной шляпой[123]. Покупать все эти вещи, впоследствии мне совершенно ненужные, было нерасчетливо; поэтому у барона Стуарта после обеда началась пригонка штатского обмундирования. Фрак пришелся с секретаря Казаринова, жилет с самого Стуарта, сорочка с вычурною грудью с Паренсова, складная шляпа с путейского инженера Измайлова; белый галстук и перчатки приобретены покупкою. Таким образом я был снаряжен.

11-го числа, выбритый и припомаженный, минут за 10 до назначенного времени, я подъехал к крыльцу княжеского дворца. Лакей, принявший от меня пальто и карточку, просил войти в комнату дежурного при князе адъютанта. Немедленно появились чашки кофе и папиросы. Разговаривая, адъютант поминутно посматривал на часы, потом расшаркался, извинился и исчез. Он скоро вернулся и пригласил пожаловать в кабинет князя. Я поднимался в бельэтаж по широкой лестнице, покрытой красным ковром; на каждой площадке и у дверей кабинета стояли лакеи. Я очутился в большой, довольно вычурно обставленной комнате; пока я рассматривал ее, часы, стоявшие на камине, пробили 1 час, и в тот же момент противоположная дверь распахнулась и вошел небольшого роста, худощавый брюнет, с тщательно причесанной бородой: это был румынский князь Карл.

Князь Карл чрезвычайно вежлив и обходителен. Войдя в кабинет, он подошел ко мне, подал руку и пригласил к столу, на котором была разложена карта; он пожелал узнать мое мнение о калафатских укреплениях. Я не счел уместным говорить о замеченных недостатках, впрочем, не очень больших; а только

* Grandeur.

предложил поставить еще небольшую батарею, место для которой и указал на карте. Князь на это согласился.

Затем зашла речь о возможности перехода турок из Виддина на левый берег. На это я доложил, что ежели войска его высочества будут находиться только за калафатскими укреплениями, то турки, беспрепятственно перейдя на левый берег, выше или ниже Калафата, обложат его; для отражения же отряда, который будет послан на выручку гарнизона, турки выставят заслон, и тогда может получиться весьма неблагоприятный результат. У деревни Четати течение Дуная, сделав крутой поворот на юго-запад и описав почти правильный полукруг, снова принимает направление на восток, к Рахову. Почти в центре этого полукруга лежит село Пояна. От этого селения до Четати и до того места, где Дунай снова поворачивает на восток, а равно и до прочих пунктов Дуная, лежащих на вышеописанном полукруге, почти одинаковое расстояние, и Пояна, следовательно, находится в центре его. Это расстояние составляет около 12—15 верст. Поэтому, продолжал я докладывать князю, не благоугодно ли его высочеству одобрить такой план обороны: оставя в Калафате лишь крайне необходимое количество войск, остальную и наибольшую часть гарнизона, с несколькими полевыми орудиями, поставить у с. Пояны и наблюдать за Дунаем ниже Калафата деятельными кавалерийскими разъездами; для наблюдения же за рекой выше Четати держать там 1—2 роты, взвод кавалерии, для разъездов, и 2 полевых орудия. При таком расположении и хорошей службе, внезапный переход турок на левый берег будет невозможен; во всяком же случае он не совершится, не встречая сопротивления. Если бы турки решились переправляться выше Калафата, то к ротам, находящимся в Четати, можно будет прибавить, сколько потребуется, из Калафата.

Разделяя это мнение, князь сказал, что передаст его своему военному министру. На этом кончилась моя аудиенция.

Нужно, впрочем, заметить, что румыны не могли безотлагательно приступить к исполнению какого бы то ни было предположения об обороне Калафата, потому что там не было достаточного количества войск. Еще 8-го и 9-го числа туда тянулись роты отдельными колоннами. В числе их, надо полагать, был и мой знакомый усатый капитан с огромными папиросами, о котором я уже вспоминал.

Утром 12 апреля в Бухаресте была получена телеграмма с известием, что война Турции объявлена. Эта весть моментально облетела весь город. Толпы любопытных наполняли улицу перед домом нашего генерального консульства. После полудня получилось новое известие, что наши войска перешли границу и вступили в пределы Румынии. Масса всякого люда толпилась на улицах, постоянно увеличиваясь, а около нашего консульства с трудом можно было пробраться сквозь толпу. Всюду на всякие лады повторялось слово «resbelu», т. е. война.

Известие об объявлении войны было только неожиданностью; но когда узнали, что в тот же день наши войска уже перешли границу, то все были поражены такою быстротой, так как в Румынии никому не была известна степень готовности нашей армии к началу кампании.

Надо признаться, что в то время положение Румынии было не из приятных.

Участие Румынии для нас нужно было для того, чтобы она, до прибытия наших войск к Дунаю, не дозволила туркам перейти на левый берег и завладеть или разрушить железную дорогу от Рени до Браилова и чтобы турки не утвердились, по примеру прошлых войн, в некоторых важных пунктах (Рени, Браилов, Калараш, Ольтеница, Журжа и нек. др.) на левом берегу. Решась на это, Румыния стано-

вилась во враждебные отношения к своему сюзерену и, конечно, опасалась, что в случае неудачной для нас войны ей придется рассчитываться с Турцией самостоятельно и дорого заплатить за оказанную нам поддержку. Поэтому румынское правительство тянуло переговоры о соглашении и ничего не делало для подготовки своих войск к военным действиям. Вместо того, чтобы, по объявлении войны, занять своими войсками линию железной дороги от Рени до Браилова и другие пункты, румыны возложили это на свою пограничную стражу; послать же им необходимое подкрепление они не могли, так как не было готовых, т. е. мобилизованных войск.

Однажды, когда я находился в служебном кабинете бар. Стуарта, из соседней комнаты до меня доходил разговор его с министром Братиано[124] по поводу заключения конвенции. Этот разговор можно резюмировать так: Братиано говорил, что в случае удачной войны Румыния много выиграла бы, но что заключить конвенцию мешает и то, и другое, и третье. Барон отвечал, что опасения румын не имеют достаточного основания, и всегда кончал свою речь, указывая на стоявшие бочонки с пятью миллионами золотой монеты, приговаривая: вашему правительству нужны деньги? Подписывайте конвенцию и берите вот эти пять миллионов. В таких и подобных разговорах проходило много дней, и когда, наконец, дело уладилось, то наши передовые войска уже находились на Дунае от Турну-Магурели и до Рени, румыны же потянулись воевать на пространстве к западу от р. Ольта.

Румыны почему-то были уверены, что турки вторгнутся в Румынию и разнесут ее вдребезги. Поэтому, со дня объявления войны, жители Бухареста все более и более поддавались страху, который наконец превратился в панику. По всем улицам тащились повозки, нагруженные разным домашним скарбом; женщины и дети в различных экипажах стремились за нагруженными повозками куда-то за город.

С самого дня выступления наших войск в поход настала ужасная погода; безостановочный дождь со снегом, сильный порывистый ветер и холод не прекращались. Это в значительной степени задерживало переправы через Прут и движение войск к Дунаю.

Румыны все еще ни на что не решались, так что его высочество главнокомандующий счел нужным 15 апреля послать к князю Карлу своего адъютанта капитана В. В. Попова за окончательным ответом — присоединятся ли к нам румыны или нет.

Князь Карл ограничивался неопределенными и уклончивыми ответами.

Поэтому 17-го числа Попов уехал очень недовольный, что не мог исполнить воли его высочества. Я попросил Попова доставить г. Левицкому и Д. А. Скалону[125] составленные мною заметки о Виддине и об армии Османа-паши, уже находившейся там. Эти сведения я получил тоже от агентов Евлогио Георгиева.

В тот же день, 17 апреля, меня вторично пригласил к себе князь Карл. После обыкновенного приветствия он не удержался и выразил мне свое неудовольствие, что его не предупредили о дне, когда решено было объявить войну. Потом князь указал некоторые изменения, которые он сделал в доложенном мною, шесть дней тому назад, предположении об обороне Калафата. Затем предложил мне, совместно с румынскими офицерами, осмотреть с южной стороны окрестности Бухареста и составить предположение об обороне румынской столицы на случай набега башибузуков и черкес.

Осмотр окрестностей румынской столицы начался на следующий же день. В этом принимали участие, со стороны румын, капитан Боронеску (инженер) и майор Басараб (артиллерист). Так как опасность, угрожавшая Бухаресту, могла последовать или очень скоро, в течение 2—3 дней, или никогда, то поэтому было предположено неотлагательно, на всех главных путях, ведущих к столице с юга, поставить соот-

ветствующей силы отряды пехоты с артиллерией и устроить для них траншеи и эполементы[126]; по всем же прочим путям высылать только кавалерийские разъезды.

Но имевшиеся для сего средства заключались только в орудиях, хранившихся в арсенале; ни войск для обороны, ни шанцевого инструмента для работ не было. Привлечение же к саперным работам городских и окрестных жителей было признано румынскими властями совершенно невозможным, потому что один слух об укреплении Бухареста мог распространить страх; все жители моментально бросились бы вон из города и всякого рода беспорядкам не было бы конца. Таким образом, желание защищать столицу от покушений башибузуков приняло какое-то опереточное окончание.

Между тем, несмотря на задержку перехода через Прут, войска наши двигались вперед.

Вначале, вследствие непонятной щепетильности, румынское правительство не соглашалось, чтобы русские полки проходили через Бухарест. Для полков, прибывающих по железной дороге, это было чрезвычайно неудобно. Переходя с одной дороги на другую, следуя по улицам города, требовалось проходить 3—$3^1/_2$ версты, а обходя же город, приходилось делать верст 10. Таким образом обходили Бухарест ахтырские гусары, имея во главе командира полка и его супругу, ехавшую на коне в амазонке коричневого цвета и в лифе, сшитом по образцу мундира Ахтырского полка. Само собою разумеется, что любопытных посмотреть наших гусар собралось на окраине города очень много.

Не удовлетворясь уклончивым ответом князя Карла, главнокомандующий 20-го числа вторично прислал к нему своего адъютанта капитана Попова. В этот раз Попову, при содействии полковника Бобрикова, кажется, удалось добиться исполнения требования его высочества.

Переход через Прут предположили совершить у Скулян, Унген, Леово и Рени. У Рени переправа была устроена подполковником Клименко, и весь 11-й корпус, утром 14 апреля, перешел уже на правый берег Прута без всякой задержки.

Переправу у Леово Депп поручил своему близкому родственнику (дяде или племяннику), капитану Галлеру, молодому и не довольно решительному офицеру.

У Леово левый берег реки очень пологий и при незначительном даже повышении горизонта воды река разливается на большое пространство. Припомним, что с 12 апреля, в течение нескольких дней, шли безостановочно проливные дожди, со снегом при сильном ветре и холоде; вследствие этого вода стала прибывать так быстро, что очень скоро ширина Прута у Леово увеличилась на 300 почти сажен[127]. Нужно было принять решительные меры, тем более что передовые части 14-й пехотной дивизии стали уже подходить к переправе. Тогда капитан Галлер придумал на бушевавшей реке насыпать земляную гать на протяжении до 300 саженей. При благоприятной даже погоде такая работа не может подвигаться быстро, а при бурной, конечно, должна идти еще медленнее. Эта переправа была готова только к 25 апреля. В течение этих двух недель подошли к переправе все части войск, которым в этом пункте была назначена переправа. Эта задержка была неожиданная и могла иметь весьма дурные последствия; движение обозов замедлилось вследствие непролазной грязи, и скопившиеся у Леово войска уже начинали чувствовать недостаток в продовольствии.

У Унген Прут переходили по железнодорожному мосту совершенно беспрепятственно.

В Скулянах переправа совершилась тоже не без некоторых затруднений. Туда Депп послал капитана Крюкова.

Нужно заметить, что для наводки плавучего моста на Пруте у Скулян наиболее удобное место есть то, где в то время была переправа на пароме. Правый берег здесь хотя и невысок (около $1^{3}/_{4}$ саж.), но совершенно обрывист; поэтому для выхода на этом берегу сделана врезная дорога, которую следовало брать в расчет при определении длины моста на случай прибыли воды в реке. На это обстоятельство, кажется, не было обращено внимания. Прежде всего там занялись определением подъемной силы паромов и лодок, на которые я уже указывал. Для этого стали делать подробные чертежи, чтобы по ним вычислить подъемную силу. Видя, что в Скулянах дело идет плохо и даже стоит неподвижно, туда послали 6-го саперного батальона поручика Митрофанова с командою сапер; капитан же Крюков заболел. Определение подъемной силы лодок и паромов было сделано безо всякого вычисления, просто посадкой в них людей, на что потребовалось очень немного времени. Хотя вследствие подъема воды ширина реки увеличилась, но благодаря крутым берегам это увеличение было незначительное, так что к вечеру 14 апреля мост у Скулян был готов и 8-я кавалерийская дивизия начала переправу.

Таким образом, согласно предположению главнокомандующего, три колонны войск перешли границу почти в один и тот же день; только у Леово переправа запоздала на одиннадцать дней.

В Бухаресте между тем смятение горожан, возраставшее ежедневно, стало утихать, по мере того, как наши войска располагались в разных пунктах Румынии, имея передовые отряды на самом Дунае.

29 апреля было получено известие, что турецкий броненосец «Люфти-Джемель», идя по Дунаю в близком расстоянии от левого берега, подвергся выстрелам береговой батареи у Браилова.

Один орудийный выстрел был так удачно направлен офицером 7-го саперного батальона Романовым,

что на броненосце последовал взрыв и судно пошло ко дну.

В тот же или на следующий день приехал в Бухарест полковник Д. С. Нагловский[128] и рассказал некоторые подробности о высочайшем смотре войск под Кишиневом, об объявлении войны и о выступлении в поход.

Случайно собравшись в ресторане, мы отпраздновали гибель «Люфти-Джемеля» бутылкою шампанского.

Уже было сказано, что еще в декабре месяце 1876 г. генерал Депп посылал в Румынию капитанов Кирпичева и Битнера на изыскания, где можно было бы приобрести бревна и доски для плотового моста. Эти офицеры нашли завод какого-то лесопромышленника в отрогах Карпатских гор у самого верховья р. Ольты, вливающейся в Дунай немного западнее Турну-Магурели, против Никополя. На тех же офицеров была возложена заготовка названных материалов, а равно и постройка на заводе ста деревянных понтонов. Кирпичев и Битнер отправились исполнять это поручение во второй половине марта месяца.

В описываемое время, т. е. в последних числах апреля, я случайно встретил в Бухаресте капитана Битнера и стал расспрашивать, успешно ли идет дело по заготовлению материалов для плотового моста.

Главнокомандующий и с ним вся Главная квартира[129] прибыли в Плоешти. Вместе с этим барон Стуарт получил уведомление, что его высочество прибудет 2 мая в Бухарест и, побывав с визитом у князя Карла, зайдет в наше консульство, куда приказал собраться всем русским офицерам, находящимся в Бухаресте по разным поручениям. Его высочество принял нас очень милостиво, поблагодарил за деятельность нашу, подсмеялся, что многие из нас в штатском платье имеют

непрезентабельный вид, и в скором времени отправился обратно в Плоешти.

В. В. Попов, между прочим, сказал мне, что Депп желает, чтобы я немедленно приехал к нему в Плоешти. Я просил Попова испросить на это согласие великого князя, так как данное им поручение еще лежало на мне. Согласие, конечно, последовало, и 3 мая, с утренним поездом, я уехал в Плоешти.

Город представлял из себя огромный бивак. Около каждого дома, в каждом уголке, виднелся солдат: один чистил офицерское платье, другой седлал лошадь, иной копошился около повозки. Какой-то крупный маркитант[130] завладел сараем, устроился и выставил на сарае флаг.

Отыскать Деппа было нелегко, тем более что в штатском платье я нигде не находил свободного доступа.

Долго я ездил от одного дома к другому, пока не попался денщик, в форменном сюртуке с бархатным воротником.

— Стой,— крикнул я,— ты денщик?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Почему ты знаешь, что я «высокоблагородие»[131]?

— Да как не знать; вы не раз бывали у генерала.

— У какого генерала?

— У генерала Левицкого.

— Генерал дома?

— Никак нет; они пошли к его высочеству.

Генеральский денщик отыскал штабного писаря, знавшего квартиру Деппа, который и проводил меня туда.

Депп был очень взволнован.

— Что с вами? Что случилось?

— К 12 июня нужен плотовой мост, а я еще не знаю, заготовлен ли для него материал.

— Мост нужен во что бы то ни стало,— продолжал Депп.— Устройте мост, и я вам доставлю самую высшую награду.

— О награде будете говорить потом, а теперь нужно знать, из чего этот мост можно построить.

— Из чего хотите, но постройте. Для этого я и потребовал вас.

— Дайте предписание.

Депп тут же собственноручно написал его, подписал, занумеровал и передал мне. В предписании говорилось, чтобы я немедленно ехал в г. Слатину на Ольте, сделал бы распоряжения о постройке моста, а потом отправился на место заготовления материалов и *оказал бы содействие Кирпичеву и Битнеру*.

Прочитав, я положил бумагу на стол и сказал, что это распоряжение ко мне относиться не может и самого Деппа поставит в неопределенное положение. Что означает сделать в Слатине распоряжение о постройке моста? Кто же будет его строить?

— В Слатину уже прибыл 6-й саперный батальон. Командир его будет строить.

— В таком случае об этом надо предписать командиру 6-го саперного батальона, а не мне. Мне, уже старому полковнику, не подобает *содействовать двум капитанам*[132]. Я могу поехать туда, чтобы удостовериться, в каком именно положении находится дело; могу, пожалуй, посоветовать, как его можно ускорить, и о результате доложить вам.

— Так вы отказываетесь? — спросил Депп.

— Нет, не отказываюсь. Но очевидно, что для моста, если и есть бревна, то в очень недостаточном количестве; скоро заготовить их тоже нельзя; следовательно, построить мост по составленному проекту тоже невозможно. С другой стороны, если для переправы осадных орудий не будет своевременно годного для этого моста, то не только вы будете иметь огромные неприятности, но будет посрамлен весь инженерный корпус. Как устранить то и другое, в данную минуту решать не берусь. Пошлите меня удостовериться, что́ заготовлено Кирпичевым и Битнером и что́ может быть заготовлено к 1 июня; предпишите

мне ехать оттуда прямо в Слатину и немедленно приступить к постройке моста; но при этом дайте мне право отступать от первоначального проекта, соблюдая лишь то главное и единственное условие, чтобы по мосту можно было безопасно переправлять осадную артиллерию.

После некоторого разговора, почти как говорится à bâtons rompus[133], Депп согласился и переменил свое предписание. Но и в измененном виде было поставлено неисполнимое условие, чтобы мост был *плотовой*.

Депп отправился на завтрак к великому князю, а я обедать к маркитанту.

Импровизированный в сарае ресторан был полон желающими напитаться и узнать новости. Скоро между посетителями оказались и штабные. Один из последних отвел меня в сторону и рассказал, что полчаса тому назад он слышал, как великий князь спрашивал Деппа о положении дела о мосте; что Депп, между прочим, доложил, что посылает меня для оборудования этого дела.

Отыскав моих денщиков, лошадей и имущество, прибывших с полевым инженерным управлением, я в тот же день уехал в Бухарест и далее в Слатину.

Приехав туда около полудня 4 мая, я повидался с командиром 6-го саперного батальона полковником Извековым и осмотрел место, наиболее удобное для подготовки мостовых устоев. Извеков, по моей просьбе, назначил одного из своих офицеров, который должен был сопровождать меня на завод к Кирпичеву и Битнеру.

Мы выехали рано утром, проехав около 75 верст, добрались к вечеру 5 мая до г. Рымник, лежащего уже почти в Карпатских горах. Здесь пришлось ночевать, потому что дальше, в горах, дорога была размыта дождями, многие мосты разрушены и предстояло продолжать путь верхом. К счастью, наш извозчик был из некрасовцев[134], говоривший по-румынски. При его помощи мы водворились на ночлег в каком-то

частном доме и для следующего утра нам были доставлены верховые лошади. Хозяева поместили нас в опрятной комнате и угостили ужином в румынском вкусе, с драгошанским вином, славящимся в этом крае.

Из Рымника мы ехали еще в экипаже, а под конец верст 9—10 проехали верхом. Прелестная местность с роскошною растительностью, с массою цветущих роз и других растений, располагала к благодушеству и, может быть, поэтому мы застали Кирпичева и Битнера покойно сидящими в их квартире.

Рассказав нашим офицерам цель моего приезда, я попросил ознакомить меня с положением дела. Оно оказалось в очень печальном состоянии. Рубка леса на высоких горах, вследствие весеннего времени, была невозможна, так как деревья уже распустились; при спуске с высоких гор, за отсутствием снега, бревна прыгали с одного утеса на другой и многие разбивались в щепки. Бревен, заготовленных в прошлые годы, имелось лишь несколько десятков штук, да и те, хотя толстые, но были очень коротки, не больше 2—3 сажен; спустившиеся же благополучно с гор были сыры, стало быть, тяжелы и погружались в воду так, что над ее поверхностью не оставалось и десятой части толщины бревна. Заводчик не имел достаточного числа рабочих, потому что все румыны ушли на полевые работы, а австро-венгерское правительство воспретило венгерцам переходить границу. Об этом было доложено Деппу, и он послал туда роту сапер. Рота тогда только что прибыла и какую она принесет пользу, еще нельзя было определить. Из ста заказанных деревянных понтонов был готов остов только первого, пробного понтона, но и он еще не был обшит досками.

— А вы,— обратился я к Битнеру,— говорили мне, что у вас все уже готово.

— Да,— ответил Битнер,— мы были уверены, что все будет готово.

— В десять-то дней?— возразил я.—Но это, конечно, ваше дело; мне же поручено на месте удостовериться о положении работ и донести генералу Деппу.

— Все, что я здесь узнал и видел, так не похоже на то, что предполагает генерал Депп, что я прошу вас, теперь же, написать о всем, что сделано, что остается сделать и почему произошло такое промедление. Вашу записку я передам генералу Деппу. Вам подробно известны все обстоятельства дела и в своей записке вы, конечно, не пропустите ни одного обстоятельства, приведшего к такому неудовлетворительному результату; да и на меня вы не будете претендовать, что я пропустил в моем докладе какое-нибудь важное оправдывающее обстоятельство. Короче, я желал бы остаться в стороне от вашего дела. Вот вам предписание генерала Деппа на мое имя, на основании которого я сюда приехал и на основании которого я должен доложить ему подробно о положении данного вам поручения.

Поступая так, совершенно по-товарищески, я думал дать им возможность оправдаться; но это понял, кажется, только один Кирпичев, который тотчас же принялся за составление записки; что же касается до Битнера, то он надулся, не понимая, что я хочу дать им возможность оправдаться в том, в чем они, по моему мнению, нисколько не виноваты.

Впрочем, в деле о заготовке материалов для моста Кирпичев и Битнер, как уже сказано, нисколько не виноваты. Они делали то, что им было приказано. Виноват сам Депп. Он, как начальник инженеров, должен был понимать, что весною бревен не заготовляют, что если бы даже были наличные бревна, то сплавить их по реке, которую в иное время курица переходит вброд, а в другое — она превращается в быстрый горный поток, ворочающий встречаемые на пути огромные камни и разрушающий постоянные прочные мосты, было невозможно. Если бы все это

Депп сообразил, то он не обрадовался бы открытию какого-то ничтожного лесопильного завода и предпочел бы доставку леса из России, хотя и с очень дальнего расстояния, но этот лес прибыл бы и своевременно, и в достаточном количестве. Везли же от Галаца до Слатины по железной дороге деревянные понтоны, построенные Клименкой; везли же миноноски[135] из Кронштадта; отчего же нельзя было, таким же путем, доставить и бревна?

Записку Кирпичева я отправил Деппу по прибытии в Слатину.

Было очевидно, что о плотовом мосте нечего и думать и, следовательно, необходимо было найти, чем можно было бы заменить плоты.

По всей Ольте, верст на 40 выше Слатины, было большое число водяных мукомолен. Так как горизонт реки часто изменяется, а вместе с ним изменяется и скорость течения, то румыны строят мельницы плавучие. Для этого служат четырехугольные лодки, или, вернее сказать, ящики. Каждая мельница стоит на двух таких лодках, обе длиною до 4 сажен; на одной, шириною около двух сажен, устраивается собственно мельница с жерновами, а другая, не более сажени ширины, ставится рядом с первой и прочно прикрепляется к ней; она служит для поддерживания наружного конца вала водяного колеса, вращающегося в промежутке между обеими лодками. По мере того как горизонт поднимается или понижается, мельницу или приближают к берегу, или удаляют от него так, чтобы водяное колесо находилось в струе достаточно быстрого течения реки.

За неимением лучшего, я решился воспользоваться этими лодками для устройства из них мостовых плавучих устоев.

Генерал-адъютант Тотлебен[136], для доставления военным инженерам практики в работах, встречаемых на театре войны, прикомандировал по нескольку инженерных офицеров к саперным батальонам, вхо-

дившим в состав действующей армии. Было четыре офицера и при 6-м саперном батальоне.

При первом приезде в Слатину ко мне явился инженер-капитан Главацкий, наблюдавший за доставкою в Слатину разных принадлежностей для моста. Уже не помню, вследствие какого распоряжения Главацкий сделался моим помощником, в нем я нашел полезного и очень деятельного помощника.

Пригласив к себе инженерных и саперных офицеров и объяснив им, в чем состоит мой проект моста, я предложил нескольким из них приискивать продажные мельницы, сторговываться в цене и решил, как только мельницы найдутся, немедленно приступить к делу.

Я донес Деппу, что за неимением бревен плотовые устои моста можно заменить лодками, сделав в них должные приспособления; что к покупке лодок приступлено, и просил отвечать телеграммой. Так как ответа долго не было, то это молчание нельзя было истолковать иначе, как согласием на замену плотов лодками.

В моем распоряжении было всего пять тысяч франков, а так как пара мельничных лодок стоила от 200 до 500 франков, то при покупке их пришлось ограничиться выдачею только задатков, в размере 20—30 франков. В скором времени было налицо уже почти все необходимое число лодок. По мере покупки лодок я уведомлял Деппа телеграммами и в каждой из них просил прислать деньги для расплаты за лодки и для покупки разных необходимых предметов: досок, пакли, смолы и проч.

Уже не помню, сколько было мною послано телеграмм, но ни на одну ответа не было. И вот, когда уже большая часть лодочных устоев (мы их называли *плашкоутами*) была готова, от Деппа получилась такая телеграмма: «Лодок покупать не надо, нужен мост плотовой, делайте, что приказано, денег не пришлю». Вот тебе и dracu, подумал я. Если исполнять такое

распоряжение Деппа, то приходилось бы сидеть сложа руки, но не на свободе, а в румынской тюрьме за неуплату за взятые предметы, под задатки; и, что еще хуже, к назначенному времени моста не было бы; Деппу попало бы поделом, мне было бы почти в чужом пиру похмелье, а срама для всех инженеров не обобраться бы.

Изложив подробнейшим образом весь ход дела по постройке моста и приложив к этому описанию записку, что именно мною было найдено на лесопильном заводе, откуда до того времени не было доставлено ни одного бревна, а равно и копии моих телеграмм Деппу и последнее его распоряжение, все это я отправил с нарочным в Плоешти, при письме к адъютанту главнокомандующего, полковнику Д. А. Скалону, прося его все сообщенное мною, во всей подробности, доложить его высочеству.

Результат получился такой: Депп был вынужден телеграфировать мне, чтобы был послан офицер в Бухарест для получения из нашего консульства денег в требуемом количестве. Между тем заготовление моста продолжалось безостановочно, потому что я не сомневался в благоприятном разрешении вопроса.

Настал июнь месяц и нужно было ожидать, что в скором времени последует переправа наших войск, а, следовательно, потребуется и мост. До означенного времени с завода еще ничего не было получено и только около 6—8 июня стали изредка подходить деревянные понтоны в числе 2—4 штук.

Около того же времени в Слатину прибыла осадная артиллерия и мне было поручено осмотреть дорогу до Турну-Магурели и особенно мосты, с целью удостовериться, можно ли по ним провести осадные орудия, из которых каждое с лафетом, но без всех прочих принадлежностей (т. е. затвора, подъемного винта и проч.) весило около 500 пудов[137]. Это распоряжение давало возможность, хотя приблизительно,

предугадать избранное для переправы место, от которого и зависела длина моста.

Только против самого Никополя Дунай протекает одним руслом, имея ширину не более 400 сажен. Ниже же Никополя, на большом протяжении, река несравненно шире. При таких условиях, хотя осадная артиллерия и направлялась к Турну-Магурели, но не подлежало сомнению, что переправа совершится не в виду крепости, а где-либо между Никополем и Систовом и что потребуется мост несравненно большей длины, чем предположено.

Поэтому я просил Деппа указать мне, достаточна ли длина уже почти заготовленного моста в 400 сажен. Но на этот вопрос от Деппа не последовало никакого ответа.

Необыкновенно большой разлив Дуная в 1877 г., в течение двух месяцев, принуждавший со дня на день откладывать переправу, стал постепенно уменьшаться, и в первых числах июня река почти вошла в свои берега. Следовало ожидать, что переправа последует на днях и неожиданно.

Заготовленный у Слатины мост предстояло спустить вниз по течению Ольты, к ее устью немного западнее Турну-Магурели. Затем мостовые устои, т. е. плашкоуты[138] и прочие принадлежности моста (переводины, настилка, якоря и т. п.), нужно было вывести в Дунай и спустить вниз по его течению, мимо крепости Никополь.

В состав действующей армии входили четыре понтонных батальона. Каждый из них мог дать 26 понтонных лодок, подымающих, каждая, кроме гребцов, 32 человека в полном походном снаряжении; или все четыре батальона вместе немного более трех батальонов пехоты. Отделяя же один понтонный батальон для устройства паромов для перевозки артиллерии и кавалерии, четыре батальона могли поднять одновременно: около $2^1/_2$ батальонов пехоты, 6 полевых орудий с зарядными ящиками и лошадьми и полу-

эскадрон кавалерии. Следовательно, имевшимися средствами в пять-шесть рейдов можно было переправить дивизию пехоты, 30—40 орудий и два эскадрона кавалерии; но, конечно, в том только случае, если переправа будет совершаться не под огнем и ни один понтон или паром не будет поврежден неприятельскими выстрелами. Материальными средствами каждого батальона можно навести мост длиною в 100 сажен; но вследствие того, что в числе мостовых устоев в каждом батальоне есть по нескольку устоев на козлах, устанавливаемых только у берегов реки на мелководье, в совокупности четыре батальона могут дать мост длиною не 400, а не более 350 или 360 сажен.

Ввиду того, что в пункте, избранном главнокомандующим для переправы и наводки моста, ширина реки значительная, в Галаце было сделано 100 деревянных понтонов со всеми принадлежностями для устройства моста, т. е. с настилкою и проч. Галацкие понтоны были доставлены в Слатину по железной дороге, а оттуда сплавлены по Ольте к ее устью. Эти понтоны были на месте 14 июня. К тому же времени туда приплыла и большая часть моста, заготовленного у Слатины. Устье Ольты так было загромождено понтонами, плашкоутами, плотами, что с одного берега реки на другой можно было переходить, прыгая с одного плота на другой, с одной лодки на другую. Так как почти от самой Слатины до устья Ольта протекает по равнинной местности, поэтому скопление разного рода плавучих мостовых принадлежностей очень хорошо и на большое расстояние было видно из Никополя, расположенного в небольшом расстоянии на весьма высоком берегу.

Со времени прибытия наших войск на Дунай, на 8-ю кавалерийскую дивизию ген.-лейт. кн. Манвелова было возложено охранение левого берега Дуная от устья Ольты до устья Веде. 7 мая, перед сменою дежурных частей, разъезды вознесенских улан до-

несли, что у д. Фламунды, около версты ниже ее, стоит на якоре неприятельский пароход и при нем два речных грузовых судна. Князь Манвелов приказал бывшему в разъезде поручику Синицыну немедленно завладеть этим пароходом, что и было исполнено небольшой командой спешенных улан. Экипаж захваченного парохода и двух барж показал, что пароход вел на буксире в Никополь две баржи, нагруженных кукурузой, и около Фламунды, близко от берега, стал на мель; что комендант Никополя приказал, во что бы то ни стало, сняться с мели, а чтобы русские не могли мешать этому, обещал прислать военное судно. По приказанию кн. Манвелова сейчас же был сформирован отряд из двух эскадронов (один от Астраханского драгунского, а другой от Вознесенского уланского полков) с Донскою № 9 батареею, под начальством начальника штаба 8-й кавалерийской дивизии, полковника бар. Каульбарса[139]. Этому отряду было поручено охранять пароход и баржи от всяких покушений турок.

Военное турецкое судно, действительно, несколько раз подходило к пароходу и баржам, но всегда было отгоняемо нашею артиллериею. Тогда турки вздумали бомбардировать пароход. Хотя до крепости расстояние было велико, но можно было опасаться, что и пароход, и баржи будут повреждены. Поэтому решили всю эту флотилию затопить, приняв меры, чтобы, когда потребуется, из парохода и барж можно было откачать воду и поднять их из воды. Для этого баржи были поставлены впереди парохода, на них сделали брустверы из мешков с землею; такими же мешками в несколько рядов были покрыты палубы парохода и барж. Случайное приобретение парохода и двух барж оказало большую помощь переправляющимся войскам.

Наконец, тем, кому надлежало знать, сделалось известно, что переправа произойдет в ночь с 14 на 15 июня у Зимницы, против Систова.

В 1 час ночи, с 14 на 15 июня, одновременно, у Зимницы началась переправа 14-й пехотной дивизии генерала Драгомирова[140], а из устья Ольты вышли в Дунай понтоны, доставленные, как уже выше сказано, из Галаца. Всем плывшим караваном заведовал капитан 1-го ранга Новосильский. Кроме гребцов из матросов, на понтоны был посажен 5-й саперный батальон. На головном понтоне сидел ген. Депп, победоносно держа в руках знамя 5-го саперного батальона. Новосильский находился на понтоне, плывшем в хвосте каравана. Это движение было торжественно и прошло совершенно благополучно, потому что турки заметили понтоны, уже когда рассвело и выстрелы орудий Никополя могли достигать лишь до хвоста каравана.

Прибыв к д. Фламунда, караван поступил под начальство великого князя Алексея Александровича[141], которому было подчинено все, что делалось и находилось на Дунае. На галацких понтонах великий князь, в тот же день, отправился к Зимнице, где в этих понтонах была крайняя необходимость.

В ту же ночь, с 14 на 15 июня, капитан-лейтенант Тудер, со своею командою моряков, откачал воду из парохода и барж, взял их на буксир и отправился к Зимнице переправлять войска. Эта помощь оказала переправе огромную услугу, так как дала возможность перевозить, с одного берега на другой, большие отряды, и к вечеру 15-го же числа на правом берегу Дуная были уже все части 8-го армейского корпуса и 4-я стрелковая бригада.

Пропустив безнаказанно первый отряд понтонов, турки стали внимательнее, и потому второй отряд из понтонов же и плотов, проходивший мимо Никополя в ночь с 15-го на 16-е число, был встречен огнем с крепости раньше, чем в прошлую ночь. Кроме того, турки рассыпали по берегу цепь стрелков, и понтоны подвергались не только пушечному, но и ружейному огню. При этом один вольнонаемный лоцман, из

местных рыбаков, был ранен, после чего он намеренно придержал к берегу и спрыгнул с плота; его примеру последовали еще пять других. Оставшиеся на плотах саперы, по малочисленности своей, не могли справиться с шестью плотами. Недолго думая, они причалили к берегу и, несмотря на сильный огонь, связали по два плота вместе; затем, отчалив от берега, плоты вошли в общую линию каравана и благополучно прибыли к Фламунде. Последний отряд галацких понтонов прошел мимо Никополя в ночь с 16 на 17 июня, хотя и под таким же сильным огнем, но без потерь.

К этому времени в устье Ольты прибыли все части моста, заготовленного в Слатине, предназначенного для переправы осадной артиллерии и других значительных тяжестей, которые не могли быть перевозимы по понтонному мосту, наведенному у Зимницы из понтонов понтонных парков и из заготовленных в Галаце.

Прежде чем приступить к спуску по Дунаю к Зимнице частей этого моста, в них необходимо было сделать некоторые приспособления, исключительно состоявшие в приделке к плашкоутам и плотам потесей (больших весел в корме и носу), посредством которых можно было бы давать им должное направление. На эту незначительную работу потребовалось пять дней, потому что пришлось поджидать прибытия из Слатины шедших оттуда материалов. Кроме того, чтобы можно было по прибытии к Зимнице тотчас приступить к наводке моста, следовало при каждом мостовом устое отправлять соответствующее число перводин, досок, якорей и проч.

Для этого, в свою очередь, потребовалась сортировка почти всего огромного каравана, на что тоже понадобилось некоторое время.

Как уже было сказано, первоначально длина моста была определена в 400 сажен; сообразно с этим и были заготовлены все его части.

К 24 июня все было готово к началу сплава так называвшегося большого моста. Около 9 часов вечера караван, состоявший из 45 плотов и плашкоутов под управлением лейтенанта Мякинина, отчалил от берега и поплыл в Дунай.

У самой крепости Никополь в Дунай вливаются с северной стороны р. Ольта, а с южной р. Осма. Устья этих речек находятся почти друг против друга, и при высокой воде обе речки текут весьма быстро и имеют большое влияние на правильность течения Дуная у Никополя.

Наш караван благополучно вошел в Дунай и стал тихо спускаться вниз по течению; но это продолжалось недолго. Дойдя до того места, где встречаются течения Дуная и двух его притоков, плоты и плашкоуты стали уклоняться от должного направления, их поворачивало то в одну, то в другую сторону. Головные части каравана почти не двигались, а задние наваливались на них. Начались возгласы: держи правей, держи левей, которые были услышаны турками; поэтому не успел еще караван поравняться с крепостью, как оттуда раздались пушечные выстрелы, а скоро открылся и ружейный огонь, не прекращавшийся, пока весь караван не достиг Фламунды. Судя по учащенному огню, было видно, что турецкие артиллеристы суетились, вследствие чего стреляли не метко. Вокруг плашкоута и плотов падала в воду масса снарядов, и только осколки гранат иногда попадали в караван, при чем немного повредили два-три плота и в одном плашкоуте сделали небольшую пробоину в надводной его части; других потерь, к счастью, не было.

Во всяком случае, пока приходилось бороться с тройным течением (Ольты, Дуная и Осмы), пришлось провести «un mauvais quart d'heure»[142], как говорится.

Едва приступили к сплаву большого моста, как начальник переправы у Зимницы, генерал-майор Рих-

тер*, уведомил меня телеграммою, что мост должен быть не менее 500 сажен длиною, а день или два спустя в новой телеграмме ген. Рихтер сообщил, что длина моста определилась в 600 сажен, т. е. в полтора раза более, чем предполагалось. Следовательно, заготовленных материалов было недостаточно, тем более что несколько плашкоутов потерпели крушение, еще проходя по Ольте, и нужно было ожидать, что будут и другие потери.

Восполнить оказавшийся недостаток материалов помогло совершенно неожиданное обстоятельство. Для защиты мостов от неприятельских брандеров[143], великий князь предполагал устроить боны, которые следовало навести выше мостов; но удачное заграждение Дуная подводными минами, опущенными в разных местах, позволило отказаться от бонов. Эта перемена не была известна Кирпичеву. Поэтому он, зная, что для бонов годны бревна всякой величины, принял от заводчика находившиеся у него старые бревна, весьма толстые, но длиною только 2—$2^1/_2$ сажени, и отправил их в Турну-Магурели. Делая мостовые плоты из коротких бревен, нужно было только значительно изменить конструкцию плотов и отказаться от порядочной части раньше уже заготовленных металлических принадлежностей, которые оказались уже непригодными.

Не останавливаясь перед народившимся затруднением, сплав частей большого моста продолжался безостановочно.

Нужно заметить, что наши осадные батареи, построенные на левом берегу против Никополя, еще вечером 13 июня открыли огонь по крепости и городу. В городе в тот же вечер вспыхнул пожар.

Около 20—23 июня 31-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии, стоявшие к востоку от устья Ольты и Турну-Магурели, были направлены к переправе у

---

* Ген.-м. Александр Карлович Рихтер в то время был начальником 3-й саперной бригады.

Зимницы, а для прикрытия наших осадных батарей, продолжавших бомбардировать Никополь, и для наблюдения за берегами Дуная, прилегающими с обеих сторон к устью Ольты, были назначены румынские войска.

Вдоль берега от устья Ольты до Фламунды и вверх по Дунаю стояли румынские пикеты. Когда 24-го числа, при проходе нашего каравана, турки открыли по нему огонь, румыны, приняв наши плашкоуты за турецкие суда, на которых неприятель переправляется к нам, недолго думая, подвели резервы своих пикетов к берегу и тоже открыли огонь по каравану. К счастью, это продолжалось недолго и никакого вреда не причинило. Как бы то ни было, наш первый караван прошел под выстрелами не только неприятеля, но и союзников, что могло произвести нехорошее впечатление на нижних чинов[144], занятых сплавом моста.

Вышеописанный сплав первого каравана убедил в необходимости сделать приспособления, чтобы плашкоуты и плоты могли двигаться быстрее. Поэтому, возвратясь из Фламунды береговой дорогой, я распорядился, чтобы в стенах плашкоутов проделали небольшие отверстия, для просовывания весел, а на плотах установили бы уключины, по две с каждой стороны плота. На скорую руку заготовили и весла.

По нашим караванам турки стреляли из орудий, стоявших на очень большой высоте; кроме того, приходилось стрелять по движущимся целям. Убедясь в недействительности своих выстрелов, неприятель, кажется, решился переменить образ действий. В течение дня румынские пикеты дали знать, что турки чинят свои лодки, стоявшие у пристани, и приготовляются спустить их на воду; этих лодок было до десяти штук. Капитан 1-го ранга Новосильский, заведовавший всею флотскою частью при описываемой операции, лично удостоверившийся в справедливости донесения румын, сообщил мне, что турки, действительно, приготовляют свою флотилию, вероятно, с

целью напасть на караван, когда он будет проходить мимо Никополя.

Поэтому, чтобы в случае нападения турок караван мог дать им отпор, по соглашению с Новосильским, было решено второй караван сформировать следующим образом: на плашкоутах наскоро набросали из досок палубы; на каждый из них, кроме гребцов, находившихся под палубой, назначено по нескольку вооруженных нижних чинов 6-го саперного батальона; на плоты были назначены тоже вооруженные нижние чины того же батальона. На каждом плашкоуте и плоту находилось еще по два сапера с динамитными патронами с полуминутными фитилями, в предположении бросить эти заряды в турецкие лодки, когда они подойдут на достаточное для этого расстояние. Два кожуховых бота[145], состоявших в распоряжении Новосильского, вооружили каждый морским десантным 4-фунтовым орудием[146]; один бот должен был следовать в голове каравана, а другой в хвосте его. Наконец, принимая в соображение, что турецкие лодки будут немного снесены течением и потому могут атаковать наш караван только ниже Никополя, было решено: к тому месту, где вероятнее всего может произойти встреча, выводить роту сапер; каравану же дать приказание, в случае, если будет замечено приближение турецких лодок, приставать к своему берегу, где рота поможет отогнать противника.

Сформированный и снаряженный таким образом отряд в 9 часов вечера 26 июня отчалил от берега. Кроме флотского офицера, начальствовавшего над морскою командою, на лодках и плотах находились: инженер шт.-кап. Недзвецкий, 6-го саперного батальона подпоручик Федоров и л.-гв. саперного батальона прапорщик Неелов. Роту сапер, назначенную в прикрытие, я сам отвел к берегу и указал место, где она должна находиться.

Чтобы лучше удостовериться в делаемых турками приготовлениях, лейб-гвардии саперного батальона

подпоручик гр. Ивелич, с охотниками[147] от Гвардейского экипажа[148], на небольшой лодке, попробовал подойти к турецким лодкам и зажечь их динамитными патронами; но это предприятие не имело успеха, потому что течение снесло лодку гр. Ивелича далеко от того места, где находилась турецкая флотилия.

В то время когда разводили людей по плашкоутам и плотам и делались все приготовления к отправлению второго каравана, к западу от Ольты одновременно вспыхнуло несколько костров, зажженных пастухами. На это тогда не было обращено, к сожалению, должного внимания.

Караван, отправившийся около 9 часов вечера 26-го числа, был встречен артиллерийским и ружейным огнем, как только начал входить в сферу неприятельских выстрелов; но, несмотря на учащенную пальбу, отряд около $6^1/_2$ часов утра благополучно прибыл к Фламунде. Это послужило основанием заключить, что одновременно вспыхнувшие костры были условным сигналом, указывающим туркам время отправления каравана.

Из Фламунды десантные орудия были перевезены обратно на подводах под прикрытием небольшой команды, вверенной л.-гв. саперного батальона подпоручику Андриянову.

Все следующие караваны были снаряжаемы так же, как и второй, с тою только разницею, что десантные орудия ставились на плашкоутах, а не на кожуховых ботах, которые нельзя было доставить обратно на Ольту. Один из вооруженных плашкоутов следовал в голове каравана, а другой в хвосте. Каждую ночь рота выходила на указанное мною место, на берегу Дуная.

При отправлении третьего каравана, едва люди стали размещаться по плашкоутам, снова на прежних же местах засветились огни. Туда немедленно были посланы казаки. Завидя их, пастухи погасили огни и, бросив свои стада, скрылись. Очевидно, что и

в этот раз сигнал был замечен и понят, потому что и третий караван подвергся раннему и сильному огню. При этом мы потеряли один плашкоут и плот, которые были разбиты снарядами; но, к счастью, ни убитых, ни раненых не было.

В эту ночь граф Ивелич вторично пытался подойти к турецким лодкам; ему удалось выйти даже на берег и с несколькими охотниками направиться к неприятельской флотилии, но, встретив турецкий пикет, был принужден отступить.

Перед отправлением следующего каравана к тем местам, где появлялись костры, заблаговременно были посланы казаки. Пастухи пробовали зажечь костры на других местах, но и там им помешали. Эта предосторожность оказалась не лишнею, так как четвертый караван не возбудил внимания турок; они увидели его, когда он уже вышел из сферы крепостных выстрелов.

Пока караваны проходили каждую ночь мимо Никополя, наша осадная артиллерия безостановочно продолжала ежедневно громить крепость и город, распространяя в нем пожары, ярко освещавшие окрестности и особенно Дунай, на прилежащем к Никополю пространстве.

2 июля, рано утром, с правого берега Дуная стала до нас доноситься отдаленная пальба. К вечеру выстрелы явственно доносились до нас с южной стороны Никополя и скоро над долиною р. Осмы поднялось густое облако порохового дыма. Командир 9-го армейского корпуса генерал Криденер[149] уведомил телеграммою, что он оттеснил турок за Никопольские валы и, на рассвете 3 июля, намерен возобновить атаку для овладения крепостью. При этом генерал Криденер просил, чтобы осадная артиллерия поддержала его атаку своим огнем, начав стрельбу еще до рассвета.

В ночь со 2 на 3 июля, как обыкновенно, караван отчалил от берега и направился к Дунаю; рота сапер

находилась на определенном месте, на берегу Дуная, немного ниже, по течению, Никопольской пристани, у которой стояли турецкие лодки. Когда вторая половина каравана проходила мимо этой пристани, у турецких лодок послышались голоса и стук весел, укладываемых в лодки. Зарево пожара позволило рассмотреть на берегу скопление довольно большого числа турок. Саперы, бывшие в цепи, приняли немного вправо, чтобы хвост каравана не закрывал противоположного берега, и открыли по турецким лодкам огонь*. Вслед за этим морской офицер, находившийся на плашкоуте, вооруженном десантным орудием и следовавшем в хвосте каравана, сделал несколько выстрелов картечью. Пули застучали о борта неприятельских лодок. Видно было, что турки пришли в смятение. В это время начался рассвет.

Зная, что на рассвете должна начаться атака Никополя с южной стороны, я приказал подвести к берегу поддержку саперной роты и продолжать учащенный ружейный огонь всею ротою. Это окончательно ввело турок в заблуждение. Можно с достоверностью утверждать, что они эту случайную пальбу приняли за намерение к атаке с юга присоединить и нападение со стороны Дуная. Так можно думать, потому что по улицам Никополя, круто спускающимся к берегу, турецкие войска в довольно большом количестве стремительно направлялись к берегу.

Еще до рассвета с южной стороны Никополя послышался артиллерийский и ружейный огонь; постепенно приближаясь, выстрелы постоянно усиливались. Осадные наши орудия грохотали без умолка. Над Никополем стояла туча порохового дыма. Пожар пылал, казалось, сильнее прежнего. Все слилось в какой-то хаотический шум. Было видно, что по улицам города турецкие войска торопливо двигались уже не к берегу, а в разные стороны. Их крепостная артиллерия, суетясь, направляла свои выстрелы

* Здесь ширина Дуная не превосходит 380—400 сажен.

то в осадные батареи, то по скрывавшемуся из вида каравану. Около 5—6 часов огонь с южной стороны крепости достиг наибольшего своего напряжения, потом послышалось громкое «ура!» — и над Никополем развевалось уже наше знамя. Спустя немного времени водворилась полная тишина.

Я и несколько офицеров прыгнули в попавшуюся лодку и переехали в Никополь, поздравить генерала Криденера и других победителей.

Не успел еще рассеяться пороховой дым, а на улицах пылавшего города, где на каждом почти шагу встречались раненые, уже появились греки, предлагавшие за неумеренную плату лошадей и ослов для поездки на бивак наших войск.

Пока Никополь держался, караваны можно было отправлять только ночью и состав их рассчитывать так, чтобы к рассвету хвост каравана уже не был в сфере неприятельского огня. С падением же этой крепости предосторожность эта сделалась лишнею: караваны могли проходить днем и быть произвольного состава.

Поручив продолжать сплав частей моста старшему после себя, я отправился в Зимницу, чтобы окончательно избрать место для моста и начать наводку его. А так как требовался мост в полтора раза длиннее заготовленного, то нужно было сообразить, чем пополнить недостаток. При этом оказался еще новый недочет: около пяти плашкоутов разбились об мосты при проходе еще по Ольте, три были потоплены неприятельскими снарядами во время прохождения по Дунаю. Неожиданно поднявшаяся ночью буря (в последних числах июня месяца) поломала у Зимницы еще восемь плашкоутов. Хотя и имелся небольшой запас их, но потеря 16 плашкоутов, при имевшихся скудных средствах, была очень ощутительна.

На месте, избранном для постановки моста, на Дунае лежат два довольно больших острова; поэтому потребовалось три отдельных моста: с левого берега

на остров Бужиреску мост длиною 80 саж., с острова Бужиреску на остров Ада — 265 саж., с острова Ада на правый берег — 263 саж. Сложенная длина всех трех мостов была, следовательно, 608 саж.

Пришлось составлять эти мосты положительно из чего попало.

С завода прибыла часть заказанных там деревянных понтонов, очень небольших размеров. С некоторым риском можно было рассчитывать, что два таких понтона, крепко соединенные вместе как одно целое, поднимут груз около 500 пудов. Связали такие паромы и из них устроили мост с левого берега на остров Бужиреску.

Второй мост между двумя островами был устроен из бревенчатых плотов. Для него были употреблены бревна разных размеров, доставленные с завода.

Третий мост, с острова Ада на правый берег, состоял из мельничных лодок, превращенных в мостовые устои, или плашкоуты.

После неудачного покушения овладеть Плевной 18 июля[150] начальник находившихся там войск, генерал Зотов[151], нашел, что для подготовки успеха третьей атаки необходимы осадные орудия. С этого времени не проходило дня, чтобы начальник переправы или я лично не получали телеграмм с короткими и категорическими вопросами, вроде: Готов ли мост? Когда мост будет готов? Переправляйте скорее осадную артиллерию. Скоро ли мост будет окончен?

Трудно было вразумить кого бы то ни было, не исключая и Деппа, что создать вновь из ничего лишних двести сажен моста дело нелегкое и требующее немало времени, особенно когда под руками нет необходимых материалов.

Здесь приходится войти в небольшую подробность, относящуюся до устройства плавучего моста, так как, иначе, дальнейший рассказ не будет понятен.

Чтобы плавучие устои при движении по мосту груза не подвергались качанию, необходимо, чтобы

концы так называемых переводин, т. е. балок, укладываемых с одного устоя на другой, доходили до середины устоев, потому что только при соблюдении этого условия проходящий по мосту груз будет давить на весь устой, который и будет погружаться равномерно, другими словами: концы перекладин нельзя класть на борта лодок, служащих устоями. Это значительно укорачивает мост; например, при 4-саженных переводинах нельзя ставить устои в расстоянии 4 саженей друг от друга, а нужно, чтобы это расстояние было между их серединами.

Под давлением ежедневных телеграмм о скорейшей переправе осадной артиллерии и по недостатку готовых устоев, я решился на мосту из мельничных лодок положить переводины на борта устоев. По соображениям и по расчету выходило, что устои хотя и будут много накрениваться, но что, бог даст, они не будут зачерпывать воду и артиллерия пройдет благополучно. Для безопасности же было обращено особое внимание на самое прочное прикрепление переводин к устоям.

Третий мост, с острова Ада на правый берег, был почти окончен, оставалось до берега сажен 40.

Находясь на мосту в таком близком расстоянии от берега (около 1—2 часов дня), я заметил, что из Систова масса народа, мужчин и женщин, неся на себе всякий домашний скарб, устремилась к понтонному мосту. Народ все прибывал, толпа увеличилась до давки; в ней появились уже и буйволы, и коровы, и ослы. Все стремились перебраться на левый берег, пользуясь понтонным мостом. Не обращая внимания на запрещение одинокого часового, стоявшего у головы моста на правом берегу, мост переполнился народом так, что борта понтонов лишь немного возвышались над горизонтом воды. Чтобы удержать дальнейший наплыв толпы и спасти мост от затопления, потребовался целый батальон с оружием. Оказалось, что какой-то казак, без шапки, вероятно, пьяный, про-

скакал по Систову, крича, что за ним идет турецкий отряд. Это навело на жителей такой страх, что они бросились спасаться, захватывая с собою кое-какое имущество.

Эта паника открыла, что, перейдя Дунай, все двинулось вперед, а те, кому надлежало ведать, не подумали укрепить переправу хотя бы незначительными окопами и для обороны их оставить небольшой отряд. Должно по справедливости сказать, что понтонный мост в описанный день был спасен от потопления лишь благодаря энергии и распорядительности генерала Рихтера.

После описанного случая приезжал на переправу генерал Депп; но неизвестно, что он сделал, да и сделал ли что-нибудь.

Наконец, мост был совершенно окончен, и можно было допустить по нему движение.

Значительное переутомление, бессонные ночи, постоянное нервное напряжение и недостаток хладнокровия имели для генерала Рихтера то последствие, что он впал в галлюцинацию. Так, однажды, возвращаясь с ним в экипаже из Зимницы к нашим палаткам, он серьезно стал рассказывать, что когда он зажмуривает глаза, то ему видится, что по его ладони течет Дунай, течет, течет и потом на ладони Дуная уже нет.

— Вот, ваше превосходительство, если бы это случилось в действительности, не нужно было бы мостов, и мы переходили бы Дунай, как иудеи через Чермное море[152].

— Полковник,— вскрикнул Рихтер,— как вы можете в шутливом тоне говорить о таких важных вопросах?

— Извините,— отвечал я,— но я думал, что вы тоже шутите.

Рихтер еще больше рассвирепел, но скоро мы доехали до наших палаток и разговор прекратился.

В тот же день, когда большой мост был окончен, я провел по нему для пробы батальон в полном снаряжении, в полувзводной (по-тогдашнему) колонне и идя в ногу.

Перед вечером ко мне приехали начальник осадной артиллерии Моллер и его помощник Анчутин.

— Что? Будем переправляться?— спросили они.

— Будем.

— Когда?

— Да хоть сейчас. Только поедем доложить об этом Рихтеру.

Поехали и доложили. Рихтер и слышать не хотел о переправе осадной артиллерии, находя, что построенный мост для этого не годен.

— Ваше превосходительство,— сказал я,— постройка моста поручена мне и за переправу артиллерии отвечаю я, а не вы. Хотя вы и начальник переправы, но я вам никогда и никем не был подчинен; поэтому доклад, что артиллерия будет переправляться завтра, есть только вежливость или формальность, а не испрашивание разрешения.

— Я поставлю у головы моста батальон сапер и никого не пущу.

— А я,— сказал Анчутин,— сниму орудия с передков и начну стрелять в вас картечью.

— В таком случае,— ответил Рихтер,— я пущу себе пулю в лоб.

— Тогда мы совершенно свободно перейдем мост,— ответил Анчутин, и мы уехали.

Было условлено, что артиллерия снимется с бивака на рассвете и немедленно начнет переправляться. В тот же день я телеграфировал начальнику штаба генералу Непокойчицкому и Деппу, что мост готов и артиллерия переправится завтра.

Рано утром осадные орудия, влекомые каждое четырьмя парами быков, с криком погонщиков, со щелканьем кнутов, поднимая густые облака пыли, стали

спускаться с горы от Зимницы и подошли к голове моста.

Я распорядился, чтобы первое орудие начало переходить через мост, второе же должно было начать движение, когда первое будет уже на острове Бужиреску.

На каждом устое находилось по 8 сапер с молотами и клиньями, которые они должны были вбивать в ослабнувшие найтовы[153].

Под тяжестью орудия мост с берега на остров Бужиреску заскрипел, но орудие прошло благополучно — найтовы не ослабли.

Приказав переправлять следующие орудия в том же порядке, т. е. так, чтобы одновременно на мосту не было более одного орудия, я отправился посмотреть, как они пройдут по плотовому мосту, между двумя островами. Здесь не было даже поводов опасаться, что орудия не пройдут вполне благополучно.

Переход первого орудия по мосту на плашкоутах внушал порядочные опасения; поэтому я приказал задержать его до моего прихода. У головы этого моста первое орудие простояло недолго, минут через 10—15 я подошел и орудие тронулось. Мост сильно заскрипел, а лодки накренивались так, что от верхнего края бортов до горизонта воды оставалось не более $2—2^1/_2$ вершков. На всех устоях началась стукотня молотов по клиньям, подбиваемым под найтовы. Когда первое орудие было уже на берегу, двинулось на мост второе. Тот же скрип, тот же крен лодок, та же стукотня молотов по клиньям.

Ну, подумал я, два орудия перешли благополучно, но что будет, когда на мост въедет последнее, двадцатое.

За третьим орудием я отправился сам, желая удостовериться, что и на прочих устоях дело идет удовлетворительно. Добравшись до берега с третьим орудием, я вздохнул почти свободно и, с некоторым благодушеством, закурил папиросу.

Постепенно, одно за другим, орудия прибывали на правый берег, их было там уже 10—12.

Пришедший с того берега офицер сказал мне, что Рихтер пришел к мосту и, едва ответив на поклоны Моллеру и Анчутину, уселся на обрубок бревна, спиною к переправе. С бывшим при мне унтер-офицером я послал Рихтеру такую записку: «12 орудий пришли благополучно на правый берег; остальные переправляются; часа через $1^1/_2$—2 переправа будет кончена. Все благополучно». Мой посланный вернулся с последними уже орудиями и принес мою же записку, на которой Рихтер написал: «Не верю».

Возвратясь на левый берег, я застал Рихтера сидящим на том же обрубке бревна. Моллер и Анчутин встретили меня, крича «ура». Рихтер молча принял мой доклад, что артиллерия перешла по мостам благополучно.

При устройстве переправы мне, как говорится, не везло в начальниках из инженеров. Мой непосредственный начальник, генерал Депп, после донесения о том, как он проплыл на понтоне мимо Никополя, держа в руках знамя 5-го саперного батальона, о деятельности подчиненных ему инженерных офицеров никому ничего не доносил. За устройство моста, провод его под выстрелами с неприятельской крепости, наводку его и переправу осадной артиллерии меня, по рекомендации капитана 1-го ранга Новосильского, представил великий князь Алексей Александрович к награждению золотым оружием, хотя по статуту я имел право на высшую награду[154]. Если бы не представление великого князя, то, пожалуй, и того не получил бы.

Не знаю, как и почему, но при Деппе значение начальника инженеров действующей армии умалилось до незаметной величины. Увлекаясь фантазиями, он утратил влияние на совершающиеся события. Депп почему-то вообразил, что будут вести атаку Рущука, хотя об осаде этой крепости даже и речи не было.

Осада Рущука, при чем он, вероятно, рассчитывал приобрести славу, равную по крайней мере той, какую стяжал Тотлебен в Севастополе, сделалась любимою фантазиею Деппа. Еще в начале июля, когда шли деятельные работы по заготовлению недостающих мостовых устоев и когда приходилось дорожить каждым бревном и доской, на переправу прибыл посланный Деппом офицер с требованием, чтобы из материалов, имеющихся для моста, было отпущено все необходимое для постройки пороховых погребов и блиндажей, которые будут воздвигнуты Деппом в траншеях при осаде Рущука. Так как лишних материалов, которыми можно было бы поделиться, не было, то прибывшему с этим требованием офицеру я предложил со мною разделить хоть завтрак. В моем отказе никакой беды не было, так как Рущук не осаждали, и Депп не приобрел даже и тени славы Тотлебена.

Депп не был одарен блестящим умом, но обладал умом немецким, т. е. *тихим*, если можно так выразиться. При этом он, несомненно, знал, чем можно блеснуть. Я склонен думать, что кто-нибудь из окружающих имел на него нехорошее влияние.

Сдав заведование так называемым большим мостом капитану Главацкому, я отправился в Горный Студень, где находились Главная квартира и все полевые управления действующей армии. Это было в первых числах сентября.

Депп помещался в палатке, в нескольких шагах от кибитки главнокомандующего.

Спустя немного дней по прибытии в Горный Студень, я зашел к Деппу незадолго перед завтраком у великого князя, куда Депп аккуратно ходил ежедневно. Естественно, речь зашла о наших неудачах под Плевной. Я воспользовался случаем и стал доказывать, что он, как начальник инженеров, не может оставаться безучастным зрителем этих неудач. Что начальник Плевненского отряда, не будучи специали-

стом, мог ошибаться в своих предположениях, но что Деппу, как инженеру, надо подробно ознакомиться с плевненскою позициею турок и указать, какими мерами можно овладеть Плевною, задерживающею ход кампании.

Долго мы рассуждали, спорили, но, наконец, мне удалось убедить нерешительного Деппа. Он обещал, после завтрака, испросить согласия и даже приказания отправиться под Плевну осмотреть турецкие позиции.

Депп торопливо, чтобы не опоздать, ушел к великому князю, а я к маркитанту, тоже завтракать.

При армии находились полевые контролеры. Они носили очень блестящие мундиры, за что их прозвали золотой ротой[155], и имели право во всякое время невзначай контролировать интендантов. У маркитанта за столом, рядом со мной, уселся очень словоохотливый чин золотой роты. Зашла речь о товарищах, т. е. о Когане, Горвице и К°. Чтобы картинно изобразить, как многие угождают этой компании, контролер рассказал следующий случай: от какого-то казачьего полка агенту «Товарищей» была выдана следующая записка: «Предъявителю сего, Гершке Цукербауму, за поставленный им для полка фураж следует выдать 200 нагаек» и подпись. Гершка русской грамоты не знал и представил записку подлежащему интенданту, который, хотя и вполне грамотный, но, зная, что агентам «Товарищей» выдают только деньги, увидев в записке цифру, отсчитал Гершке вместо нагаек 200 полуимпериалов, а казацкую записку присоединил к оправдательным документам. Может быть, это только плод фантазии контролера; но уже то, что такая фантазия родилась, позволяет думать, что подобные случаи бывали.

От маркитанта я направился снова к Деппу узнать результат. Но Депп стал объяснять, что доложить его высочеству ему не удалось,— помешали. Впрочем, прибавил Депп, время не ушло,— доложу завтра.

На другой и третий день, перед завтраком у великого князя, я приходил к Деппу настаивать, чтобы он поступил по моему совету. Потом я опять приходил к нему узнавать о результате. На второй день — та же отговорка, что и на первый, а на третий узнал, что великий князь, не дослушав доклада, сказал, что Депп опоздал, что в армию уже потребован генерал Тотлебен. Если бы в моих жилах была хотя капля тевтонской крови, то, может быть, пришлось бы вскрикнуть, как Пфуль[156] в 1812 г.: «Ich sagte dass die ganze Geschichte zum Teufel gehen wird»*.

Спустя несколько дней Деппу было приказано ехать в Зимницу, встретить Тотлебена. Депп пригласил меня ехать с ним.

Мы встретили Тотлебена в Зимнице. Подъехав к переправе, вышли из экипажей и по мостам прошли пешком. Тотлебен, увидя сапер 6-го батальона, счел это за хорошее предзнаменование, так как с этим же батальоном он начал свою деятельность и в Севастополе. Он остался доволен и мостом, состоявшим, как уже сказано, и из плотов, и из лодок, и из понтонов. Это свидетельствовало, что мост строился при недостаточных средствах и все-таки был сооружен, как выразился Тотлебен.

Из Петербурга с ним прибыли: состоявший при нем флигель-адъютант полковник Н. К. Шильдер и личный адъютант Тотлебена Мельницкий. Тотлебен, Депп и Шильдер ехали в одном экипаже, а я с Мельницким в другом.

Дня через два главнокомандующий с Тотлебеном и своим штабом отправились под Плевну; поехал туда и Депп, взяв и меня с собою.

Прибыв к Плевне, все расположились биваком на так называвшейся Княжеской горе.

Одновременно с нами прибыл туда же американский делегат. На него нельзя было не подивиться. Он и сопровождавший его русский отставной солдат при-

---

* Я сказал, что вся история идет к черту *(Пер. с нем. изд-ва)*.

ехали оба верхом; солдат вел еще в поводу сильную вьючную лошадь. Американец остановился шагах в 10 от моей палатки. Пока наши денщики суетились, разбирая багаж, и устанавливали палатки, я наблюдал за американцем, который помогал своему солдату разбирать вьюк и расседлывать лошадей. Во вьюке нашлась палатка, под которой с трудом и почти вплотную могло поместиться два человека; нашелся войлок в непромокаемом мешке, нашлись кастрюлька и фляга. Все это обыкновенное явление в походной жизни; но было странно, что американец говорил без умолка по-английски, а солдат усердно поддерживал разговор по-русски. Это, впрочем, не была бестолковая болтовня. Американец, например, говорит, дополняя мимикой, нельзя ли купить говядины? Солдат, поразмыслив, на это отвечает: ну, брат, насчет этого трудно; вишь, сколько понаехало.

Следующие два дня пошли на объезд позиций и осмотр расположения наших войск. В конце второго дня, возвратясь на бивак, великий князь собрал совет, на котором присутствовали: Тотлебен, Непокойчицкий, Криденер и еще два-три генерала, фамилии которых не припомню. Знаю только, что, пока совет рассуждал, начальник инженеров действующей армии, в состав совета не приглашенный, молча бродил около палаток.

На совете Тотлебен предложил отказаться от всяких активных действий, обложить Плевну с западной стороны, отрезать Осману-паше все сообщения и ждать, чтобы турки, съев последний сухарь, сдались военнопленными. Это предложение было принято и утверждено. Оставалось привести его в исполнение.

Обложение Плевны с западной стороны, т. е. на левом берегу Вида, чтобы лишить турок сообщения с Софиею, было поручено генералу Гурко[157], под начальством которого в то время находились все войска Гвардейского корпуса, сосредоточенные у Горного Студня.

По какой-то неизвестной причине, при отряде генерала Гурко находился и начальник инженеров действующей армии. Он взял с собою меня, Рыдзевского, Битнера и, кажется, еще кого-то из инженерных офицеров. Мы отправились из Горного Студня с таким расчетом времени, чтобы 10 октября быть в Иене-Баркаче, лежащем к юго-западу от Плевны, в расстоянии около 18 верст. В это время туда подошли уже все гвардейские войска и имели дневку. Утром 11-го числа Депп направил меня в штаб отряда справиться о часе, назначенном для выступления. Около дома, в котором помещался начальник отряда и его штаб, я встретил генерала Гурко, задумчиво прогуливавшегося. Когда я отдал честь, генерал, обратясь ко мне, спросил: «С кем имею честь?». Я назвал свою фамилию. «По какому случаю?» — последовал новый вопрос. «От генерала Деппа за приказаниями». «Вот здесь штаб»,— сказал генерал и указал на дверь дома.

В комнате, где помещались и канцелярия, и квартира Нагловского, я застал последнего на кровати, в одном белье; он, проснувшись и не вставая с постели, диктовал приказания. От него я узнал, что начальник отряда и все при нем состоящие тронутся с места в 3 часа пополудни и, предварительно, направятся к дер. Медован, чтобы с находящегося там высокого холма, который впоследствии называли Сахарною Головой, осмотреть левый берег Вида; потом направятся к дер. Чириково, на Виде, куда вечером подойдут и все войска, назначенные для атаки Горного Дубняка[158], или правильнее редута, построенного вблизи Софийского шоссе за северной опушкой небольшой рощи молодых дубков. По прибытии в Чириково начальник отряда осмотрел также броды на Виде, обозначенные вешками.

В Иене-Баркаче я и Рыдзевский стояли в одной избе и перед выступлением держали совет, не следует ли взять с собою в кобуры[159] седел какую-нибудь провизию. Ввиду трудности добыть что-нибудь съе-

добное, а также и потому, что Депп слегка намекнул, чтобы мы ни о чем не заботились, мы решили, что следует положиться на него. Ночь была холодная, все покрылось инеем, и все порядком продрогли. Депп и мы сидели в шалаше из соломы. Есть было нечего, а в соломенном шалаше и курить нельзя было. Выйдя из шалаша, я ходил взад и вперед по побелевшей от инея дороге, утоляя голод табачным дымом. Блуждая, я наткнулся на палатку, в которой несколько штабных и ординарцев Гурко пили водку, чай и чем-то заедали. Между ними были и мои знакомые. Они пригласили меня зайти к ним и угостили чем бог послал. Как вышел из трудного положения Рыдзевский, недоумеваю; знаю только, что Депп сам не ел и никому не предлагал угощения.

С бивака у Чирикова войска тронулись до рассвета, перешли Вид — и начался бой под Горным Дубняком.

Об этом бое много и говорили, и писали, но, к сожалению, больше осуждали, нежели хвалили. На то, что было говорено и писано, можно только повторить старинную пословицу: la critique est aisée, l'art est difficile*. И это особенно верно относительно разборов сражений. Разбирая сражение, критик имеет открытые карты обеих сторон и может не только все браковать, но и давать чрезвычайно благоразумные советы; но во время самого сражения, особенно в начале, атакующий может только предполагать, догадываться о том, что делает противник и, следовательно, нередко ошибаться; во время самого боя исправлять ошибку, сделанную в начале и даже иногда до начала боя, бывает не всегда возможно.

Может быть, только что сказанное строгий критик признает пустыми фразами; ну и бог с ним. Дело всетаки в том, что Горный Дубняк взят со всем его гарнизоном и полное обложение Плевны совершилось.

---

*критиковать легко, делать трудно. *(Пер. с фр. изд-ва).*

Критику, который скажет: однако какими огромными потерями эта победа сопровождалась! — на это можно сказать: поезжайте на местность, на которой происходил бой, и, может быть, убедитесь, что иначе и быть не могло.

После взятия Горного Дубняка в ночь на 13 октября я получил приказание заведовать саперными работами на позициях, занятых полками 1-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии. Это было легко приказать, но трудно исполнять, по неимению шанцевого инструмента. Хотя Гвардейский саперный батальон и входил в состав отряда, бывшего под Горным Дубняком, но обоз его и инструментальные фуры[160] оставались на правом берегу Вида. Поэтому в турецкий редут была послана рота семеновцев, собирать оставленный турками шанцевый инструмент.

Полки 1-й бригады 1-й Гвардейской дивизии стали фронтом к Дольнему Дубняку[161]; преображенцы упирались левым флангом в овраг; правее преображенцев стали семеновцы. К полудню оба полка окопались. Для артиллерии тоже были насыпаны эполементы. Правее расположения Семеновского полка, в некотором расстоянии от его правого фланга, находилась долина р. Вид, скрытая высоким ее берегом; по этой долине турки из Плевны и Дольнего Дубняка могли обойти правый фланг нашей позиции.

Я доложил об этом начальнику штаба отряда, генералу Нагловскому, и он приказал удлинить фронт, поставив правее семеновцев еще Измайловский полк.

В ночь (если память мне не изменяет) на 16-е число в долине Вида были замечены какое-то движение и шум, производимый двигающимися войсками. Поэтому было приказано к боевой линии придвинуть резервы. Это происходило в такую темную ночь, что, сидя верхом на лошади, с большим трудом можно было видеть ее уши. Тревога оказалась фальшивою; но должно сказать, что она была и полезною, потому что указала меры, которые следовало принять на бу-

дущее время, чтобы избежать путаницы, обнаружившейся во время фальшивой тревоги.

16-го числа взят Телиш[162]; гарнизон его сдался после сильного, хотя и непродолжительного бомбардирования. Таким же способом имели в виду овладеть и Дольним Дубняком.

17 октября меня послали выбрать места для эполементов, с которых наша артиллерия могла бы бомбардировать все пять небольших редутов, построенных вокруг Дольнего Дубняка. К устройству этих эполементов предполагали приступить утром 18-го. На рассвете этого дня я отправился к избранным для артиллерии местам, чтобы начать насыпку эполементов. Еще издали было видно, что находившийся там в дежурной части батальон Преображенского полка был построен в колонну. Командир батальона, полковник Стрезов, сообщил мне, что ночью он ясно слышал на шоссе стук экипажа и повозок, направлявшихся к Плевне, и что, когда рассвело, на редутах не было видно ни одного турка. Тогда были вызваны охотники осмотреть редуты. Скоро они донесли, что ни в редутах, ни в деревне турок нет, что на улицах валяется только несколько турецких и болгарских трупов и, наконец, что, заглянув в некоторые сараи и кладовые, они видели там закрома, полные кукурузы и ячменя. Это свидетельствовало, что турки оставили Дольний Дубняк второпях, не забрав и не уничтожив запасы.

С этим известием поскакали в штаб отряда и, по его распоряжению, весь отряд (1-я Гвардейская пехотная дивизия) двинулся к Дольнему Дубняку и, пройдя эту деревню, стал располагаться по предположенной линии обложения Плевны. Правее всех стали преображенцы, имея правый фланг почти на самом краю спуска в долину Вида, на небольшом холме. Общее направление фронта шло от этого пункта (впоследствии носившего название редута Киевского гренадерского полка) на курган, называвшийся Копаной могилой. Левее преображенцев стали семеновцы и из-

майловцы. Немедленно было приступлено к постройке укреплений, состоявших из батарей и траншей. Только на некоторых пунктах, имевших тактическое значение, устраивались укрепления, открытые с горжи[163] почти полевой профили. Линия обложения, занимаемая 1-й Гвардейской пехотной дивизией, была длиною около 4 верст. Левее гвардейцев стояла уже 3-я гренадерская дивизия, упирая свой левый фланг в ручей, протекающий через Дольний Нетрополь и впадающий в Вид. Эта линия проходила в порядочном расстоянии впереди Дольнего Нетрополя. Еще левее, за ручьем, до Вида, стояли румыны. На левом берегу Вида линия обложения, занимаемая гвардейцами и гренадерами, была длиною около 8 верст.

От правого фланга преображенцев до р. Вид, в его долине, стояла 2-я бригада 3-й Гвардейской дивизии.

Таким образом, через 2—3 дня после того, как турки добровольно очистили Дольний Дубняк, кольцо, охватывавшее Плевну, было окончательно замкнуто и Осман-паша лишился всех своих сообщений.

Левый берег Вида, в пределах расположения наших войск обложения, довольно правильно и некруто спускается к Виду. Потом, по направлению реки и местами в большом от нее расстоянии, местность круто спускается, образуя значительную и по крутизне, и по высоте складку местности, за которой скрывается низменный берег Вида, или дно его долины. Напротив, правый берег, начинаясь у самой реки, круто подымается на довольно большую высоту. Поэтому, для того чтобы с нашей стороны можно было обстреливать турецкие укрепления, построенные на самых высоких точках правого берега, мы должны были линию обложения подать назад, через что увеличилась и общая длина всего нашего расположения.

Около того времени, когда наши войска расположились впереди Дольнего Дубняка, меня потребовали в штаб отряда обложения, который находился в дер. Тученица. Там я остановился у Н. К. Шильдера, от

которого удавалось узнавать разные новости, более или менее интересные.

Генерал Тотлебен приказал мне оставаться в Тученице, пока он сам не поедет на левый берег Вида, и, в ожидании чего, поручил мне составить чертежи типов батарей, траншей и т. п. по тем указаниям, которые он мне дал. Пришлось пробыть в Тученице дня четыре, а затем, представив чертежи, отправиться в Тернин ожидать там Тотлебена.

В этот промежуток времени гвардейский отряд ушел к Софии, а на линию обложения, вместо 1-й Гвардейской пехотной дивизии, вступила 2-я гренадерская. В Дольний Дубняк прибыл также и командир гренадерского корпуса, генерал И. С. Ганецкий[164].

Отправясь из Тученицы рано утром, я в тот же день к вечеру приехал в Тернин. На следующее утро туда прибыли генерал Ганецкий и начальники гренадерских дивизий: 2-й — генерал Свечин[165] и 3-й — генерал М. П. Данилов[166]. Почти вслед за ними приехал и генерал Тотлебен. После представления командира корпуса и начальников дивизий, Тотлебен обратился к Ганецкому и объяснил ему свои предположения, а затем, указав на меня, сказал: «Полковник Мазюкевич назначен мною заведовать всеми саперными работами на участке гренадерского корпуса; он имеет от меня все необходимые указания. Прошу вас содействовать и помогать ему».

Тотлебен по опыту, конечно, знал, что между войсковыми начальниками и инженерными офицерами нередко происходят недоразумения. Его фраза, обращенная к Ганецкому, много облегчила исполнение возложенного на меня дела.

Осмотрев линию, на которой расположились гренадеры, Тотлебен приказал выдвинуть ее вперед и, сделав еще некоторые указания относительно устройства на ней укреплений, отправился на румынский участок.

Порученная мне линия обложения, как уже сказано, была длиною до 8 верст. В мое распоряжение была прислана рота сапер (4-го батальона), при которой, кроме командира роты, было три или четыре младших офицера.

Кроме того, ко мне в помощники назначили капитана Битнера.

И. С. Ганецкий, хотя иногда и любил покричать, но в душе был добрейший, гостеприимный и внимательный человек. В самом начале он пригласил меня приезжать к нему ежедневно обедать. Я отказался, отговариваясь тем, что, проводя на лошади весь день с утра до вечера, я не всегда бываю свободен в обеденное время и, что, кроме того, обедая дома, хотя очень невкусно, но зато могу быть без сюртука и с последней затяжкой папиросы могу немедленно повалиться на кровать и заснуть полчасика. Эта откровенность развеселила старика и, похлопав меня по плечу, он сказал: «Это верно, полковник, совершенно верно; служба прежде всего».

Нелегко было справиться с укреплением линии обложения на протяжении 8 верст. Приходилось самому делать разбивку почти каждого укрепления, каждой траншеи, имея помощниками трех молодых саперных офицеров. При мне состоял еще, как уже сказано, капитан Битнер, но от него было мало пользы. Для подтверждения приведу следующий случай. Однажды, пригласив к себе в палатку всех состоящих при мне офицеров для отдачи им некоторых приказаний, я заметил Битнеру, что, приехав на днях на его участок, я увидел, что смену рабочих делает саперный унтер-офицер. Поэтому строевые офицеры были правы, держась в стороне и относясь безучастно к смене рабочих. Унтер-офицер кричал, суетился, а толку не выходило. Считая это беспорядком, я требовал, чтобы при смене рабочих непременно присутствовали офицеры. Битнер на это заметил, что при смене он никак присутствовать не может, потому что смена произ-

водится в такое время, когда он *должен обедать* у корпусного командира. Битнера оправдывало лишь то, что он действительно любил поесть и при этом заявить, что он женат на красавице, дочери придворного священника. Несколько лет тому назад Битнер перерезал себе горло и отправился к праотцам. Да простит ему бог всякие прегрешения.

Весь гренадерский участок линии обложения был разделен поровну между обеими дивизиями. Каждая из них постоянно занимала свою часть двумя полками, а два других оставались в резерве; полки сменялись через 24 часа. К такой утомительной службе присоединилась переменчивая, сырая погода, и в полках было много больных. Явилась настоятельная необходимость, каким бы то ни было способом, облегчить службу полков.

Около 24 ноября, часов в 6 вечера, казак привез мне из штаба корпуса записку, в которой было сказано, чтобы я немедленно прибыл к генералу Ганецкому. Ну, подумал я, вероятно, получено известие, что турки намерены сделать усиленную вылазку. Вслед за мной прибыли к генералу Ганецкому начальники обеих дивизий, пришел и начальник корпусного штаба. Когда все уселись, генерал прочел нам полученную им от генерала Тотлебена телеграмму. В ней было сказано, чтобы ввиду облегчения войск сделать неотлагательно следующее распоряжение: для занятия укреплений назначать от каждой дивизии один полк, а другой оставлять в резерве, в полной готовности к выступлению по первому требованию; два же остальных полка каждой дивизии должны оставаться на биваке, на полном отдыхе. Едва была прочтена эта телеграмма, генерал Свечин стал возражать, что в случае вылазки турок, пока подойдет резерв, полк, занимающий укрепления, будет опрокинут. После нескольких продолжительных рассуждений на ту же тему сперва решили телеграфировать Тотлебену, что его распоряжения исполнить нельзя. Потом нашли,

что лучше послать к нему начальника корпусного штаба, лично доложить о том же, но более подробно. В течение всего времени я только слушал, не сказав ни слова. Тогда генерал Ганецкий обратился ко мне с вопросом: «А вы, полковник, какого мнения?».

— Я полагаю, что, прежде всего надо исполнить приказание начальника отряда обложения, а после, пожалуй, можно просить об изменении или даже об отмене первоначального приказания. Начальник отряда, вероятно, имеет основание делать такое распоряжение,— был мой ответ.

Поговорив еще немного об опасности иметь в укреплениях по одному полку от дивизии, все поднялись со своих мест и направились к двери. Как младший, я пропустил вперед генералов и, когда хотел следовать за ними, почувствовал, что меня удерживают за рукав; я обернулся, это был генерал Ганецкий.

— Это, полковник, совершенно верно,— сказал почтенный Иван Степанович,— прежде исполняй приказание, а потом проси об изменении его. Это верно.

— Так точно. Это верно всегда, а на войне еще больше, чем во всяком другом случае.

— Благодарю вас, полковник. Поезжайте домой и ложитесь спать. До свидания,— попрощался со мной генерал.

На дворе моросил дождь и была такая тьма, что если бы не костер, горевший почти у самого крыльца, то было бы нелегко попасть ногою в стремя. Выехав со двора, следовало проехать по грязному переулку, потом по шоссе добраться до околицы деревни и затем свернуть на дорогу, ведущую к бивaку саперной роты, где была и моя палатка. Этот последний участок дороги пересекала небольшая, но с болотистым дном канава, на которой был мостик, шириною $1-1^1/_2$ шага. Так как, выехав на шоссе, я не слышал, чтобы казак следовал за мной, то окликнул его; ответа не последовало. Немного спустя казак догнал меня.

— Эй, Прутков, ты видишь дорогу?

— Так точно; как не видеть.

— Скажи, когда будет нужно сворачивать к бивакy.

— Слушаю, ваше вскобродие.

Проехали еще немного, и казак крикнул.

— Направо, ваше вскобродие.

— Прутков, мостик видно?

— Видать.

— Ну, так поезжай вперед, а я за тобой; да смотри, чтобы не попасть в канаву.

— Никак нет; помилуйте, зачем!

— Почему ты оставался на дворе корпусного, а не ехал вслед за мной?

— Седло поправить надо было.

Приехали. Пламя костра осветило Пруткова, и я заметил, что он держит бревно, положенное поперек на луку седла.

— А это что?

— Топливо, ваше вскобродие.

— Какое топливо? Где ты взял бревно?

— Это, ваше вскобродие, я у корпусного с конюшни стропило снял. Все равно недолго тут оставаться, а у нас и самовара вскипятить нечем; кукурузные шишки давно все пожгли.

Подъехав рано утром, 26 ноября, к центру нашего расположения, откуда виден был мост на реке Вид, я заметил, что рядом с этим деревянным на каменных устоях мостом турки устанавливают другой мост, на деревянных козлах. Помешать этой работе артиллерийским огнем было невозможно, по причине большого расстояния от наших батарей до мостов.

Я поехал доложить об этом генералу Ганецкому.

От него я узнал также, что еще накануне последовало распоряжение перевести румынские войска, стоявшие левее 3-й гренадерской дивизии, на правый берег Вида и что на их местах уже стоит бригада 5-й дивизии, именно Архангелогородский и Вологодский полки.

Следовало заключить, что в штабе отряда обложения было известно, что турки намерены пробиваться сквозь блокаду в северо-западном направлении, на Рахово. В этом предположении убеждало и то, что была сделана проба, во сколько времени 16-я пехотная дивизия может прибыть кратчайшим путем с Зеленых гор к правому флангу 2-й гренадерской дивизии и стать за Киевским гренадерским полком.

Около того же времени в распоряжение генерала Ганецкого был прислан Генерального штаба полковник Фрезе.

Со стороны Плевны доносился шум и скрип колес турецких арб, которые собирались на отлогости, влево от шоссейной дороги, непосредственно у выхода из Плевны. Эта отлогость не была видна ни с одного пункта линии обложения.

Все указывало, что выступления турок следовало ожидать с часу на час.

Действительно, перед рассветом, 28-го числа, турки перешли Вид и направились в расположение 3-й гренадерской дивизии[167]. В этот день Плевна пала, и вся 30—35-тысячная армия Османа-паши сдалась военнопленными. Это был последний, нанесенный туркам тяжелый удар, после которого до самого Адрианополя наши войска, хотя иногда встречали более или менее упорное, но уже непродолжительное сопротивление. Падение Плевны послужило как бы сигналом, после которого турки оставили Араб-Конак[168], Шипку и другие пункты. От Адрианополя же до Сан-Стефано наши войска не встречали уже никакого сопротивления.

Пока Главная квартира и все полевые управления стояли в Адрианополе, я был послан осмотреть так называемый Твардицкий перевал, с целью удостовериться, не могут ли по этому перевалу пройти артиллерийские обозы (зарядные ящики), оставшиеся по северную сторону Балкан. Исполняя это поручение, мне пришлось побывать в городе Сливне. Там

на ночь меня приютил генерал Даме. Он помещался в том самом доме, где в 1829 году жил гр. Дибич-Забалканский[169]. По возвращении в Адрианополь дело уже стояло так, что все чины, не состоявшие в строевых войсках, переехали в Сан-Стефано по железной дороге.

В Сан-Сгефано жизнь проходила совершенно мирно; усиленная деятельность настала лишь для дипломатов, так как шла речь о Сан-Стефанском прелиминарном мире. Все же не дипломаты скучали и от нечего делать ходили без всякой цели; а если иногда и рождалась цель, то она почти исключительно заключалась в отыскании свежих устриц или омаров, которых вытаскивали живыми из кадок с морской водой и варили в присутствии желающих полакомиться.

В день покушения на священную особу Императора Александра II, 4 апреля[170], и в память избавления Его Величества от опасности, в греческой церкви наше духовенство служило обедню и молебствие, после чего состоялся парад от гвардейских полков.

Наконец настал день подписания прелиминарного мира[171]. С утра войска сняли свои палатки и были выведены в поле; пехота с полным числом патронов в сумках, а артиллерия с передками, полными зарядов. Правый фланг был очень недалеко от шоссе, идущего от Сан-Стефано в Константинополь. Видно было, как по шоссе, в течение нескольких часов, много раз проезжала взад и вперед карета, в которой сидели турецкие чиновники. Время между тем шло и никакой перемены не последовало. Часов около 3—$3^1/_2$ из города по шоссе выехал главнокомандующий со своей свитой и остановился, не съезжая с дороги, немного впереди фронта выстроившейся армии. Великий князь, обращаясь к сопровождавшим его, с жаром о чем-то говорил, даже размахивал руками. Некоторые, мнящие себя всезнающими, впоследствии говорили, что рассерженный медленностью и увертками турок великий князь объявил, что если к такому-то часу

ему не будет вручен подписанный договор, то он прикажет всем войскам наступать на Константинополь. Около 5 часов вечера в Сан-Стефано промчалась карета, кажется, сопровождаемая небольшим конвоем, а через несколько минут из Сан-Стефано выехала в карьер открытая коляска, в которой стоял гр. Н. А. Игнатьев[172] с обнаженной головой, держа в руках лист бумаги. Приняв бумагу, привезенную Игнатьевым, его высочество повернул лошадь к войскам, снял фуражку и махнув как ею, так и сложенным вчетверо листом бумаги, что-то прокричал. Хотя крика никто не разобрал, но всем было ясно, что мир заключен. На приветствие великого князя последовало громкое «ура»; оно переходило от одной части войск к другой и долго не умолкало.

Главнокомандующий пожелал пропустить мимо себя все войска, чтобы лично поздравить с заключением мира каждую часть.

Последние части войск проходили мимо его высочества, когда было уже темно.

В течение этого достопамятного дня погода менялась несколько раз: ясная и теплая сменялась дождем с холодным ветром. Почти все, а во всяком случае большая часть бывших на параде, стремительно направились праздновать заключение мира в устроенный на русский лад ресторан Боске. Желающих заняться этим важным делом было так много, что скоро истощились все запасы ресторана, и содержатель его телеграммою потребовал из Константинополя резервы, которые в скором времени и прибыли на экстренном пароходе. Празднество начинало приходить к концу, как в зал вошел граф Павел Андреевич Шувалов[173] и громким голосом поздравил пировавших с окончанием трудной военно-походной жизни. В огонь было подлито масло: пир возобновился с новой силой. Восторженная молодежь подхватила графа на руки и

при криках «ура» перенесла его в дом, где он квартировал*.

На следующее утро объяснилось, что граф Павел Андреевич, возвращаясь от его высочества, заметил, что ресторан ярко освещен и оттуда слышался нестройный шум. Узнав, что в ресторане собрались праздновать заключение мира, граф пожелал лично поздравить молодежь, к которой он всегда был весьма внимателен.

Скоро после заключения мира было дозволено (кажется, неофициально) увольнять офицеров на короткое время в Константинополь. Сперва разрешали ездить туда в партикулярном платье, а потом разрешили и в военном. В тот же день на улицах Сан-Стефано, на разостланных коврах, где продавались разные вещи (бирюза, кальяны, трубки, табак, женские турецкие костюмы и т. п.), появилось и штатское платье. Ежедневно пароход и поезда железной дороги увозили множество наших переодетых офицеров. Нужно заметить, что во время похода по Болгарии, от Дуная до Сан-Стефано, мало представлялось случаев бросать деньги, как говорится, зря; поэтому было с чем ездить в Константинополь, откуда многие возвращались как бы освеженными, а кто, не воздержась, в течение нескольких дней, проведенных в султанской столице a brûlé la bougie des deux bouts**, тот, конечно, возвращался в пасмурном настроении духа.

Еще во время перемирия, когда Главная квартира находилась в Адрианополе, туда явился из Константинополя весьма приличный грек и открыл на скорую руку лавку, в которой продавались вина, всякие деликатесы, сигары, рукодельные произведения турчанок, турецкие костюмы от туфель до фески и т. п. В этой лавке всегда можно было встретить множество офицеров, и в числе их даже очень высокопоставленных лиц. Одни покупали очень диковинные

---

* Квартира графа была почти против ресторана Боске.

** зажигал свечу с обоих концов... *(Пер. с фр. изд-ва).*

вещи; более же положительные усаживались за стол, стоявший посередине лавки, и пили вино, закусывая разными снадобьями, служащими для расстройства желудка. Часто бывая в этой лавке, я познакомился с хозяином, говорившим по-французски. Однажды он предложил мне свою карточку, прося побывать у него, когда вступим в Константинополь». «Да почему вы думаете, что мы вступим в Константинополь?»,— спросил я. «Oh, là-dessus il n'y a aucun doute»*,— ответил грек и прибавил: «Жаль, что не идете туда теперь же. Все христианское население приготовилось встретить вас с хлебом-солью».

Приехав в Константинополь, я отыскал моего грека. Он встретил меня радушно. В тот же день прикомандировал ко мне своего молодого брата в качестве проводника и пригласил к обеду в 7 часов вечера. Мой чичероне[174] живо отыскал пару верховых лошадей и пешего проводника — мальчика-турка. Хотя по временам мы ехали рысцой, но наш мальчуган, пробегая множеством закоулков и проходных дворов, через небольшие промежутки времени всегда появлялся впереди нас.

Сперва мы направились к Софии; но попасть в этот древний храм не могли потому, что вследствие скопления в султанской столице большого количества народу, в соборе помещались больные тифом и оспою; пришлось ограничиться наружным осмотром. Стена, окружающая Константинополь и много веков защищавшая Византию от внешних врагов, прикрывает ее с севера, запада и юга. Она, как известно, тянулась от Черного до Мраморного моря. Теперь от этой стены осталась только часть, охватывающая древнейшую часть города, лежащую от западной стороны так называемого Золотого Рога. Местами стена полуразрушена; в других местах, особенно по берегу Мраморного моря, к ней прилепились грубые каменные стены, образуя жалкие жилища, большею частью на-

* О, в этом нет никаких сомнений... *(Пер. с фр. изд-ва).*

селенные христианами. Мой проводник не мог даже приблизительно указать ворот, на которых висел щит Олега[175]. Таким образом, осмотр двух наиболее замечательных древностей далеко не соответствовал моим ожиданиям, хотя на это было употреблено часов 8—9 времени.

На греческом обеде присутствовали два старых, должно быть, именитых, почтенных грека. Они подтверждали слова хозяина, что русских приготовились встречать хлебом-солью и вступлению русских в Константинополь турки не могли бы оказать препятствия.

По совету моего приятеля грека, после обеда я отправился в театр, почему-то называемый «хрустальным дворцом», слушать французскую оперетку на турецком языке. Давали «Petit Fanst». Содержатель театра, вероятно, чтобы удовлетворить местному вкусу, не заботился о голосах своих певцов; он старался только, чтобы на сцене появлялись молодые и красивые актрисы; певцы же, дюжие восточные люди, имели такие же синие бороды[176], как у продавцов халвы в петербургском Гостином Дворе, на вербной неделе. В огромном фойе, установленном небольшими столиками для публики, тоже устроен помост, на котором в антрактах поют шансонетки, кувыркаются клоуны и гимнасты или играет женский оркестр. Публика, усевшись за столиками, пьет, ест, курит папиросы; кругом говор на всех языках. В описываемое время больше других слышалась речь русская, а за нею второе место занимал певучий говор итальянцев. Немцы хриплыми голосами громко выкрикивали: das Bier (пиво); итальянки требовали lait de poule (гоголь-моголь), т. е. пойло, составленное из стакана горячего молока с разболтанным в нем сырым яйцом; англичане процеживали сквозь зубы: some cherry, please (немного шерри, пожалуйста). Едва ли найдется город, в ресторанах и гостиницах которого масса слуг и

служанок говорила бы на всех языках, как это встречается в Константинополе.

Побывав в Константинополе, нельзя уехать оттуда, не увезя с собою настоящего турецкого табаку. По справкам оказалось, что даже и настоящий турецкий табак продает англичанин, магазин которого находится недалеко от тоннеля, служащего для спуска к плавучему мосту на судах через Золотой Рог. Англичанин, типичный и степенный торговец, товаров своих не навязывает, но зато и заламывает степенные цены: за око (3 ф.) табаку, который будто бы курит сам падишах, пришлось заплатить 3 полуимпериала[177].

Нельзя не упомянуть, что турки, простонародье, солдаты и вообще все военные, весьма симпатичны. В них есть какая-то особая, деликатная, ни для кого не обидная гордость или, вернее, сознание собственного достоинства. Но это, кажется, скоро утрачивается, когда представляется случай грабить. Об этом, конечно, вернее других могут сказать болгары. Но, может быть, страсть к грабежу проистекает и из других причин.

По возвращении из Константинополя, придя однажды на пристань в Сан-Стефано, я от нечего делать вместе с другими смотрел на сновавшие по морю пароходы, каики и проч. Недалеко от пристани стоял под парами пароход, приготовленный для его высочества, имевшего намерение ехать в Константинополь. Проходя по пристани, всегда приветливый, великий князь обратился ко мне:

— Что, отдыхаешь? Ты не хочешь ли побывать в Петербурге?

— Так точно, ваше высочество. Мне даже необходимо ехать туда: дочь кончает воспитание и надо ее устроить.

— Что же, поезжай. И, обратясь к своему лейб-медику[178] Обер-Миллеру, прибавил: Дай ему свидетельство о болезни; иначе я не могу отпустить его.

Через несколько дней я уехал в Одессу на пароходе Русского общества[179], не помню, на «Церере» или «Юноне», но во всяком случае на какой-то мифологической богине. Так как богиня должна была отправиться в путь рано утром, то все отправляющиеся прибыли на пароход с вечера. На этом пароходе возвращались в Россию: Кубанская казачья сотня под начальством флигель-адъютанта Жукова, генерал Тяжельников и я. Генерал Черевин[180] должен был сесть на пароход в Константинополе. Часов в 8—9 вечера все пассажиры, вместе с капитаном парохода и его помощником, при совершенно тихой погоде, сидели в каюте за чайным столом и мирно разговаривали. Вдруг пароход покачнуло и последовал подземный удар; через несколько секунд повторилось то же самое. Это землетрясение, довольно слабое в Сан-Стефано, было несравненно сильнее в Константинополе. Как потом говорили, в Сан-Стефано попадали две-три лошади да трещали дощатые балаганы, в которых помещались рестораны и театр; в Константинополе же землетрясение повредило несколько домов.

Подойдя к Константинополю, наш пароход остановился для исполнения различных формальностей. Пождали еще некоторое время прибытия генерала Черевина и, наконец, отправились в Босфор и в Черное море. На европейском берегу этого картинного пролива длинною линией тянутся великолепные дворцы, султанский гарем, роскошные дачи иностранных послов и вообще богачей; все они утопают в зелени, под тенью темных, почти черных кипарисов. Эта линия всяких хором начинается почти у Топхане (арсенала) и тянется до Арнаут-киой, т. е. на протяжении более десяти верст. Азиатский берег представляет довольно скудный вид: пройдя Скутари[181], лежащий против Золотого Рога[182], встречаются небольшие деревни, казармы и на каждом выступающем вперед углу берега батареи, орудия которых направлены вдоль пролива к Черному морю.

Из Босфора мы выходили, когда начинало смеркаться; погода изменилась, ветер свежел, над морем стояла мгла, волны Черного моря приняли тяжелый, свинцовый цвет. Мы провели в море полтора суток и в Одессу прибыли на второй день рано утром.

Приехав в Петербург и представившись своему начальству, я заехал в Военно-ученый комитет к генералу Н. Н. Обручеву[183], с которым познакомился еще в 1860 г. в Лондоне. Потом в 1875 и 1876 гг. был назначаем в его распоряжение в числе прочих офицеров Генерального штаба, артиллерийских и инженерных, для рекогносцировок нашей западной границы.

Генерал Обручев тогда же сообщил мне, что, так как Берлинская конференция[184] не обещает удовлетворительного результата, то предположено формировать другую армию на случай войны с Австрией, что главнокомандующим будет государь наследник[185], а его начальником штаба генерал Обручев. Вместе с тем он предложил мне занять пока место помощника начальника инженеров этой предположенной действующей армии. Я согласился.

— Но,— заметил генерал Обручев,— с условием на днях же ехать на р. Днестр, для устройства на ней переправы и операционной базы.

Получив согласие и на это условие, генерал приказал на следующий же день ехать с ним в Царское Село, где он хотел представить меня наследнику цесаревичу.

Государь наследник был очень милостив, подал руку и в заключение сказал:

— Данное вам поручение очень важно и может понадобиться или очень скоро, или никогда. Поезжайте скорее и, не теряя времени, приступайте к делу.

На исполнение разных формальностей ушло дня три, и затем я отправился в г. Могилев на Днестре. В помощники ко мне опять был назначен капитан Главацкий. Скоро по приезде в Могилев туда пришла из Киева запасная саперная рота.

Немедленно приступили к устройству переправ у Хотина, Могилева и у хутора Жванца. Кроме того, нужно было определить направление для прокладки железной дороги от ст. Жмеринка к Могилеву на Днестре.

Когда все наши работы были в полном ходу, Берлинская конференция тоже окончила свое дело, и благодаря честному маклеру[186] был заключен мир, возмутительный для каждого русского.

Вслед за этим последовало распоряжение: все заготовленное на Днестре продать с аукциона или спустить вниз по реке и сдать Бендерскому крепостному инженерному управлению.

На этом оканчиваются воспоминания мои о походной жизни в последнюю кампанию, жизни, как мог убедиться благосклонный читатель, переполненной многими невзгодами и неурядицами; но теперь, уносясь воспоминаниями на много лет назад, невольно дурное изглаживается из памяти и с удовольствием воскрешаешь в себе давно забытые образы людей, с которыми судьба так тесно связывала. Я вернулся в Петербург и обыденная жизнь снова потекла своим течением.

М. Мазюкевич

КОММЕНТАРИИ

К. И. Бачевский

Воспоминания о походе 18-го пехотного Вологодского полка в Турцию в 1877–1878 годах

[1] *Война сербов с турками в 1876 году* — летом 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание против турецкого гнета. Ввиду отказа Турции облегчить положение боснийцев, Сербия и Черногория 20 июня 1876 г. объявили ей войну. Война всколыхнула русское общество, всегда сочувственно относившееся к освободительному движению балканских славян; в России появились славянские комитеты, собиравшие средства в помощь сербам, в Сербию отправилось много добровольцев из России, а русский генерал Черняев стал главнокомандующим сербскими силами. Война завершилась перемирием 20 октября 1876 г., на которое Турция, нанесшая противникам ряд поражений, согласилась по требованию русского посла в Стамбуле. Война стала прелюдией к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

[2] *Черняев* — Михаил Григорьевич (1828–1898), участник обороны Севастополя, отличился в военных действиях в Туркестане, завоевав большую часть его территории и взяв крепости Аулие-Тепе, Чимкент и

Ташкент. Находился в консервативной оппозиции к бюрократической верхушке, был солидарен со славянофилами. С началом сербо-турецкой войны был приглашен сербским князем Миланом для руководства военными действиями. Несмотря на запрещение, уехал в Сербию, где был назначен главнокомандующим сербской армией, что способствовало наплыву русских добровольцев в нее. При начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пытался вступить в действующую армию, но был оставлен за штатом, уехал на Кавказ, где его способности также не были использованы.

3 *Киреев* — Николай Алексеевич (1841–1876), русский кавалерийский офицер, активный член славянского благотворительного комитета. В 1876 г. организовал отправку русских добровольцев в сербскую армию, а затем и сам вступил в нее под именем Гаджи-Гирея. Одержал ряд побед над турками; 12 сентября 1876 г., командуя крупными силами сербов, был убит под Раковичами.

4 *Разгром сербской армии под Дюнишем* — 17 октября 1876 г.

5 *Решительное слово в Бозе почившего Государя Императора* — Александра II, скончавшегося ко времени написания воспоминаний. Выступил с резким демаршем против Турции.

6 *Призыв запасных солдат* — в результате Военной реформы 60–70-х гг. в связи с сокращением сроков воинской службы образовался кадр вышедших в запас обученных солдат. Это позволяло в мирное время держать сокращенную армию, разворачивая ее в военное время за счет запасных.

7 *Воинская конская повинность* — помимо людской воинской повинности в ходе Военной реформы 60–70-х гг. была введена военно-конская повинность, по которой население должно было поставлять в армию лошадей определенных статей под обозы, артиллерию и кавалерию. С этой целью периодически в уездах

проводились конские смотры и составлялись списки хозяев, лошади которых подлежали мобилизации.

8 *Отточка штыков и другого холодного оружия* — в целях безопасности в мирное время все холодное солдатское и офицерское оружие носилось тупым. «Отпускали» его по особому приказу.

9 *«Коль славен»* — «Коль славен наш Господь в Сионе» — старый русский государственный гимн, исполнявшийся наравне с «Боже, Царя храни».

10 *Нестроевой двор* — т. е. нестроевые солдаты, исполнявшие в воинской части разного рода хозяйственную службу, нестроевые лошади и обозное имущество.

11 *Фельд-марш* — торжественный барабанный бой, сопровождавший прохождение воинской части мимо квартиры командира.

12 *Парадировать* — проходить торжественным, парадным маршем.

13 *Не имели понятия об обращении со скорострельным оружием* — после окончания Крымской войны в русской армии шли постоянные поиски наилучшей системы нарезного казнозарядного ружья. После опробования ряда отечественных и зарубежных систем, на короткий срок поступавших на вооружение, поиски закончились введением (сначала в гвардии и стрелковых батальонах) американской винтовки Бердана, в 1870 г. переработанной русскими оружейниками и до 1891 г. состоявшей на вооружении. Запасные, прошедшие действительную службу ранее, были незнакомы с новым оружием.

14 *Глазомерные команды* — введение дальнобойных нарезных ружей с переменным прицелом требовало от солдат умения определять дистанцию огня на глаз. Запасные солдаты, не умевшие обращаться с таким оружием, естественно, не имели и навыка определения дистанции.

[15] *Великий князь Николай Николаевич Старший* — (1831–1891), третий сын Николая I. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. главнокомандующий русской армией, действовавшей на европейском театре. По окончании войны получил чин генерал-фельдмаршала.

[16] *Непокойчицкий* — Артур Адамович (1813–1881), генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В войну 1877–1878 гг. начальник Главного штаба армии, действовавшей на европейском театре.

[17] *Раскольники* — православные, не принявшие церковной реформы патриарха Никона в середине XVII в. и не признававшие официальной, Синодальной православной церкви. Подвергаясь административным преследованиям, бежали в глухие леса Русского Севера, Поволжья, Урала и Сибири, либо в сопредельные страны, например, в Румынию, где в Белой Кринице образовалась даже своя старообрядческая иерархия.

[18] *Кнорринг* — Александр Владимирович (1822–1882), генерал-майор, помощник начальника 5-й пехотной дивизии, участник взятия Никополя и атаки Плевны, при которых получил серьезное ранение.

[19] *«Вечерняя заря»* — особый сигнал пехотных рожков или кавалерийских труб, обозначавший окончание дня, когда проходили учения, совершались переходы и проч.

[20] *Кизяк* — большие «кирпичи» из высушенной смеси скотского навоза и соломы. В степных районах кизяк служил топливом. Вероятно, все же речь идет здесь о самане — таких же кирпичах из высушенной смеси глины и соломы, внешне напоминающих кизяк.

[21] *Маркитант* — в войсках, с дозволения начальства, частное лицо, занимавшееся мелочной торговлей в расчете на солдат и офицеров. Маркитантские повозки следовали вместе с воинским обозом.

[22] *Пуд* — старая русская мера веса, 16,4 кг.

[23] *Постолы* — вид народной обуви: кусок выделанной кожи с продетым по кромкам длинным ремешком. Кожа закладывалась в складки вокруг стопы и обтягивалась ремешком, крест-накрест оборачивавшимся вокруг голени.

[24] *Жупан* — верхняя одежда на Украине и в Польше: однобортная, длинная, с открытым воротом, без воротника, с откидными рукавами с разрезами.

[25] *Петр Михайлов* — псевдоним Петра I, который он принимал в неофициальной обстановке, например, при выездах за границу.

[26] Ш*ильдер-Шульднер* — Юрий Иванович (1816-1878), генерал-лейтенант, начальник 5-й пехотной дивизии, участник взятия Никополя и атаки Плевны.

[27] *Милиция* — здесь: добровольческое ополчение.

[28] *Гонт* — кровельный материал в виде коротких узких дощечек, одна из кромок которых была у́же и входила в паз в более широкой кромке соседней дощечки.

[29] *Префект* — глава городского самоуправления.

[30] *Музыка* — здесь: полковой оркестр.

[31] *Верста* — старая русская мера длины в 1067 м.

[32] *Фокшаны* — город в Молдавии, на территории Румынии. В русской военной истории известен победами над турками Потемкина в 1770 г. и Суворова в 1789 г.

[33] *Первый день провозглашения независимости Румынии* — 10 (22) мая 1877 г.

[34] *Рымник* — речка в Валахии, где в 1789 г. Суворов одержал победу над турками.

[35] *Цыганский пот* — образное выражение, обозначавшее дрожь, озноб от холода.

[36] *Дубасов, Шестаков* — Дубасов Федор Васильевич (1845–1912), адмирал; в войну 1877–1878 гг. командир минного катера в составе Дунайской флотилии. 14 мая 1878 г. вместе с тремя другими катерами атаковал и потопил турецкий броненосец «Сейфи», участвовал в минных постановках у Гирсова, Мачина, Силистрии, обеспечивавших безопасность русских переправ через Дунай от турецких кораблей; Шестаков Александр Павлович (1848—1903), командир минного катера «Ксения», участник атаки на турецкий броненосец «Сейфи».

[37] *Ружья Шаспо* — точнее, Шасспо; французское казнозарядное нарезное ружье калибром 10,9 мм под бумажный патрон, разработанное в 1866 г. и недолго состоявшее на вооружении французской армии. В виде испытания ружьями Шасспо были вооружены некоторые части русской армии. Вместо обычных штыков на них крепились длинные штыки-сабли.

[38] *Жены-самарянки* — самарянин, или самаритянин — евангельский персонаж, житель Самарии, проявивший сердоболие.

[39] *Гауптвахта* — воинское учреждение при гарнизоне, состоявшее из помещения для караула и арестованных солдат и офицеров; перед зданием находилась платформа («плац-форма»), площадка для построения караула в торжественных случаях, со стойками для знамени и барабанов, с козлами для ружей караула и грибком с колоколом для часового.

[40] *Ружье Пибоди* — американская винтовка системы Пибоди—Мартини, однозарядная, под металлический патрон калибра 11,4 мм, с качающимся затвором. Находилась на вооружении турецкой и румынской армий.

[41] *Скопцы* — сектанты, для умерщвления плоти и достижения небесного блаженства практиковавшие оскопление (кастрацию) мужчин и удаление грудей у женщин. В России преследовались как особо вредная

изуверская секта. Нередко бежали от преследований в сопредельные страны, в т. ч. в турецкие владения за Дунай.

42 *Бруствер* — здесь: широкая насыпь перед артиллерийской батареей, прикрывавшая орудия и орудийную прислугу от огня противника.

43 *Монитор* — мелкосидящий тихоходный, сильно бронированный, низкобортный, с минимальным количеством надстроек боевой винтовой корабль, вооруженный одним-двумя орудиями крупного калибра. Предназначались для обороны прибрежных вод и устъев широких рек.

44 *Криденер* — Николай Павлович (1811–1891), барон, генерал от инфантерии. В войну 1877–1878 гг., командуя 9-м армейским корпусом, взял турецкую крепость Никополь, но затем, 18 июля, потерпел поражение под Плевной. Во время зимнего перехода через Балканы командовал левой колонной в отряде генерала Гурко.

45 *Черкесская кавалерия* — в результате Кавказской войны многие горские племена (шапсуги, абадзехи, адыги) полностью или частично переселились в Турцию: альтернативой было переселение на равнину. Там они составили иррегулярную кавалерию, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. своей непримиримостью, жестокостью и лихостью доставившую много неприятных минут русским. Плохо знавшие сложную кавказскую этнографию, русские всех горцев, невзирая на племенную принадлежность, называли черкесами.

46 *Зимница* — город в Румынии, возле которого русская армия переправилась через Дунай. Выгода местности состояла в том, что турецкие крепости Рущук и Никополь отстояли от нее на 40–50 верст и в удобстве спуска на воду понтонов с авангардом и наведения моста; неудобство же в том, что правый берег Дуная был возвышенным на 4–10 сажен. Предвари-

тельно были поставлены минные заграждения против действия турецких броненосцев. Вследствие удачной демонстрации турки думали, что переправа будет происходить возле Никополя, и у Зимницы силы их были невелики. Командовал переправой генерал М. И. Драгомиров. Переправа началась в ночь на 15 июня на понтонах, двумя эшелонами. В ходе ночного боя был занят плацдарм, турки отступили к Рущуку и Никополю, и днем 15 июня занят г. Систов. Русские потери составили 31 офицер и 766 солдат, утонули 19 понтонов и 2 горных орудия. Из устья р. Ольты по течению были спущены части наплавного моста, который был собран 17 июня, а 20 июня по нему началась переправа русской армии.

47 *Систов* — Свиштово, город в Болгарии на правом берегу Дуная, между турецкими крепостями Рущук и Никополь. Местность представляла удобство для переправы, поскольку берег был свободен от болот.

48 *Кольцов* — Алексей Васильевич (1809–1842), известный русский поэт, выходец из мещан, писал стихи в духе народных песен.

49 *Похитонов* — Даниил Даниилович (1824–1882), генерал-майор (1874), в войну 1877–1878 гг. командир бригады, за отличие при взятии Никополя награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., отличился в боях под Плевной и на Араб-Конакском перевале.

50 *Владимир Александрович* — (1847–1909), великий князь, третий сын Александра II, в войну 1877–1878 гг. командовал 12-м армейским корпусом, успешно действуя на левом фланге Рущукского отряда.

51 *Башибузуки* — участники добровольческих полупартизанских-полубандитских формирований в турецкой легкой коннице, преимущественно состоявших из «черкесов». Башибузук — «отчаянная голова».

52 *Жалонеры* — здесь: квартирьеры. Жалонерные солдаты и офицеры высылались в походе вперед для

выяснения возможностей расквартирования частей в близлежащем селе или городе и занимали помещения, обозначая их принадлежность той или иной части особыми жалонерными значками, флажками.

53 *Никополь* — город и турецкая крепость в Болгарии, на берегу Дуная. Хотя незадолго до войны старую полуразрушенную крепость начали укреплять, земляные постройки были сравнительно слабыми. После переправы через Дунай 9-й армейский корпус генерала Криденера 3 июля атаковал Никополь, который сдался 4 июля. Было взято 7 тысяч пленных, 118 орудий, большой склад запасов и два поврежденных броненосца. У русских выбыло из строя около 1300 человек.

54 *Аванпосты* — передовые сторожевые посты, предупреждавшие о появлении неприятеля.

55 «*Гаврилыч*» — в русской армии прозвище казаков. Происхождение непонятно.

56 *Кроки* — наброски карты местности, наскоро делаемые во время рекогносцировки, разведки местности.

57 *Рекогносцировка* — разведка, обзор местности.

58 *Гимнастические рубахи* — гимнастерки, белые рубахи-косоворотки, носившиеся под ремень навыпуск. Введены сначала в Туркестанском и Оренбургском округах для ношения в жаркое время, затем распространены на всю армию. После Русско-японской войны получили защитный цвет.

59 *Граната* — здесь: легкий осколочный артиллерийский снаряд.

60 *Ложементы* — пехотные окопы.

61 *Патроны Снайдера* — к винтовке системы американского конструктора Д. Снайдера калибром 14,7 мм; винтовки были приняты на вооружение в английской армии, поступали в турецкую армию: Турция втайне поддерживалась Англией, постоянным врагом России.

[62] *Крнка ружья* — винтовки системы чешского конструктора С. Крнки. В России в 1869 г. приняты на вооружение «переделочные» винтовки под систему Крнки под металлический патрон калибром 15,14 мм.

[63] *Картечь* — свинцовые или чугунные пули, насыпанные в легкие жестяные, открытые спереди гильзы (насыпная картечь) или увязанные в холщовые мешки (вязаная картечь). Предназначались для огня на небольшие дистанции по живой силе противника.

[64] *Крупповские полевые орудия* — стальные, из стали, полученной по способу Круппа, т. е. облегченные, новой конструкции.

[65] *Богацевич* — Максим Пантелеевич (1820–1880), генерал-майор, командир 2-й бригады 5-й пехотной дивизии: после смерти командира Козловского пехотного полка возглавил также и полк.

[66] *Мациевский* — Евгений Иосифович (1845–1910). В войну 1877–1878 гг. полковник, начальник железнодорожных перевозок войск.

[67] *Редут* — крупное земляное полевое укрепление сомкнутого (т. е. с горжей, тыловым валом со сложным проходом) типа, четырех, пятиугольное.

[88] *Гласис* — пологая земляная насыпь перед крепостным рвом для противодействия обстрелу рва и основания крепостного вала.

[69] *Гассан-паша* — командующий турецким гарнизоном крепости Никополь.

[70] *«Гром победы, раздавайся, Веселися, храбрый Росс»* — стихотворение Г.Р. Державина, ставшее одним из русских военных маршей.

[71] *Табор* — в турецкой армии аналог батальона.

[72] *«Первая Плевна»* — первый штурм турецкой крепости Плевна (Плевен) 7–8 июля войсками генерала

Шильдера-Шульднера. Неудача стоила 2,5 тыс. человек, выбывших из строя; турки потеряли 2 тыс.

73 *4-фунтовые батареи* — вооруженные четырехфунтовыми пушками, т. е. стрелявшими снарядами весом 4 артиллерийских фунта (1920 гр), калибром 102 мм.

М. Н. Мазюкевич
Воспоминания о 1876—1877 гг.

74 *Депп* — Александр Филиппович, русский генерал, в войну 1877–1878 гг. начальник инженерной службы армии.

75 *Непокойчицкий* — см. примеч. 16.

76 *Левицкий* — Казимир Васильевич (1835–1890), военный деятель. В войну 1877–1878 гг. помощник начальника полевого штаба армии. Настоял на необходимости продолжать блокаду Плевны после первых неудач. Педантизмом, мелочностью, неумением применять на практике теорию, пассивностью в организации продовольственного дела вызвал большое неудовольствие

77 *Великий князь Николай Николаевич* — см. примеч. 15.

78 *Молдаво-Валахия* — объединенное княжество, вассальное государство Османской империи. Возникло в 1859 г. после объединения дунайских княжеств Молдавии и Валахии после коронации Александра Кузы. В 1877 г. провозгласило независимость.

79 *Кампании 1828–1829 гг. и 1853–1854 гг.* — Русско-турецкая война 1828–1829 гг., в ходе которой была разгромлена турецкая армия в Болгарии, и составная часть Крымской (Восточной) войны, действия Дунайской армии генерала Горчакова против турок, вследствие огромных потерь русских от болезней, угрозы со стороны Австро-Венгрии и неудач под Севастополем

армия Горчакова была выведена в Крым, а сам он заменил там главнокомандующего Меншикова.

80 *Шуберт* — Федор Федорович (1789–1865), генерал от инфантерии, служил в Генеральном штабе. В 1822 г. назначен начальником Корпуса военных топографов, принимал личное участие в геодезических работах. Также состоял начальником гидрографического депо. Основал издание Записок военно-топографического депо и гидрографического депо.

81 *Абламьевский-Обломиевский Н. Н.*, генерал-майор, в войну 1877–1878 гг. начальник Военно-топографического отдела Полевого штаба.

82 *Плотовой мост* — наплавной, на бревенчатых плотах.

83 *Дубасов, Рагуля* — Дубасов — см. примеч. 36. Рогуля — командир минного катера.

84 *Кирпичев, Битнер* — Кирпичев Константин Львович (1844–1910), военный инженер, участник создания переправ через Дунай, затем начальник военно-дорожного отдела. Личность Битнера выяснить не удалось.

85 *Новосильцев* — вероятно, Новосильский, капитан 1-го ранга, флигель-адъютант, участник сплава плотов и понтонов по Дунаю из устья р. Ольты.

86 *Мониторы и канонерские лодки* — монитор — см. примеч. 43; канонерская лодка — небольшой боевой корабль для действий в прибрежных водах, вооруженный одним-двумя крупнокалиберными орудиями для действия по, преимущественно, флангам сухопутного фронта.

87 *Журжа, Калараш* — города в Молдавии. Журжа с 1772 г. была турецкой крепостью на левом берегу Дуная, передовым укреплением Рущука.

88 *Вершок* — старая русская мера длины, около 4,5 см. Рост в 9 вершков — более 180 см: 9 вершков считается здесь сверх двух аршин, т. е. 144 см.

89 *Бобриков, Паренсов* — Бобриков Николай Иванович (1839–1904), русский государственный деятель, генерал. С 1876 г. состоял при великом князе Николае Николаевиче Старшем, с 1877 г. помощник начальника штаба войск гвардии; Паренсов Петр Дмитриевич (1843–1914). Накануне войны 1877–1878 гг. полковник, офицер для особых поручений при командующем гвардией, 7 месяцев секретно путешествовал по Румынии и Болгарии для разведки о силах и расположении турецких войск. Затем начальник штаба Кавказской казачьей дивизии. Отличился в сражении под Ловчей, был переведен в отряд генерала Криденера, находился в Шипкинском отряде у генерала Радецкого, под Плевной был начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, затем в отряде генерала Гурко. В 1879 г. назначен военным министром Болгарии, но в результате разногласий с главой Болгарии был отозван.

90 *Ольтениц* — Ольтеница, город в Румынии на берегу р. Ржиш у впадения ее в Дунай, напротив Туртукая. Укрепления были заняты румынами, затем подошли русские войска, в течение апреля—июня удерживавшие стратегически важный пункт, несмотря на сильный артиллерийский обстрел с укреплений Туртукая.

91 *Аржиш* — Ржищ, река, приток Дуная.

92 *Серет* — река, левый приток Днестра.

93 *Рущук* — ныне город Руссе в Болгарии. В канун войны 1877-1878 гг. турецкая крепость на правом берегу Дуная, одна из стоянок турецкого флота. Вместе с Силистрией, Шумлой и Варной составлял стратегически важный четырехугольник крепостей, фланкировавших операционные линии от Дуная к Балканам и отделявший Болгарию от Добруджи.

[94] *Каменский* — Николай Михайлович (1778–1811), генерал от инфантерии. В 1810 г. был назначен командующим Молдавской армией, одержал блистательные победы при Батине и Ловче, но тяжело заболел и умер.

[95] *Кутузов* — Михаил Илларионович (1745–1813), светлейший князь Смоленский, славный русский полководец. В 1808 г. был направлен в Валахию в помощь престарелому командующему князю Прозоровскому, но затем отозван. После смерти командующего графа Каменского в 1811 г. назначен командовать Дунайской армией, нанес поражение туркам и удачно закончил кампанию в начале 1812 г. Бухарестским миром.

[96] *Туртукай* — ныне Тутракан, город в Болгарии. Под турецкой крепостью Туртукай Суворов в 1773 г. дважды наголову разбил турок.

[97] *Засс* — Андрей Павлович (1753–1815), барон, генерал-лейтенант. Во время Русско-турецкой войны 19 мая 1810 г. перешел Дунай ниже Туртукая и осадил Рущук.

[98] *Даненберг* — Петр Андреевич (1792–1872), генерал от инфантерии. В 1853 г., командуя 4-м пехотным корпусом, вступил в пределы дунайских княжеств, но, отличаясь нерешительностью, командовал неудачно. Отозванный в Крым, после Инкерманского сражения, проигранного в значительной степени по его вине, покинул армию.

[99] *Силистрия* — город и турецкая крепость на Дунае, входившая в стратегически важный четырехугольник крепостей.

[100] *Раух* — Оттон Егорович (1834–1890), генерал-майор, состоял для особых поручений при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче Старшем, затем помощник начальника передового отряда генерала Гурко. Добился успеха в деле при Ханкиойском перевале. Временно командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией.

[101] *Струков* — Александр Петрович (1840–1911). В начале войны полковник, адъютант главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Старшего. Отличился при минировании Дуная. Затем генерал-майор, после Плевны был начальником авангарда в отряде генерала Скобелева. Пленил Османа-пашу. Преследуя отступавшую турецкую армию, достиг Адрианополя.

[102] *Дон Карлос* — дон Карлос де Молина (1786–1855), испанский инфант, претендент на престол. Его претензии привели к трем гражданским, так наз. Карлистским войнам в Испании.

[103] *Боткин, Пирогов* — Боткин Сергей Петрович (1832–1889), выдающийся врач, ученый, основоположник военно-полевой терапии; Пирогов Николай Иванович (1810–1881), русский анатом и хирург, основоположник военно-полевой хирургии, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

[104] *Рихтер* — Александр Карлович (1834–1897), генерал-майор, командовал 3-й саперной бригадой при переправе через Дунай, затем командир 16-го корпуса.

[105] *Рутьер* — безрельсовая паровая самодвижущаяся машина.

[106] *Словарь Рейфа* — Ф. И. Рейфа (1792–1872), швейцарского и русского лексикографа. Возможно, подразумевается «Новый карманный словарь», до 1880 г. выдержавший несколько переизданий.

[107] *Скуляны* — местечко в Молдавии на р. Прут.

[108] *Бороздин* — Георгий Александрович (1835–1905), полковник, командир 8-го Лубенского гусарского полка, затем генерал-майор, командир 1-й бригады 12-й кавалерийской дивизии.

[109] *Леонов* — Николай Степанович (1824–1877), генерал-майор, командир 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В составе Рущукского отряда

у деревни Карахасатия с одним полком 12 часов отбивался от втрое сильнейшего неприятеля.

110 *Князь Карл* — принц Карл Гогенцоллерн (1839–1914), в 1866 г. в результате плебисцита избран наследным князем румынским под именем Карла I Румынского. Активный сторонник участия Румынии в войне с Турцией, был номинальным командующим объединенными русско-румынскими войсками под Плевной.

111 *«Ну, гашпада...»* — намек на то, что собеседник был евреем, не чисто говорившим по-русски.

112 *Коган, Горвиц* — предприниматели, взявшие подряды на поставку в армию необходимого снабжения, евреи по национальности. Поставки шли неудовлетворительно, что усилило антисемитские настроения в стране.

113 *Чернат* — генерал-майор, командующий румынской армией.

114 *Калафат* — румынское местечко на левом берегу Дуная, предмостное укрепление турецкой крепости Виддин.

115 *Балтазар Балтазарович Жевакин* — персонаж комедии Н. В. Гоголя «Женитьба».

116 *Кожаные лапти* — имеются в виду постолы (см. примеч. 23), в которые обувались румынские солдаты.

117 *Вюрцбург* — здесь ирония: немцев в России называли «колбасниками», поскольку приготовление колбас и сосисок завезено в Россию немцами.

118 *Domnu colonelu* — господин полковник.

119 *Armata rumanesca* — румынская артиллерия.

120 *«Les Brigands»* — «Разбойники».

121 *Виддин* — город в Болгарии на правом берегу Дуная. Во время сербо-турецкой войны был базой турецкого командующего Османа-паши, откуда он в

1877 г. успешно прошел в Плевну. Девственницей крепость здесь названа потому, что никогда не была взята противником.

122 *Осман-паша* — Осман Нури-паша (1832–1900), турецкий маршал (мушир). В войну 1877–1878 гг. командующий гарнизоном Плевны, отразил 3 штурма крепости. При попытке прорыва был ранен, сдался в плен.

123 *Складная шляпа* — шапо-кляк, складной цилиндр с пружинкой внутри, так что в сложенном положении мог быть взят подмышку; использовался при визитах.

124 *Братиано* — Иван (1822–1891), молдавский революционный и государственный деятель. С конца 1850-х гг. выступал за объединение Молдавии и Валахии. В 1867 г. возглавил кабинет министров князя Карла, с 1876 г. глава кабинета Румынии; послал румынские войска на помощь русским, провозгласил независимость Румынии.

125 *Скалон* — вероятно, Дмитрий Антонович (1840—1919), полковник, адъютант главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Старшего.

126 *Эполементы* — полевые окопы для артиллерии, орудийные дворики.

127 *Сажень* — старая русская мера длины в 2,134 м.

128 *Нагловский* — Дмитрий Степанович (1838–1890), полковник, офицер для поручений при начальнике штаба русской армии, участвовал в действиях при переправе через Дунай и под Систовом. Затем генерал-майор, начальник штаба в отряде генерала Гурко.

129 *Главная квартира* — резиденция, штаб и свита верховного главнокомандующего или императора.

130 *Маркитант* — см. примеч. 21.

131 *Высокоблагородие* — титул штаб-офицеров: майоров, подполковников и полковников.

132 *Мне, уже старому полковнику, не подобает содействовать двум капитанам* — имеется в виду как старшинство производства в чин, игравшее немаловажную роль в отношениях офицеров одного чина, так и порядок субординации в армии.

133 *A bâtons rompus (фр.)* — на повышенных тонах.

134 *Некрасовцы* — запорожцы, переселенные Екатериной II на Кубань и затем, под предводительством Игната Некрасова, ушедшие за Дунай, во владения турецкого султана.

135 *Миноноски* — здесь: минные паровые катера, использовавшиеся на Дунае при подготовке переправы для потопления или блокады турецких кораблей. Заряд пироксилина с электрическим и ударным запалами подвешивался к длинному шесту в носовой части катера, и для успешной атаки требовалось под огнем вплотную подойти к борту вражеского корабля и замкнуть запал или ударить о борт зарядом.

136 *Тотлебен* — Эдуард Иванович (1818–1884), русский инженер-генерал (1869), граф (1879), почетный член Петербургской академии наук. Прославился при руководстве инженерными работами при обороне Севастополя в Крымскую войну. В войну 1877–1878 гг. руководил осадой Плевны.

137 *Пуд* — см. примеч. 22.

138 *Плашкоут* — плоскодонное несамоходное судно для перевозки грузов в пределах порта.

139 *Каульбарс* — Александр Васильевич (1844–1929), русский географ, военный деятель, в войну 1877–1878 гг. начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии в составе Рущукского отряда, затем командир передового конного отряда 13-го армейского корпуса.

140 *Драгомиров* — Михаил Иванович (1830–1905), русский военачальник. В начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал 14-й пехотной дивизией, которая под огнем турок первой переправилась через Дунай у г. Систова. Затем оборонял Шипкинский перевал, был тяжело ранен. Впоследствии возглавлял Николаевскую академию Генерального штаба, командовал Киевским военным округом. Военный писатель, сторонник решительных действий.

141 *Великий князь Алексей Александрович* — (1850–1908), сын Александра II, генерал-адмирал, т.е. командующий военно-морскими силами России. По единогласным отзывам современников, в том числе членов Императорской фамилии, отличался хлебосольством, сибаритством, низким уровнем профессионализма и взяточничеством. Имел прозвище «семь пудов августейшего мяса». Молва обвиняла его в поражении флота в Русско-японскую войну, и в результате публичного скандала он был вынужден выйти в отставку.

142 *Un mauvais quart d'heure (фр.)* — «неприятные четверть часа»: обычно имелся в виду поединок, несколько минут под дулом пистолета.

143 *Брандер* — небольшое судно, загруженное горючими и взрывчатыми веществами и по ветру или по течению направленное с небольшой командой к вражеским кораблям или мосту для их уничтожения.

144 *Нижние чины* — рядовые солдаты и унтер-офицеры.

145 *Кожуховый бот* — на колесных пароходах лодка, опрокинутая на кожух гребного колеса для его прикрытия.

146 *Морское десантное 4-фунтовое орудие* — корабли снабжались облегченными разборными десантными пушками для перевозки их на берег на гребных судах. Четырехфунтовое орудие стреляло снарядами

весом 4 артиллерийских фунта — около 2 кг, имея калибр около четырех дюймов — 100 мм.

147 *Охотники* — добровольцы, идущие по собственной охоте.

148 *Гвардейский экипаж* — лейб-гвардии Морской экипаж, из которого комплектовались команды для гвардейских кораблей и придворных яхт.

149 *Криденер* — см. примеч. 44.

150 *Неудачное покушение овладеть Плевной 18 июля* — т. н. «вторая Плевна», второй штурм турецкой крепости.

151 *Зотов* — Павел Дмитриевич (1827–1879), генерал, в войну 1877–1878 гг. командир 4-го армейского корпуса, затем формально начальник штаба при русско-румынских войсках принца Карла, облегавших Плевну, а фактически — командующий всеми силами.

152 *...переходили бы Дунай, как иудеи через Чремное море* — имеется в виду эпизод из Ветхого Завета: бежавшие из египетского плена евреи перешли по дну Красного моря, расступившегося перед ними, а преследовавший их египетский фараон погиб в волнах со всем воинством.

153 *Найтовы* — здесь: канаты, скреплявшие части наплавного моста.

154 *Золотое оружие* — боевая награда, по статусу выше ордена Св. Георгия 4-й степени: холодное позолоченное оружие с маленьким крестиком ордена Св. Георгия на эфесе и темляком из георгиевской ленты. Существовало соотношение между чинами и наградами, и полковник за заслуги мог получить и знаки ордена Св. Георгия 3-й степени.

155 *Золотая рота* — ироническое название ассенизаторов («золотарей»), а также и Роты дворцовых гренадер, носивших мундиры, расшитые на груди золотыми галунами.

[156] *Пфуль* — барон Карл-Людвиг-Август (1757–1826), прусский генерал Генерального штаба. С 1809 г. на русской службе. Автор проекта известного Дрисского лагеря 1812 г.

[157] *Гурко* — Гурко-Ромейко Иосиф Владимирович (1828–1901), один из известнейших генералов в войну 1877–1878 гг. В канун войны командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. 24 июня назначен командиром передового отряда для захвата Балканских перевалов. Овладел г. Тырново, Канхиойским и Шипкинским перевалами, г. Казанлык. Взял турецкие укрепленные пункты Горный Дубняк и Телиш. Зимой перешел Балканы, одержал победы при Ташкисене и под Филиппополем, затем преследовал отступающую турецкую армию до Адрианополя.

[158] *Горный Дубняк* — укрепленный турецкий пункт на шоссе из Орхание в Софию, через который шло снабжение турецкого гарнизона Плевны. Взят штурмом войск генерала Гурко 12 октября 1877 г.

[159] *Кобура* — здесь — кожаная сумка, притороченная к седлу для имущества всадника.

[160] *Инструментальные фуры* — крытые военные повозки для имущества, в данном случае шанцевого инструмента для построек укреплений.

[161] *Дольний Дубняк* — укрепленный турецкий пункт на шоссе из Орхание в Софию, через который шло снабжение турецкого гарнизона Плевны. Взят русскими войсками 20 октября 1877 г.

[162] *Телиш* — укрепленный город на шоссе Орхание—София, опорный пункт турецкой армии, через который шло снабжение гарнизона осажденной Плевны. Взят штурмом войсками генерала Гурко 16 октября 1877 г.

[163] Горжа — тыльный вал сомкнутого укрепления, бастиона или редута, имевший Г-образный обороняемый проход.

[164] *Ганецкий* — Иван Степанович (1810–1887), генерал, в войну 1877–1878 гг. командир Гренадерского корпуса, выдержавшего отчаянный натиск турецкого гарнизона Плевны.

[165] *Свечин* — Владимир Константинович (1821–1878), генерал, начальник 2-й гренадерской дивизии, затем 9-го пехотного корпуса под Плевной.

[166] *Данилов* — Михаил Павлович (1825–1906), генерал, в войну 1877–1878 гг. отличился в бою 28 ноября 1877 г. под Плевной.

[167] *...турки перешли Вид и направились в расположение 3-й гренадерской дивизии* — мощный порыв турецкого гарнизона разбился о стойкость русских гренадер, понесших огромные потери. В честь подвига гренадер в Москве им поставлен памятник.

[168] *Араб-Конак* — перевал на Балканах на пути из Орхание в Софию. 21 ноября 1877 г. русские войска генерала Эллиса, захватившие его, отбили 5 атак превосходящих турецких сил.

[169] *Дибич-Забалканский* — Иван Иванович (1785–1831), генерал-фельдмаршал (1829), генерал-адъютант (1828), граф (1827). Видный штабной работник, автор плана Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., во время которой находился при престарелом и нерешительном главнокомандующем, фактически руководя военными действиями, а с февраля 1829 г. главнокомандующий. Одержал победу при Кулевче, овладел Силистрией и совершил переход через Балканы к Адрианополю, создав угрозу Стамбулу.

[170] *В день покушения на... Императора Александра II* — 4 апреля 1866 г. при выходе из Летнего сада в императора стрелял (неудачно) революционер Д. В. Каракозов.

[171] *Прелиминарный мир* — предварительный, т.е. перемирие. Имеется в виду Сан-Стефанский мир.

[172] *Игнатьев* — у автора ошибка в инициалах. Имеется в виду Николай Павлович (1832–1908), военный дипломат и военачальник, граф (1877), генерал от инфантерии (1878). С 1864 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр, в 1867–1877 гг. русский посол в Константинополе. Пользовался большим влиянием в правящих верхах Турции, оказывал поддержку славянскому освободительному движению на Балканах, в конце 70-х гг. выступал за усиление давления на Турцию, вплоть до развязывания военных действий. В 1876–1878 гг. представлял Россию на Константинопольской конференции, созванной для разрешения проблем, возникших в связи с антитурецким восстанием в Боснии и Герцеговине. Неоднократно выдвигал проекты будущего устройства Болгарии в виде автономной провинции в Османской империи. В начале 1877 г. направлен в европейские столицы с целью добиться нейтралитета держав в предстоящей Русско-турецкой войне. Считался одним из инициаторов войны 1877–1878 гг. Во время войны состоял в Свите Александра II на театре военных действий. В январе 1878 г. командирован в качестве 1-го уполномоченного на переговоры с Турцией, руководил русской делегацией при подписании Сан-Стефанского мира. До сих пор весьма почитаем в Болгарии.

[173] *Шувалов* — у автора ошибка. Имеется в виду Петр Андреевич (1827–1889), генерал от кавалерии, граф, дипломат, государственный деятель. В 1866–1873 гг. шеф жандармов и начальник 3-го отделения, ближайший советник Александра II, а в 1874–1879 гг. русский посол в Лондоне. Считался виновником дипломатического поражения России: по его настоянию русская армия была остановлена перед Константинополем, что дало возможность Австро-Венгрии и Англии вооружиться против России, а затем на Берлинском конгрессе в результате его пассивности были похерены условия Сан-Стефанского мира.

[174] *Чичероне* — гид, проводник.

175 *Щит Олега* — по летописи, князь киевский Олег, взяв штурмом Царьград (Константинополь), в назидание грекам прибил к его воротам свой щит.

176 *Синие бороды* — у жгучих брюнетов сбритая щетина все же слегка видна и имеет синеватый оттенок.

177 *Полуимпериал* — пятирублевая золотая монета.

178 *Лейб-медик* — придворный врач-терапевт.

179 *Пароход Русского общества* — Русского Общества Пароходства и Торговли по Черному морю (РОПИТ).

180 *Черевин* — Петр Александрович (1837–1896), полковник, флигель-адъютант, командир Собственного Его Императорского Величества конвоя, в 1877 г. командир Кавказской казачьей бригады, действовал в авангарде русской армии. Затем генерал-майор, с октября 1878 г. товарищ (заместитель) шефа жандармов, в 1880–1881 гг. товарищ министра внутренних дел.

181 *Скутари* — ныне Ускюдар, часть Стамбула на азиатском берегу Босфора.

182 *Золотой Рог* — бухта на европейском берегу южного входа в пролив Босфор. На его берегах расположены город и порт Стамбул.

183 *Обручев* — Николай Николаевич (1830–1904), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1887), почетный член Петербургской академии наук (1888), профессор Академии Генерального штаба, выдающийся военный деятель, в 1867–1881 гг. управляющий делами Военно-ученого комитета.

184 *Берлинская конференция* — собранный по настоянию европейских держав международный конгресс по пересмотру Сан-Стефанского мира. В результате весьма выгодные для России условия мира были урезаны. Основным противником России была Австро-Венгрия, сама нацелившаяся на Балканы.

185 *Наследник* — великий князь цесаревич Александр Александрович, В войну 1877–1878 гг. удачно командовал т. н. Рущукским отрядом, блокировавшим четырехугольник турецких крепостей.

186 *Честный маклер* — Пруссия, точнее, ее король, на Берлинском конгрессе занявший двурушническую позицию, в результате чего Россия, надеявшаяся на поддержку Пруссии, была вынуждена согласиться на менее выгодные условия мира. Лукаво говорил, что он в соглашении держав действует только как «честный маклер», не преследуя личных целей.

СОДЕРЖАНИЕ

В оформлении использованы фрагменты картин художника Н. Д. Дмитриева-Оренбургского «Сдача крепости Никополь 4 июля 1877 года», «Захват Гривицкого редута под Плевной», «Последний бой под Плевной».

Подписано в печать 20.09.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 500 экз.
Заказ № 13. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

ISBN 978-5-85209-428-5

9 785852 094285

Издание объединило две книги, написанные участниками Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Автор «Воспоминаний о походе 18-го пехотного Вологодского полка» — офицер Константин Иванович Бачевский (р. 1851, впоследствии генерал-майор) — описывает дорогу до Дуная по территории Румынии, штурм Плевны, взятие Никополя, приводит данные о раненых и убитых. «Воспоминания...» Михаила Никитича Мазюкевича (р. 1829), офицера Инженерного управления Дунайской армии посвящены строительству мостов через реки в условиях войны, переправе войск через Прут и Дунай, саперным работам под Плевной.

